3 1761 07035469 1

Борисъ Павловичъ
ВОЙНАРОВСКІЙ

ЧТО ГЛАЗА МОИ ВИДѢЛИ.

I.

ВЪ ДѢТСТВѢ.

1921

ИЗДАНІЕ ОЛЬГИ ДЬЯКОВОЙ и Ко.
ВЪ БЕРЛИНѢ.

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/chtoglazamoividi01kara

Борисъ Павловичъ
ВОЙНАРСКІЙ

Kazabcherskiĭ, Nikolaĭ Platonovich
111
Борисъ Павловичъ
ВОЙНАРСКІЙ

Н. Казбчерскій

ЧТО ГЛАЗА МОИ ВИДѢЛИ

I.

ВЪ ДѢТСТВѢ.

Chto glaza moi vidieli

t. 1

1921

ИЗДАНІЕ ОЛЬГИ ДЬЯКОВОЙ и Ко.
ВЪ БЕРЛИНѢ.

Этотъ трудъ напечатанъ въ количествѣ пяти тысячъ экземпляровъ, изъ которыхъ сто на лучшей бумагѣ.

DK
254
K24A3
c.1

Всѣ права сохранены за авторомъ.

790648

Посвящается русским людям.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Свѣтъ Божій я увидѣлъ впервые въ городѣ Николаевѣ, Херсонской губерніи, въ концѣ 1852-го года.

Что это не былъ свѣтъ солнца, — ясно ужъ изъ того, что я родился (какъ и большая часть современнаго людского рода) до утренней зари, въ ночь на 30-ое ноября. Что это не былъ яркій свѣтъ электричества, порукою то, что эта могучая сила не была еще въ то время законтрактована акціонерными компаніями и не отпускалась въ раздробъ, при помощи штепселей и кнопокъ.

Вѣроятно это былъ слабый свѣтъ маслянной лампы (керосиновыя были еще впереди), или сальной, въ лучшемъ случаѣ стеариновой свѣчи.

У бабушки Евфросиніи Ивановны только въ парадныхъ комнатахъ т. е. въ гостинной, столовой и въ залѣ, въ стѣнныхъ бра, подсвѣчникахъ и въ высокихъ канделябрахъ были заправлены стеариновыя свѣчи, въ жилыхъ комнатахъ обходились особаго (высшаго) сорта сальными шестигранными свѣчами, не слишкомъ быстро оплывавшими, въ отличіе отъ тонкихъ сальныхъ сосулекъ, съ быстро нагоравшими, растрепанными фитилями, которыя были въ ходу въ людскихъ, дѣвичьихъ и кухонныхъ аппартаментахъ. Полагались особаго рода щипцы и щипчики (иногда фигурнаго фасона), для сниманія фитильнаго нагара, но даже бабушкины премьеръ-лакеи (Степка и Ванька), а за ними и вся дворня, отлично приспособились снимать нагаръ примитивнымъ способомъ т. е. пальцами, предварительно поплевавъ на нихъ.

Мать моя, Любовь Петровна, какъ я примѣтилъ, предпочтительно любила ровный и мягкій свѣтъ масляной лампы, затѣненный бѣлымъ фаянсовымъ абажуромъ. По всей вѣроятности, этотъ уютно-незлобивый свѣтъ и былъ первымъ, который увидѣли мои глаза.

Одновременно съ нимъ я долженъ былъ увидѣть множество женскихъ лицъ — (тетушекъ родныхъ, двоюродныхъ и троюродныхъ), и ни одного мужского лица.

Ни одного мужского лица потому, что мой отецъ (Платонъ Михайловичъ) какъ разъ въ это время, послѣ возвращенія изъ „похода противъ венгровъ“ (подавленіе „венгерскаго возстанія“ въ царствованіе Николая Павловича въ 1848 году), получилъ въ командованіе уланскій Его Высочества Герцога Нассаускаго полкъ, который въ эту пору квартировалъ въ мѣстечкѣ „Кривое Озеро“, гдѣ мать, мною беременная, не могла основаться. Въ то время процедура пріемки и сдачи каваллерійскаго полка, съ его фуражемъ, аммуниціей и лошадьми, считалась хозяйственно-сложной и крайне отвѣтственной. Къ тому-же, принимаемый отцомъ полкъ въ то вермя усиленно ремонтировался, готовясь къ весеннему Высочайшему смотру въ Чугуевѣ, куда по этому случаю, должна была стянуться каваллерія со всего юга.

Отца моего я никогда не видѣлъ; по крайней мѣрѣ, не помню, чтобы я его видѣлъ; видѣлъ-ли онъ меня втеченіе полутора лѣтъ, которыя онъ еще прожилъ послѣ моего появленія на свѣтъ, — не знаю.

Вѣроятно, всетаки урывался въ отпуска и подержалъ на своихъ рукахъ наслѣдника.

Долго мнѣ объ отцѣ никто ничего не говорилъ и ничто мнѣ его не напоминало, кромѣ молитвы, которой меня научила, въ числѣ другихъ молитвъ, няня Марфа Мартемьяновна.

Каждое утро, и вечеромъ, передъ укладываніемъ меня въ постель, я повторялъ сначала за нею, а затѣмъ выучилъ и наизусть, кромѣ „Отче нашъ“, „Богородицы“ и „о здравіи мамы, бабушки, сестрицы и всѣхъ сродниковъ“, — еще и такую молитву: „упокой Господи душу родителя моего, раба Божія Платона и сопричти его къ лику праведныхъ твоихъ“.

Не будь этой молитвы, сочиненной, очевидно, сердобольнымъ рвеніемъ самой Марфы Мартемьяновны, мнѣ-бы не приходило въ голову, что у меня, кромѣ безконечно любимой матери, былъ еще и отецъ.

Только уже почти въ годы отрочества, изъ разсказовъ матери и другихъ близкихъ мнѣ — (а ихъ было множество, и всѣ говорливаго, женскаго пола), я узналъ кое-что доподлинно о моемъ отцѣ.

Онъ женился на моей матери бездѣтнымъ вдовцемъ и прожилъ съ нею недолго, всего лѣтъ шесть.

Старшая моя сестра, Соня умерла, не доживъ и года; вторая Ольга, старше меня года на два, была безсмѣнной подругой всего моего дѣтства. По общему отзыву она была „вылитый отецъ“, я-же походилъ, скорѣе, на мать.

Судя по сохранившимся двумъ портретамъ покойнаго отца, онъ былъ видный, бравый каваллеристъ. Мать, которая вышла за него замужъ по страстной любви, увѣряла, что онъ былъ „просто красавецъ".

На одномъ портретѣ (акварелѣ) онъ изображенъ на своемъ бѣломъ, арабской крови, „Алмазѣ", въ полной парадной формѣ своего полка. На другомъ, маломъ, рисованномъ на слоновой кости, онъ изображенъ только по поясъ. По отзыву матери, этотъ особенно разительно передалъ сходство. Здѣсь, рядомъ съ бѣлыми, во всю груды, лацканами его мундира, онъ выглядитъ жгучимъ брюнетомъ, съ черными, какъ воронье крыло, опущенными внизъ усами, небольшими, по тогдашней модѣ, бачками и чернымъ какъ смоль, слегка вьющимся кокомъ, надъ высокимъ смугловатымъ лбомъ.

Позднѣе, родной братъ покойнаго, Владиміръ Михайловичъ Карабчевскій, утверждалъ и объяснялъ мнѣ, что родъ Карабчевскихъ — турецкаго происхожденія. У него была даже какая-то печатная брошюрка, семейная реликвія, содержавшая въ себѣ соотвѣтственныя свѣдѣнія. Во время войнъ при Екатеринѣ, при взятіи Очакова, былъ плѣненъ мальчикъ-турченокъ, родители котораго были убиты. Его повезъ съ собою въ Петербургъ какой-то генералъ, тамъ его отдали въ военный корпусъ и дали фамилію отъ „Кара", что значитъ черный. Онъ могъ быть дѣдомъ моего отца и, стало быть, моимъ прадѣдомъ. Весь родъ Карабчевскихъ, вплоть до меня, служилъ въ военной службѣ, преимущественно въ каваллеріи.

Великолѣпные, каріе глаза отца, вмѣстѣ съ синеватымъ отливомъ ихъ бѣлковъ и красиво загнутыми рѣсницами, цѣликомъ унаслѣдовала сестра Ольга, которая, въ свое время, считалась въ ряду красивѣйшихъ дѣвушекъ (или по тогдашнему, — „выѣзжающихъ барышень"), города Николаева, который въ то время, какъ разъ, славился своими красавицами.

Изъ формулярнаго служебнаго списка покойнаго отца, который и сейчасъ у меня цѣлъ, я знаю, что образованіе онъ получилъ „домашнее", причемъ въ той-же графѣ, почему-то, особо обозначено: „ариѳметику знаетъ". Въ полкъ онъ вступилъ юнкеромъ, довольно поздно, такъ какъ пробовалъ раньше какую-то штатскую службу. Въ военной онъ подвигался очень быстро; очевидно нашелъ свое призваніе. Полковникомъ, и уже полковымъ командиромъ, былъ, когда ему едва стукнуло сорокъ лѣтъ.

Послѣ знаменитаго Чугуевскаго смотра, на которомъ передъ Николаемъ Павловичемъ парадировала преимущественно ка-

валлерія, отецъ удостоился особой, занесенной въ его формуляры, Высочайшей благодарности. Предрекали, что слѣдующей для него наградой будутъ вензеля и флигель-адьютантскій аксельбантъ; но рокъ судилъ иначе. Именно съ этого смотра, предшествуемаго безконечными ученіями и маневрами, онъ, по словамъ матери, вторично жестоко простудившись, сталъ хворать, но ни за что не хотѣлъ оставить службы и перемогался, пока не слегъ совсѣмъ.

Умеръ онъ на 43-мъ году жизни тамъ же въ Кривомъ Озерѣ, гдѣ стоялъ его полкъ. Тамъ и похороненъ близь самой церкви. Отъ какой именно болѣзни онъ угасъ, мнѣ въ точности не удалось узнать.

По этому предмету показанія матери и дяди Всеволода (или дяди „Всевы", какъ мы его съ сестрой любовно называли, и о которомъ не разъ еще я вспомню), діаметрально расходились и даже бывали предметомъ настойчивыхъ пререканій.

Мать утверждала, что отецъ умеръ, не уберегшись отъ вторичной простуды, которая „бросилась на легкія", дядя-же Всеволодъ (маминъ единоутробный братъ), очень дружившій съ покойнымъ, завѣрялъ, что онъ погибъ отъ какой-то „лихорадки", вывезенной имъ изъ Венгріи, своевременно не понятой врачами.

Въ графѣ формулярнаго списка покойнаго отца съ стоическою краткостью обозначено: умеръ „отъ кашля".

Изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ замѣчаній бабушки, при воспоминаніяхъ о покойномъ, я заключалъ, что она была не вполнѣ довольна бракомъ моей матери. Въ Николаевѣ, гдѣ царилъ Черноморскій флотъ, каваллерія не могла быть въ особой чести, притомъ-же, какъ я убѣдился изъ формуляра отца, онъ всего на всего владѣлъ тремя стами десятинами земли, съ соотвѣтствующимъ количествомъ „крѣпостныхъ душъ", бабушка-же Евфросинія Ивановна была владѣлицей трехъ большихъ подгородныхъ имѣній, обширнаго дома съ флигелями въ центрѣ Николаева и вообще считалась большою „особою" не только въ городѣ, но и по губерніи. Черезъ двухъ своихъ дочерей, сыновей, племянницъ и внучекъ она перероднилась со всѣмъ городомъ и пришлый каваллеристъ, мелкопомѣстный помѣщикъ, случайно задержавшійся со своимъ полкомъ въ Николаевѣ, не представлялся слишкомъ завидной для ея любимой дочери партіей.

Именно по настоянію бабушки мать оставалась въ Николаевѣ, когда отецъ получилъ полкъ въ „Кривомъ Озерѣ". Ей былъ отведенъ на постоянное житье весь „наличный флигель"

т. е. домъ, также выходящій на Спасскую улицу, по фасаду „большого дома“, въ которомъ жила сама „старая барыня“ т. е. бабушка.

Оставшейся молодою вдовою, матери не разъ, по понятіямъ бабушки, представлялись „прекрасныя партіи“ и она очень склоняла ее выйти вторично замужъ; но, мать, — трижды будь благословенна ея память! — изъ любви къ дѣтямъ, не рѣшилась дать имъ отчима и не стала вить новаго гнѣзда, оберегая прежнее, осиротѣлое.

Мать свою я любилъ безконечно.

Величайшимъ въ раннемъ дѣтствѣ было для меня счастьемъ забраться къ ней за спину, когда она по вечерамъ читала, или вышивала, сидя у лампы, на своемъ „вольтеровскомъ“ креслѣ, и играть съ завитками ея волосъ у шеи и цѣловать ихъ. Иногда я тутъ-же и засыпалъ, свернувшись клубочкомъ, или притворялся спящимъ, потому что тогда она сама уносила меня въ кроватку и помогала раздѣвать меня. Я обнималъ ея шею и долго не отпускалъ отъ себя.

Я былъ большимъ „плаксой“. Безчисленныя мои кузины, носившія меня на рукахъ, не напрасно утверждали, что у меня „глаза на мокромъ мѣстѣ“. Но это было не отъ капризовъ, а отъ чрезмѣрной впечатлительности.

Мать любила общество, ѣздила на балы и вечера, но это повторялось не слишкомъ часто. Эти ея выѣзды были для меня одновременно и большимъ блаженствомъ и большой мукой. Мы съ сестрой всегда присутствовали при ея туалетѣ въ эти вечера, усаживались въ креслахъ съ двухъ сторонъ ея туалетнаго зеркала. Какою она мнѣ представлялась тогда красавицею съ открытой шеей и округлыми матовыми плечами, въ изумрудномъ ожерельи, такихъ-же серьгахъ и фермуарѣ, отливавшихъ брилліантовыми искрами. Я понимаю теперь, почему изъ всѣхъ драгоцѣнныхъ камней изумрудъ до сихъ поръ мнѣ особливо любъ.

Но разъ туалетъ заканчивался, я начиналъ сперва только украдкою, „какъ-бы сморкаться“, а затѣмъ, при разставаніи, неудержимо всхлипывалъ. Долго, и послѣ ея ухода, я не могъ успокоиться.

Кромѣ няни и горничныхъ, съ нами, въ этихъ случаяхъ, всегда оставался кто-нибудь изъ взрослыхъ кузинъ, обожавшихъ „тетю Любу“ т. е. мою мать и прибѣгавшихъ по сосѣдству развлечь и забавить неисправимаго „плаксу“.

Удавалось это имъ не сразу, но, разъ удавалось, начиналась шумная бѣготня по всему дому и Марфѣ Мартемьяновнѣ, послѣ

заправокъ лампадъ въ дѣтской, удавалось не сразу залучить насъ къ постелямъ.

Обыкновенно ей приходилось прибѣгать къ помощи шустрой Матреши, горничной, которой предстояло изловить меня и нести на рукахъ въ дѣтскую.

Матреша была милая, отъ нея пахло яблоками, такъ какъ въ комнатѣ, гдѣ она спала, на полкахъ хранились яблоки и большія стеклянныя банки съ черносливомъ. Я обнималъ ея шею и мнѣ было уютно и пріятно на ея упругой груди.

Младшая изъ моихъ кузинъ, Леля, особенно часто коришая меня за „глаза на мокромъ мѣстѣ“ однажды вздумала унять меня нарядившись „старой жидовкой“, которая должна унести меня, вмѣстѣ съ ворохомъ стараго платья, если я не уймусь.

Хотя она очень худо гримировалась „подъ жидовку“ и я отлично различалъ, что подъ платкомъ, накинутомъ ею на голову, несмотря на то, что и волосы она себѣ растрепала, была все та же Леля, а не жидовка, тѣмъ не менѣе отчаянію и страху моему не было конца. Я потомъ долго не могъ уснуть, такъ какъ мнѣ видѣлась уже настоящая „старая жидовка“ съ большимъ узломъ, куда она свободно могла меня запихнуть.

На другой день „выдумщицѣ“ Лелѣ очень досталось и отъ „тети Любы“, и отъ Марфы Мартемьяновны и она была совсѣмъ не рада своей затѣѣ.

„Женское царство“ окружало меня въ дѣтствѣ.

Я былъ въ то время единственный „мужчина“ въ домѣ.

Дядя Всеволодъ, который впослѣдствіи былъ долго неразлученъ со мной, въ это время служилъ еще въ Петербургѣ.

Бабушкинъ сынъ отъ перваго ея брака, Всеволодъ Дмитріевичъ Кузнецовъ, былъ флотскимъ офицеромъ. По его собственному признанію, онъ былъ плохимъ морякомъ, такъ какъ жестоко страдалъ отъ морской болѣзни. Уже во время мичманскаго кругосвѣтнаго плаванія его вынуждены были, гдѣ-то за границей, „списать на берегъ“, такъ какъ онъ не только не свыкался съ моремъ, но каждая новая качка становилась для него смертельной угрозой.

Благодаря этому ему стали давать береговыя мѣста, а въ данное время онъ состоялъ офицеромъ Морского Корпуса въ Петербургѣ.

Остальной морской элементъ обширной бабушкиной семьи, такъ или иначе прикосновенный къ флоту, былъ либо въ Кронштадтѣ, либо въ Севастополѣ, гдѣ вскорѣ должна была начаться знаменитая Севастопольская страда.

Въ качествѣ единственнаго наличнаго представителя мужского элемента въ семьѣ, балуемаго женскимъ поломъ, былъ, такимъ образомъ, я и потому не трудно себѣ представить, сколько женской любовной ласки выпало на мою долю съ первыхъ дней моего существованія.

Однако, съ кормилицей у меня, какъ мнѣ разсказали потомъ, вышло огромное недоразумѣніе.

На восьмомъ мѣсяцѣ моего кормленія она неожиданно скрылась, „какъ въ воду канула".

Съ вечера пропала, только ее и видѣли.

Воображаю, какой переполохъ поднялся съ моимъ кормленіемъ.

Искажался я, вѣроятно, неистово, такъ какъ, за неимѣніемъ подъ рукой другой кормилицы, пришлось посадить меня „на рожокъ".

„Проклятая, чуть было не уморила ребенка", — говаривала и долго спустя и не разъ Марфа Мартемьяновна.

„Проклятую" такъ и не розыскали, хотя всѣ мѣры къ тому были приняты.

Были отъ полиціи и „розыскъ" и „публикаціи".

Публикаціи въ то время такъ производились: раннимъ утромъ ходилъ по улицамъ своего околодка „служивый-будочникъ" съ барабаномъ и барабанилъ во всю.

Проходящіе и изъ домовъ посланные, выбѣжавъ на улицу, должны были его спрашивать: „служивый, о чемъ публикація?" Онъ останавливался и собравшейся около него кучкѣ народа объяснялъ: такъ, молъ, и такъ, пропала корова, сбѣжала дворовая собака, или учиненъ покража такихъ-то вещей, а въ данномъ случаѣ сбѣжала, дескать, дворовая дѣвка помѣщицы, генеральши Богдановичъ, такихъ-то лѣтъ и примѣты, молъ, такія-то. Нерѣдко сулилась при этомъ и награда за указаніе и розыскъ.

Такимъ же порядкомъ оповѣщалось городское населеніе о предстоящихъ публичныхъ казняхъ и тѣлесныхъ наказаніяхъ.

Кормилицей моей была бабушкина „дворовая дѣвка", деревенская красавица Ганя, или „Ганка", которая передъ тѣмъ очень провинилась. Живя при своей матери коровницѣ въ „экономіи", она родила незаконнаго ребенка и его, какъ мертваго, скрыла. Вѣроятно, сама-же удавила.

Властнымъ распоряженіемъ бабушки ее „покрыли" т. е. не довели дѣла до полиціи, ни до суда (не лишаться-же дѣвки!) а „по домашнему" — наказали.

Къ этому времени подоспѣло мое рожденіе и, какъ здоровую и рослую, ее опредѣлили мнѣ въ кормилицы.

Дѣло пошло очень ладно. Здоровое деревенское молоко питало меня на славу. На красавицу кормилицу, пышно разряженную, что твой павлинъ, на улицахъ прохожіе глядѣть останавливались.

По разсказамъ домашнихъ она полюбила меня, часто цѣловала и, баюкая, пѣла свои малороссійскія пѣсни.

Особенно любила пѣть:

Віютъ вітры, віютъ буйны,
Ажъ деревья гнутся. . . . .

И вдругъ, бросивъ меня на произволъ судьбы, пропала.

По соображеніямъ домашнихъ, основаннымъ на кое-чемъ подслушанномъ Марфою Мартемьяновной въ дѣвичьихъ, красавицу Ганю „сманилъ" заѣзжій грекъ (греками „парусниками" въ то время кишѣлъ Николаевъ), и увезъ ее на своемъ суднѣ въ Константинополь.

Бѣдная Ганя, вотъ куда занесли ее „вітры буйны".

Чего добраго продалъ ее алчный грекъ какому нибудь богатому турку въ гаремъ... А кто знаетъ, быть можетъ, самъ, плѣненный ея красотою, сдѣлалъ ее подругой своей жизни и стала она барыней.

Благодаря этимъ росказнямъ, влюбленный въ свою романтически-коварную „мамку", я не раздѣлялъ злобнаго чувства окружающихъ и мое дѣтское воображеніе, на разные лады, надѣляло ее всѣми радостями міра, вплоть до представленія ее себѣ какой-то сказочной султаншей.

Позднѣе, когда мы лѣтомъ гостили въ деревнѣ у бабушки, я видѣлъ дряхлую старушенку, которая была еще при чемъ-то „при коровникѣ".

Мнѣ сказали, что это мать Гани.

Старуха своей костлявой рукой погладила мою голову, назвала „миленькимъ паничикомъ", а потомъ захныкала и, наконецъ, взвыла, приговаривая: „пропала, сгибла Ганя, дочка моя родна безсчастна!"

Я опрометью выбѣжалъ изъ коровника, куда забрелъ случайно, и пустился къ дому.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Всѣхъ менѣе меня баловала бабушка, Евфросинія Ивановна, хотя я чувствовалъ, что она любитъ насъ обоихъ, сестру и меня; да и самъ я, хотя сдержанно и почтительно, но любилъ ее.

Какъ обстояло дѣло, пока меня носили на рукахъ, не знаю: сама-ли она заходила къ намъ, или къ ней на показъ носили внука? Вѣрнѣе послѣднее, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ цоръ, какъ я себя помнилъ, я ни разу не видѣлъ, чтобы она заходила къ намъ во флигель, а, между тѣмъ, мы видѣли ее аккуратно два раза въ день, утромъ и вечеромъ.

Обычно, этому предшествовала нѣкоторая процедура: сестрѣ одѣвали свѣжее платьице, расчесывали ,,пушисто" волосы и завязывали ихъ сзади лентой, ,,большимъ бантомъ"; меня также обдергивали, оглаживали и приводили въ порядокъ.

Въ хорошую погоду мы съ няней, Марѳой Мартемьяновной, чинно проходили дворомъ ширину воротъ, съ нашего крыльца на ея крыльцо; въ дурную-же погоду, въ морозъ или дождь, насъ укутывали ,,съ головой" и кучерявый Степка или дюжій бакенбардистъ Ванька бѣгомъ переносилъ насъ разомъ, меня съ сестрой, въ ,,большой домъ".

Здѣсь черезъ анфиладу парадныхъ комнатъ, казавшуюся мнѣ неимовѣрно пространной и пустынной, мы чинно слѣдовали въ бабушкинъ будуаръ, гдѣ она всегда возсѣдала въ креслѣ на обычномъ мѣстѣ.

Какъ только мы сворачивали изъ столовой и попадали въ залъ, чтобы пересѣчь его и прослѣдовать двумя гостиными (большой и малой), намъ уже издали видна была бабушка, такъ какъ ея кресло стояло какъ разъ противъ раскрытыхъ дверей въ ,,парадныя" комнаты.

Строго говоря, каждый день мы видѣли двухъ бабушекъ. Одну пышную и важную барыню, съ коричневыми начесами и фигурной наколкой на головѣ, въ шелковомъ, шуршащемъ платьѣ, съ персидскою шалью на плечахъ; въ рукахъ она обязательно держала мягкій, цвѣтистый, фуляровый платокъ и миніатюрную золотую табакерку, съ ея вензелемъ въ гирляндѣ, на верхней крышкѣ.

Вечеромъ это была совсѣмъ другая бабушка, куда симпатичнѣе утренней, парадной. Совсѣмъ сѣденькая старушка, съ головой повязанной темнокоричневымъ ,,очипкомъ", въ теплой домашней ,,душегрѣйкѣ", отороченной сѣрымъ мѣхомъ, съ колѣнами, укрытыми мягкимъ пуховымъ одѣяльцемъ; въ рукахъ

у нея не было ни утренняго платка, ни щегольской табакерки. Взамѣнъ этого, на кругломъ столикѣ, стоявшемъ подлѣ самаго ея кресла, лежала большая серебряная, съ чернью, табакерка и огромныхъ размѣровъ полосатый носовой платокъ съ цвѣтными разводами, тутъ же лежала колода фигурныхъ картъ, разложенная „пасьянсомъ“ и большіе круглые очки, въ черепаховой оправѣ.

По утрамъ мы только прикладывались къ ея рукѣ, кое-о-чемъ она насъ спрашивала, опрашивала и Марѳу Мартемьяновну, какъ мы себя вели и предательски интересовалась, не было ли у меня „насморка“ т. е., по просту: не ревѣлъ ли я наканунѣ, когда мама уѣзжала на вечеръ.

Всѣ въ домѣ знали, что я большой „плакса“, но, дипломатически, это именовалось „насморкомъ“. Если Марѳа Мартемьяновна бывала „въ духѣ“, то „покрывала“ меня и я торжествовалъ, такъ какъ бабушка, погладивъ меня по головѣ, говорила, что я „умникъ“. Въ противномъ случаѣ, бабушка выразительно качала головой и что то строго наговаривала, чего я уже не слышалъ, такъ какъ „насморкъ“ предательски подступалъ мнѣ къ горлу, и насъ спѣшили увести.

Вечернія наши свиданія съ бабушкой бывали всегда и продолжительнѣе и много пріятнѣе.

Самый наружный видъ ея располагалъ къ интимности... Бѣлые, жидкіе волосики, выбившіеся изъ подъ „очипка“, ласково смягчали довольно рѣзкія черты ея лица; „душегрѣйка“, со своей мѣховой оторочкой, какъ то мягко облегала ея теперь вовсе не пышную, а старчески сухощавую фигуру.

И ритуалъ нашихъ вечернихъ посѣщеній былъ совсѣмъ иной.

Марѳа Мартемьяновна, послѣ того, какъ доводила насъ до бабушкинаго будуара, низко ей поклонившись, не оставалась въ комнатѣ, а проходила дальше въ помѣщеніе Ѳеклы и Фіоны, двухъ бабушкиныхъ наперстницъ.

Сестра, которая была самоувѣреннѣе и побойчѣе меня, усаживалась непринужденно на скамеечку, стоявшую въ ногахъ бабушки, брала ея сухощавую, съ голубыми жилками, руку и поглаживала ее, а я, обыкновенно, стоялъ вплотную у бабушкинаго кресла.

Матовый свѣтъ масляной лампы, стоявшей на столѣ, какъ то легко и тепло освѣщалъ всю негромоздкую фигуру „бабушки-старушки“ и я чувствовалъ къ ней несказанную нѣжность, выражавшуюся, впрочемъ, только тѣмъ, что я начиналъ учащеннѣе дышать и сопѣть носомъ.

Тогда она сама протягивала ко мнѣ свою руку, которую я цѣловалъ, а она нѣсколько разъ гладила мою щеку. Пока Марѳа Мартемьяновна оставалась въ гостяхъ у Ѳеклы и Фіоны, слышенъ былъ заглушенный говорокъ, который, восполняя вечерній уютъ, складнымъ полушопотомъ достигалъ до будуара бабушки.

Наконецъ, когда наступало время, въ комнатѣ появлялась Марѳа Мартемьяновна, а за нею, на порогѣ бабушкиной спальни, показывались Ѳекла и Фіона, знаменуя своимъ появленіемъ конецъ нашего вечерняго визита бабушкѣ и начало приготовленій къ ея сну.

Въ отличіе отъ утренняго нашего разставанія съ бабушкой, дѣло не ограничивалось однимъ цѣлованіемъ ея руки; она сама цѣловала насъ, крестила каждаго въ отдѣльности и отпускала съ миромъ.

Мы весело, иногда даже шумно, устремлялись обратно, по анфиладѣ слабо освѣщенныхъ комнатъ, прямо въ столовую, гдѣ насъ обыкновенно, какъ бы неожиданно (но мы знали это заранѣе) „перехватывала“ Надежда Павловна въ свою комнату, дверь которой выходила въ столовую.

То-то было веселья и радости!

Мы прекрасно знали, что насъ ждутъ здѣсь и любимыя лакомства: изюмъ, рахатлукумъ, орѣхи, черносливъ... да еще мало-ли что! Но главное было, все таки, сама Надежда Павловна, всегда ласковая, привѣтливая, наша „баловница“, какъ прозвала ее Мартемьяновна.

Иногда, къ вящему восторгу нашему, мы заставали у нея и нашу маму. Когда у нея не было гостей и она сама никуда не выѣзжала, она ходила по долгу засиживаться у Надежды Павловны, съ которой была дружна съ дѣтства.

Надежда Павловна Кирьязи осталась круглой сиротой послѣ скоропостижной смерти своего вдоваго отца, главноуправляющаго бабушкиными имѣніями, который славился своею честностью и не оставилъ никакого состоянія.

Сынъ его служилъ гдѣ-то офицеромъ въ арміи и бабушка высылала ему, отъ времени до времени, денежныя пособія, а Надежда Павловна, дѣвушка далеко не первой молодости, осталась жить у бабушки и стала завѣдывать всѣмъ ея домашнимъ хозяйствомъ, зимою въ городѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ, куда уже съ весны переселялась бабушка...

Это было очаровательное, незлобивое существо, вся въ самоотверженныхъ заботахъ о другихъ.

Небольшаго роста, сухощавая, подвижная брюнетка, съ легкою, преждевременною просѣдью въ гладко зачесанныхъ волосахъ, съ добрыми сѣрыми глазами, она, какъ домашній добрый геній, поспѣвала всюду, гдѣ могла быть полезной. Всѣ „дворовые“ дѣти (а ихъ было не мало), кошки, собаки и всяческая живность знали ее и спѣшили на ея зовъ, никогда не оставаясь въ накладѣ.

Злющій цѣпной песъ „Караимъ“, бѣгавшій на заднемъ дворѣ, съ блокомъ у цѣпи, по протянутой вдоль всей конюшни веревкѣ, радостно привѣтствовалъ ея появленіе, прыгалъ и кидался ей лапами на плечи. Она, нѣтъ, нѣтъ, и побалуетъ его то кускомъ мясного пирога, то жирною костью.

Часто, когда въ хорошую погоду меня выпускали гулять въ садъ, я „увязывался“ за Надеждою Павловною при хозяйственныхъ ея обходахъ и, подходя къ „Караиму“, держался крѣпко за ея юбку. Все обходилось благополучно и даже сослужило мнѣ большую службу въ будущемъ, когда я подросъ и когда конюшня стала предметомъ моихъ вожделѣній. „Караимъ“, со своими коротко обрѣзанными ушами, сливавшимися съ мохнатой, въ видѣ черной (караимской) шапки, густою шерстью на головѣ и со своей пестрой, словно татуированной, острой мордой, былъ уже весь въ моей власти.

У Надежды Павловны былъ свой собственный песикъ, „Нарцикъ“ (отъ Нарциса, вѣроятно); не то болонка, не то дворняжка въ видѣ свѣтло-оранжевой, волнистой муфточки на тонкихъ бѣлыхъ лапкахъ, подобранный еще щенкомъ на улицѣ.

Бабушка не любила собакъ въ комнатахъ. Въ „большомъ домѣ“ Нарцикъ былъ, отчасти, контрабандою и потому охотно прибѣгалъ къ намъ, во флигель, гдѣ ему не возбранялось ни громко лаять, ни носиться за нами кубаремъ по всѣмъ комнатамъ. У себя-же, т. е. въ комнатахъ Надежды Павловны, гдѣ онъ проводилъ вечера и ночи, Нарцикъ былъ совсѣмъ другимъ: лежа смирненько на подушкѣ, у самой печки, онъ держалъ себя образцово и, даже при нашемъ появленіи, не вскакивалъ и радостно не лаялъ, а только подрыгивая хвостикомъ, любовно слѣдилъ за нами своими черными, круглыми глазками, не отрывая пушистой мордочки отъ подушки.

Мы засиживались у Надежды Павловны, пока не появлялась въ дверяхъ одна изъ бабушкиныхъ наперстницъ, Ѳекла или Фіона, — это означало, что бабушка въ постели и „требуетъ“ къ себѣ Надежду Павловну для своихъ хозяйственныхъ распоряженій на завтрашній день. Распоряженія эти давались обыкно-

венно, не спѣша, причемъ при нихъ всегда присутствовала Ѳекла, безъ конца оправлявшая постель бабушки, Фіона-же появлялась урывками, при особыхъ надобностяхъ.

Обѣ женщины уже пожилыя, изъ „дворовыхъ", состояли исключительно при бабушкѣ. У каждой изъ нихъ, кромѣ общихъ функцій по гардеробу бабушки и личному за ней уходу, была своя неприкосновенная спеціальность.

Ѳекла, сухощавая, небольшого роста, болтливая и суетливая, часто ссорившаяся съ остальною прислугою въ домѣ, имѣла въ исключительномъ своемъ завѣдываніи „кофейное дѣло". На ея обязанности было жарить, молоть, хранить и варить для бабушки кофе; поэтому ее звали „кофейницей".

Такъ какъ всѣ въ домѣ считали ее бабушкиной „наушницей", то не любили ее и рѣдко кто изъ прислуги, проходя мимо „кофейной кладовки", (особой деревянной пристройкѣ при домѣ) заслышавъ энергичный скрипъ ея большой кофейной мельницы удреживался отъ восклицанія: „у, загудѣла чертова мельница!"

Интимно всѣ такъ Ѳеклу и прозвали, кто злобно, а кто просто смѣясь, — „чортова мельница".

Фіона, и по наружности и по характеру была прямою противоположностью товарки.

Могучей корпуленціи, всегда съ засученными выше локтя рукавами на мускулистыхъ бронзированныхъ загаромъ рукахъ, въ малороссійскомъ темно-зеленомъ „очипкѣ" на четырехугольной большой головѣ, она только въ присутствіи бабушки, скрѣпя сердце, ходила въ мягкихъ, матерчатыхъ башмакахъ, настоящею-же ея страстью было шлепать, по двору и всюду, босыми ногами, подъ которыми половицы кладовыхъ и людскихъ комнатъ жалобно пищали.

Ея особо — спеціальная миссія заключалась въ изготовленіи ароматическаго, нюхательнаго табака, потребляемаго бабушкой.

Въ особой отдѣльной „кладовкѣ", всецѣло находившейся въ вѣдѣніи Фіоны, развѣшивался на протянутыхъ симметрически тесьмахъ какой-то (выписной) листовой табакъ. Тутъ онъ сушился, мялся, протирался, сдабривался ароматическими спеціями, и затѣмъ хранился и „выстаивался" въ стеклянныхъ, съ хорошо притертыми пробками, банкахъ. Сюда нельзя было войти безъ того, чтобы не начать чихать неудержимо; но сама Фіона нюхавшая табакъ, слѣды котораго нерѣдко сочились подъ ея толстымъ красноватымъ носомъ, любила и работать и кейфовать въ своей удаленной кладовкѣ, куда рѣдко кто заглядывалъ.

Уже подросткомъ любопытство заводило меня иногда и туда, и такъ какъ Фіона была добродушна, то ласково принимала меня. Разъ какъ то она принялась цѣловать меня и прижимать къ своей груди, причемъ отъ нея нестерпимо пахло какою-то кислою гарью и табакомъ; я вырвался, убѣжалъ и больше къ ней, въ ея „кладовку“, не заглядывалъ.

Всѣ въ домѣ, кромѣ бабушки, знали, что Фіона иногда „выпиваетъ“ и тогда, незлобивая и ласковая, мирно отлеживается въ своей „кладовкѣ“, подъ флагомъ недомоганія.

Въ противовѣсъ „кофейницѣ“ Θеклѣ, Фіона числилась „табачницей“, но это было скорѣе оффиціальнымъ ея званіемъ; всѣ домашніе и дворовые охотнѣе титуловали ее „бабкой Фіоной“.

Ее считали искусной „бабкой-повитухой“ и эта негласная ея профессія и доставляла ей случаи принимать неотвратимыя „угощенія“, вызывавшія ея періодическія недомоганія.

Такъ какъ вся бабушкина дворня любила бабку Фіону, то дружно покрывала ее и клятвами готова была бы завѣрять, что она точно занемогла: то „остудилась“, то „мучается зубами, мѣста себѣ не находитъ“.

Θекла — „наушница“ по отношенію товарки держала себя осторожно. Она знала, что безъ Фіоны старой барынѣ, все равно, не обойтись. Благодаря ея мускульной силѣ (сама же Θекла была тщедушна и слабосильна) Фіона бабушку и въ ванну сажала, и мыла ее, а въ случаѣ болѣзни „мазями натирала“, при безсонницѣ-же цѣлыми часами могла ей „пятки чесать“.

Притомъ-же и за собой Θекла знала маленькую слабость: бабушкинаго кучера, верзилу Марко, любила у себя въ кладовкѣ барскимъ кофеемъ подчивать. Отъ Фіоны этого укрыть было невозможно.

Проще было жить имъ въ ладу, тѣмъ болѣе, что на первенство въ близости къ старой барынѣ Фіона, по своему философскому легкомыслію, нисколько не претендовала. И по вечерамъ, при нашихъ посѣщеніяхъ бабушки, когда Марѳа Мартемьяновна отправлялась въ комнату либо Θеклы, либо Фіоны, онѣ всегда сходились втроемъ для дружеской бесѣды.

Марѳа Мартемьяновна, сдержанная и чинная, только съ этими двумя „приближенными“ бабушки допускала знакомство т. е. бесѣду и рукопожатія; съ остальными „дворовыми“ людьми она держала себя холодно, чуть чуть даже надменно.

У насъ была кошка „Машка“, бѣлая, съ черными ушами и хвостомъ, но она была неласковая. Собственно она была даже

не наша, а Марѳы Мартемьяновны, жила въ ея комнатѣ и спала на перинкѣ.

Иногда, мы видѣли около нея крошечныхъ котятъ, презабавныхъ, но они очень скоро исчезали; ихъ куда-то уносила въ своемъ передникѣ Матреша. Мы приставали къ Мартемьяновнѣ съ допросомъ: куда унесли котятъ? Но она, ничего не объясняя, всегда отрѣзывала сухо: „Кошка должна мышей ловить, а не котятъ няньчить". Сама Марѳа Мартемьяновна казалась мнѣ, не знаю чѣмъ именно, похожею на кошку Машку. Она тоже ходила неслышно, держалась прямо и на своемъ безбровомъ, кругловатомъ лицѣ не выражала ничего, кромѣ неизмѣннаго равнодушія.

Никакой обиды ни сестра, ни я отъ нея не терпѣли, да и рѣдко мы оставались съ ней наединѣ, но и привязанности къ намъ особенной она не проявляла. Я не помню, чтобы она когда нибудь меня поцѣловала, или просто приласкала.

Я также былъ къ ней равнодушенъ; всѣ бѣды и радости свои я охотно повѣрялъ всякому, только не ей.

Я не помню, чтобы она когда-нибудь сидѣла у моей постели, пока я засыпалъ; никогда я н слышалъ отъ нея ни сказки, ни пѣсни.

Когда я чего-нибудь трусилъ и не сразу могъ уснуть, — (а я былъ порядочнымъ трусомъ, боялся и „старой жидовки" и вереницы монаховъ, таинственно двигавшихся передъ моими закрытыми глазами, и еще Богъ знаетъ чего!) подлѣ моей постели усаживалась Матреша и мурлыкала что-нибудь вполголоса. Въ случаяхъ-же экстренныхъ, когда тревожно звонили въ церквяхъ по случаю разыгравшагося въ городѣ пожара и слышались бѣготня по улицѣ и гулъ направляемыхъ къ мѣсту пожара, отъ всѣхъ дворовъ, бочекъ съ водой, я, по просту, перебирался въ спальню матери, забирался ей за спину и блаженно засыпалъ на ея кровати.

Какъ радостно тогда бывало пробужденіе!

Откуда къ намъ въ няни попала Марѳа Мартемьяновна, я упустилъ, въ свое время, разспросить маму.

Во всякомъ случаѣ, она была не изъ бабушкиныхъ дворовыхъ-крѣпостныхъ, иначе ее не называли бы всѣ въ домѣ по имени и отечеству; тѣхъ всегда звали сокращенными именами (Ванька, Степка, Дунька и т. п.); а особо заслуженныхъ только по отечеству (Макарьевна, Спиридонычъ, Ильичъ и т. п.).

Бабушкины крестьяне всѣ были малороссы (хохлы) и не чисто говорили по русски, говоръ же Марѳы Мартемьяновны

былъ чисто русскій. Возможно, что именно ради этого мать, очень заботливо относившаяся ко всему, что касалось нашего воспитанія, и опредѣлила ее къ намъ.

Когда мнѣ уже шелъ седьмой годъ, а сестрѣ девятый, Марѳа Мартемьяновна перешла отъ насъ къ дядѣ Всеволоду, который, къ тому времени обдовѣвъ, вернулся изъ Петербурга въ Николаевъ, со своею маленькой, очень болѣзненной дочерью Нелли.

Мы совсѣмъ не грустили, разставаясь съ Марѳой Мартемьяновной, тѣмъ болѣе, что были въ это время всецѣло поглощены ожиданіемъ ,,выписываемой прямо изъ Франціи'' гувернантки, чистокровной француженки.

Пок ачто, мы только радовались наступившему между — царствію, такъ какъ, больше чѣмъ когда либо, мама была съ нами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изъ бабушкиныхъ дѣтей всѣхъ ближе къ ней была моя мать. Онѣ почти не разставались. Флигель, въ которомъ мы жили, не именовался среди домашнихъ ,,флигелемъ", а торжественно величался ,,домомъ молодой барыни", въ отличіе отъ ,,дома старой барыни".

Домъ ,,старой барыни", высокій, хотя и одноэтажный, съ семью колонами по фасаду и большими окнами, выходившій на Спасскую улицу, имѣлъ видъ внушительный.

Домъ ,,молодой барыни" былъ безъ колонъ, чуть — чуть пониже, но выходилъ угломъ на двѣ улицы и по числу комнатъ былъ помѣстительнѣе.

Оба дома по фасаду отдѣлялись широкими воротами, съ двумя калитками по бокамъ. Подъѣздовъ съ улицы въ то время въ Николаевѣ не полагалось. Парадные подъѣзды и большого дома и нашего, одинъ противъ другого, выходили въ проѣздъ, ведущій изъ воротъ во дворъ.

Двери этихъ парадныхъ подъѣздовъ держались обыкновенно на запорѣ и широко раскрывались только въ торжественныхъ случаяхъ для гостей. Домашніе и близкіе пользовались другими выходами во дворъ, съ обязательными при нихъ ,,сѣнцами" и ,,крыльцами". Передній дворъ, куда они выходили

вмѣстѣ со множествомъ оконъ жилыхъ комнатъ, назывался „чистымъ дворомъ“. Къ бабушкинымъ именинамъ и большимъ праздникамъ онъ сплошь посыпался просѣяннымъ рѣчнымъ пескомъ.

Задній дворъ, отдѣлявшійся отъ перваго широкимъ арковымъ проѣздомъ, къ которому съ двухъ сторонъ примыкали службы, не безъ основанія именовался „грязнымъ дворомъ“.

Тутъ изъ службъ были только конюшня, коровникъ, круглые загоны для воловъ, курятникъ и огромный ледникъ, набиваемый по зимамъ до верху льдомъ, стаивавшимъ къ концу лѣта. Былъ еще широкій, приземистый погребъ, заросшій по покатой крышѣ колючимъ бурьяномъ, въ отличіе отъ щегольски бккуратнаго погреба на чистомъ дворѣ, крытаго, какъ и всѣ постройки, пузатой черепицей.

На самой серединѣ „грязнаго двора“, чуть-ли не во всю его длину, за годъ, къ веснѣ, накоплялась цѣлая пирамида навоза, вывозимаго на тачкахъ изъ конюшни, коровника и крытыхъ загоновъ.

Каждую весну изъ ближайшей бабушкиной деревни „пригонялась“ партія „дѣвокъ“, съ соотвѣтствующимъ количествомъ парныхъ воловъ и подростковъ погонщиковъ и, благодаря ихъ дружной работѣ, вся навозная залежь въ теченіи нѣсколькихъ недѣль превращалась въ рядъ ажурныхъ мелкихъ пирамидъ „кизяка“, который складывался такъ для окончательной просушки, украшая въ теченіи лѣта заднія куртины сада, примыкавшаго къ забору задняго двора, куда бабушка никогда не углублялась.

Процедура изготовленія кизяка изъ лежалаго навоза казалась мнѣ очень занятной. Я любилъ забираться въ глубину сада и оттуда по долгу глядѣть на смуглыя икры рослыхъ и статныхъ босоногихъ дѣвушекъ, которыя, высоко подоткнувъ свои юбки, топчась въ навозномъ мѣсивѣ, размягченномъ водою и круговой гоньбой по немъ нѣсколькихъ паръ тяжеловѣсныхъ воловъ, накладывали его короткими лопатами въ особыя деревянныя формы, похожія на небольшія глубокія санки съ перегородками, по размѣру будущаго кизяка.

Своими босыми ногами онѣ плотно утаптывали наложенное мѣсиво и за веревки, прилаженныя къ этимъ санкамъ, вывозили ихъ на себѣ въ садъ, гдѣ аккуратными рядами выкладывали, быстрымъ и ловкимъ пріемомъ, ихъ содержимое на заднія куртины.

Подъ дѣйствіемъ палящаго солнца кизякъ быстро обволакивался твердой коркой и тогда его складывали пирамидальными кучками, оставляя для просушки въ теченіи лѣта.

Когда дѣвушки кончали или прерывали для полдника и обѣда свою работу, онѣ тутъ-же, подъ кранами бочекъ, наполненныхъ рѣчной водой, мыли свои руки и ноги и послѣ этого, фыркая и плескаясь, смачивали и свои загорѣлыя, красивыя лица.

По воскресеньямъ и праздникамъ работы не производились и цѣлый цвѣтникъ нарядныхъ молодыхъ дѣвушекъ, въ своихъ расшитыхъ малороссійскихъ рубахахъ, съ цвѣтными намистами на загорѣлыхъ шеяхъ, высыпалъ на дворъ, а тамъ и на улицу, привлекая вниманіе прохожихъ. Рѣдко кто на нихъ не заглядывался и, уже пройдя, не оборачивался.

По вечерамъ на заднемъ дворѣ слышна была гармонійка — бабушкинъ лакей „Ванька“ былъ большой мастеръ на этомъ инструментѣ — и доносился порою топотъ танцующихъ ногъ.

Запаса изготовляемаго кизяка, убиравшагося къ осени подъ навѣсы, хватало на всю зиму; имъ отапливались всѣ „людскія“ помѣщенія и службы; часть его удѣлялась и родственникамъ, проживавшимъ отдѣльно.

Въ домѣ „старой барыни“ и въ нашемъ большія изразцовыя печи топились большими охапками короткихъ суковатыхъ дровъ, которые весело трещали. У топившейся по утрамъ печки столовой, на корточкахъ изогнувшись, Матреша поджаривала гренки съ масломъ, которыя горячими подавались къ чаю.

Нанизавъ будущій гренокъ на вилку, она совала его въ печь, часто мѣняла руку, въ которой была вилка, и, морщась, откидывала въ сторону лицо отъ палящаго жара. Гренки иногда чуть-чуть пригорали и даже попахивали дымкомъ, но, отъ этого не казались мнѣ менѣе вкусными.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бабушкино городское владѣнье, въ общей его сложности, т. е. включая два дома, оба двора, садъ, флигеля и службы, долгое время, пока не было удовлетворено сполна мое любопытство и я не вызналъ его во всѣхъ подробностяхъ, представлялось мнѣ цѣлымъ заколдованнымъ царствомъ.

Оно было дѣйствительно обширно, такъ какъ граничило тремя улицами и занимало три четверти огромнаго квартала.

Остальная его четверть была подѣлена между Старообрядческою церковью, съ домомъ для причта, и мастеровымъ еврейскимъ людомъ, ютившимся въ рядѣ казарменнаго вида низкихъ построекъ, сдаваемыхъ Старообрядческимъ обществомъ въ долгосрочную аренду.

Стѣна лачужки, занимаемой малорослымъ портнымъ Аронкой и его многочисленной дѣтворой, приходилась на границѣ бабушкиныхъ владѣній, въ глубинѣ нашего сада, и являлась непосредственнымъ продолженіемъ пограничной стѣны, тянувшейся отъ большого дома вдоль всего сада.

Бабушка, Евфросинія Ивановна, „приказала“ или „разрѣшила“ въ этой „аронкиной стѣнѣ“ продѣлать небольшое оконце, чтобы сподручнѣе было „выстукать“ Аронку, когда онъ понадобится для какой-нибудь портняжной подѣлки въ домѣ. Иначе пришлось-бы обѣгать весь кварталъ, чтобы покликать его, а надобность въ немъ была частая, такъ какъ онъ одѣвалъ всю дворню; имъ иногда не брезгали и для болѣе отвѣтственной работы. Сооруженные имъ мнѣ (въ разгарѣ крымской войны) „ополченскій“ казакинъ и шаровары много способствовали укрѣпленію его портняжнаго авторитета.

Мама охотно рекомендовала его всѣмъ, кто желалъ также обрядить своихъ подростковъ ополченцами.

Продѣланное въ его конуру лишнее оконце, и притомъ въ „генеральскій садъ“, очень льстило самолюбію Аронки, а черномазой дѣтворѣ его давало возможность лишь удовлетворять любопытство, но не дышать чистымъ воздухомъ сада, такъ какъ, по приказанію бабушки, оконце (чтобы не пакостили!) было заколочено на глухо.

Это одинокое оконце, въ свое время, очень привлекало мое дѣтское вниманіе, особенно въ тѣ вечера, когда у Аронки зажигались шабашовыя свѣчи и справлялся шабашъ. Мнѣ чудилось, что тогда тамъ творилось что то таинственно-жуткое, повергавшее самого, обычно, суетливаго Аронку въ состояніе окаменѣлой торжественности. Эти „шабашовыя свѣчи“ и, тутъ-же по сосѣдству, неотступный звонъ высокой старообрядческой колокольни и гнусавое пѣнье церковной старообрядческой службы, которое, изъ за высокой стѣны, порою отчетливо доносилось въ садъ, рано стали тревожить мой дѣтскій умъ.

И тамъ, и здѣсь молились Богу, думали о Богѣ, надѣялись на Него... И каждый особенно, каждый по своему! Зачѣмъ Богъ не соберетъ всѣхъ разомъ вокругъ себя?...

Насъ учили молитвамъ и рано стали водить въ церковь. Но мы ѣздили только въ адмиралтейскій Соборъ, гдѣ служба совершалась очень торжественно тремя священниками и дьякономъ съ пушистыми волосами и звонкимъ басомъ, причемъ пѣлъ лучшій въ городѣ хоръ пѣвчихъ.

Мама моя была не очень богомольна и рѣдко бывала съ нами въ церкви. Насъ водила туда Марѳа Мартемьяновна, а послѣ, когда дядя Всеволодъ переселился въ Николаевъ, я сталъ бывать съ нимъ въ церкви каждое воскресенье, причемъ мы выстаивали всю службу въ алтарѣ.

Молился я горячо и усердно, охотно клалъ земные поклоны. Сестра меня часто вышучивала за усердіе: „смотри, лобъ разобьешь".

Кромѣ иконокъ и крестиковъ, висѣвшихъ въ изголовьи моей кровати, и иконы Николая Чудотворца въ углу комнаты, съ лампадкой передъ нею, я водрузилъ самолично пониже, въ уровень съ моимъ ростомъ, небольшую икону Спасителя, приладилъ подъ нею дощечку и налѣпилъ на ней тонкую восковую свѣчу, которую аккуратно зажигалъ по вечерамъ наканунѣ праздниковъ, желая, чтобы она горѣла всю ночь. Ее, разумѣется, гасили, какъ только я засыпалъ, и мама часто выговаривала мнѣ: „того и гляди, пожара надѣлаешь!"

На первой недѣлѣ великаго поста бабушка говѣла. Въ церковь она ѣздила только къ обѣднѣ. Вечерню и всенощную служилъ у нея на дому ея духовникъ „отецъ Дій", который исповѣдывалъ и причащалъ также меня и сестру.

За отцомъ Діемъ всегда посылалась карета, а причетникъ и пѣвчіе приходили пѣшкомъ, немного ранѣе его и, скучившись на заднемъ крыльцѣ, курили и болтали съ словоохотливымъ „Ванькой", котораго величали Иваномъ Макарычемъ.

Въ залъ, гдѣ совершалась служба допускалась вся „чистая дворня" и присутствовали обязательно всѣ домашніе.

Иванъ („Ванька"), любитель всякихъ торжествъ, раздувалъ кадило и подавалъ его причетнику, а тотъ уже передавалъ его отцу Дію.

Мы, съ бабушкой и мамой, стояли на первомъ мѣстѣ, т. е. на коврѣ, который разстилался для этого случая. Для бабушки приносили изъ будуара ея любимое низкое кресло, на которое она садилась, отъ времени до времени. Я всегда стоялъ подлѣ

него и, когда бабушка садилась, начиналъ особенно рьяно креститься, не кстати становился на колѣна; мнѣ казалось, что этимъ усердіемъ я замаливаю невольный бабушкинъ грѣхъ.

Въ комнатѣ хорошо пахло ладономъ, также пахла и рука отца Дія, которую я горячо цѣловалъ, когда онъ, нагибаясь, давалъ мнѣ цѣловать крестъ.

Изъ всѣхъ молитвъ, которыя во время службы читалъ батюшка, меня волновала больше другихъ та молитва, при произношеніи которой отецъ Дій клалъ земные поклоны и всѣ присутствующіе, словно на командѣ, кидались на колѣна. Я потомъ зналъ ее наизусть. Это была великопостная молитва „Господи и владыко живота моего".

И теперь, сознательно анализируя содержаніе этой превосходной молитвы, я нахожу ее даже выше „Отче Нашъ".

Это молитва русская, она особенно близка русской грѣшной душѣ. Недаромъ ею восторгался Пушкинъ Въ ней мольба о томъ, чего, какъ разъ, не достаетъ намъ, — русскимъ: твердой стойкости въ самосовершенствованіи.

Послѣ службы упитанный отецъ Дій, съ лоснящимися щеками, оставался у бабушки пить чай и закусывать. Мнѣ казалось страннымъ, что онъ и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, и былъ суетливъ въ разговорѣ.

Въ теченіе Страстной Недѣли, обыкновенно начиная со среды, мама читала намъ изъ книги „Новаго Завѣта" про страданія и смерть Іисуса Христа. Чтенія эти, неукоснительно, сопровождались горючими слезами. Плакала даже сестра Ольга, которая, въ противовѣсъ мнѣ, по выраженію Марѳы Мартемьяновны, — „даромъ слезинки не роняла".

Мама читала внятно, не торопясь, и я видѣлъ, что у нея самой порою увлажнялись глаза. Матреша, непремѣнно присутствовавшая на этихъ чтеніяхъ, стоя, опершись, у косяка дверей, разъ дѣло доходило до распятія, не выдерживала, крестилась и восклицала: „у, жидовины поганые, таки замучили Христа!"

Великопостныя вечернія службы и эти чтенія очень будоражили мою впечатлительность. Я засыпалъ не скоро, хотя притворялся спящимъ, чтобы мнѣ не мѣшали погружаться въ неясныя думы о чемъ-то, чему я не могъ подыскать названія.

Мнѣ чудилось, что въ полутьмѣ, меня окружающей, происходитъ что то таинственное, не то жуткое, не то сладкое.

Я вздыхалъ, стараясь заглушить вздохи, глаза мои увлажнялись, но я не плакалъ, а былъ въ какомъ-то блаженномъ

оцѣпененіи. До послѣдней степени острый приливъ любви къ мамѣ, сестрѣ и всѣмъ, всѣмъ близкимъ внезапно смѣнялся страхомъ потерятъ все, что я такъ любилъ. И я старался не поддаваться сну, который такъ властно можетъ уносить все...

Особенно мучительны стали эти ночныя переживанія послѣ одного происшествія. Къ намъ на дворъ привезли хвораго пасечника, котораго бабушка очень цѣнила, почему и рѣшила помѣстить его въ городской госпиталь, чтобы его вылечили.

До отправленія въ госпиталъ его пріютили въ одной изъ „людскихъ" горницъ; съ нимъ была его жена и старуха мать. Онѣ умоляли не отсылать его въ госпиталъ и дать ему умереть спокойно. Надежда Павловна была ихъ ходатаемъ въ этомъ передъ бабушкой. Дня три длились переговоры, пока осмотрѣвшій больного докторъ не объявилъ, что онъ въ послѣднемъ градусѣ чахотки и что не только дни, но и часы его сочтены.

Скоро онъ, дѣйствительно, скончался, о чемъ всѣ въ домѣ немедленно узнали по причитаніямъ и плачу его бабъ. Это началось съ вечера и продолжалось всю ночь: вопли и причитанія становились все голосистѣе. Я не выдержалъ, со страху убѣжалъ въ спальню матери, забрался ей за спину въ постели и только тутъ могъ заснуть.

На утро меня стало мучить любопытство: „пришла кормильцу смерть!" „умеръ!" „скончался!" и въ причитаніяхъ бабъ, особенно явственно, — „на кого же ты насъ покидаешь?!"

Я улучилъ минуту, когда меня выпустили на дворъ, и пробрался къ дальней „людской", въ самой глубинѣ двора, откуда шли причитанія и вопли.

Низкія окна позволили мнѣ заглянуть въ горницу, гдѣ днемъ горѣли свѣчи и освѣщенный ими худой, весь въ бѣломъ, желтый мертвецъ лежалъ во всю свою длину на широкой скамьѣ.

Лицо его, точно прозрачно-восковое, обрамленное черными съ просѣдью волосами, нисколько не было страшно, но когда я увидѣлъ его посинѣвшія, костлявыя руки, неподвижно сомкнутыя на груди, мною овладѣлъ ужасъ. Простой сосновый гробъ стоялъ торчкомъ тутъ-же въ углу.

Покойника въ тотъ же день на подводѣ, запряженной волами, увезли со двора. Его бабы не хотѣли хоронить его иначе, какъ на своемъ деревенскомъ кладбищѣ.

Впечатлѣніе отъ этой первой смерти, которую я видѣлъ близко, не сразу изгладилось изъ моей памяти. Тревога за дорогихъ близкихъ, стала сознательно овладѣвать моею душой. Я удваивалъ свою нѣжность къ нимъ, ласкался и мучился,

стараясь никого не огорчить. Вмѣстѣ съ тѣмъ я какъ-то разомъ излечился отъ своего „насморка“, пересталъ быть „плаксой“. Точно сообразилъ, что то, надъ чѣмъ я хныкалъ до сихъ поръ, не стоило слезъ и что ихъ надо беречь и таить для большаго.

Даже бабушка подъ конецъ замѣтила во мнѣ эту перемѣну и иногда, въ моемъ-же присутствіи, объявляла мамѣ: „онъ у тебя сталъ наконецъ умнымъ!“, на что мать, проводя рукою по моей головѣ, низмѣнно ей отвѣчала: „Онъ и всегда былъ хорошій!“

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бабушка Евфросинія Ивановна пользовалась большимъ почетомъ въ городѣ.

Урожденная Кирьякова, она была дважды замужемъ и оба раза за вдовцами, у которыхъ, отъ перваго ихъ брака, были также дѣти.

Благодаря этому, ея родство и свойство было очень сложно и многочисленно.

По великимъ праздникамъ и въ день ея имянинъ „весь городъ“ пріѣзжалъ къ ней на поклонъ и большинство состояло изъ родственниковъ и свойственниковъ, вплоть до самыхъ отдаленныхъ.

Сама она выѣзжать не любила, но изрѣдка давала „вечера“ и любила созывать къ торжественнымъ обѣдамъ. Въ сочельники, подъ Новый Годъ и на Пасху всѣ сколько-нибудь ей близкіе обязательно должны были трапезовать у нея.

По рожденію она была, очевидно, изъ „столбовыхъ“, такъ какъ имѣнье „Кирияковка“, въ нѣсколько тысячъ десятинъ земли, съ соотвѣтствующимъ числомъ „крѣпостныхъ душъ“, было ея родовымъ, наслѣдственнымъ имѣньемъ.

Первымъ бракомъ она была замужемъ за Дмитріемъ Петровичемъ Кузнецовымъ. Онъ умеръ генералъ-лейтенантомъ, состоя въ должности инспектора морского кораблестроенія, которое процвѣтало въ Николаевскомъ адмиралтействѣ.

Я видѣлъ его портретъ. Это былъ сухощавый мужчина, склада Александровскихъ временъ, въ мундирѣ, съ высокимъ расшитымъ воротникомъ, подпиравшимъ его красивое, бритое, съ тонкими чертами, лицо.

„Кузнецовскихъ“ у бабушки въ живыхъ осталось двое: Всеволодъ и Аполлонъ Дмитріевичи, но у покойнаго отъ перваго брака были: Александръ Дмитріевичъ, Петръ Дмитріевичъ и Елизавета Дмитріевна.

Изъ этихъ послѣднихъ на памяти моей только Александръ Дмитріевичъ и Елизавета Дмитріевна; Петра Дмитріевича, служившаго въ балтійскомъ флотѣ и умершаго въ Кронштадтѣ, я никогда не видѣлъ, но зналъ впослѣдствіи двухъ его сыновей.

Елизавету Дмитріевну, по мужу Иванову, (она уже вдовѣла) — „тетю Лизу“ я зналъ очень хорошо и любилъ ее. У нея было уже взрослое потомство, когда я былъ ребенкомъ. Три дочери и три сына. Кромѣ старшей дочери, которая была уже замужемъ и не жила въ Николаевѣ, двѣ остальныя были дѣвицы и обѣ уже „выѣзжали“, а вывозила ихъ въ свѣтъ именно „тетя Люба“, т. е. наша мама.

Елизавета Дмитріевна, преждевременно состарившаяся, была большая домосѣдка. Она вѣчно была занята хозяйствомъ: варила варенья всевозможныхъ сортовъ, солила огурцы, приготовляла разныя фруктовыя пастилы и т. п., и снабжала всѣмъ этимъ и многихъ родственниковъ.

Когда ей удавалось сестру и меня залучить къ себѣ, то мама наша бывала въ немаломъ страхѣ за наши желудки, боясь, чтобы мы не заболѣли. Угощенія бывали непомѣрно обильны и чрезвычайно вкусны. Вареники съ творогомъ различныхъ наименованій, равно какъ и вареники съ вишнями, подаваемые со сметаной, были преимущественно ея гордостью. Но и кромѣ варениковъ, чего только не умѣла она, самолично, вкусно приготовить!...

Ея „дѣвицы“ безпрестанно, по сосѣдству, забѣгали въ „тетѣ Любѣ“ и охотно возились съ нами, ея дѣтьми. Одна изъ нихъ, младшая, и была та „Леля“ (старшую звали Любой), которая, однажды, напугала меня „старой жидовкой“. Это не мѣшало намъ быть большими пріятелями, такъ какъ она была неистощимая „выдумщица“.

Младшій сынъ тети Лизы, Ваня, за неспособностью, не окончивъ курса морского корпуса, былъ опредѣленъ юнкеромъ въ мѣстный пѣхотный полкъ. Онъ жадно стремился къ блестящимъ эполетамъ прапорщика и много и старательно трудился.

Средній, Миша, до моего появленія на свѣтъ, утонулъ, купаясь въ Ингулѣ. Тетя Лиза не могла забыть его и, казалось, любила его больше всѣхъ живыхъ своихъ дѣтей, вмѣстѣ взятыхъ

Она нерѣдко говаривала: „Мишечка мой былъ умница... Вотъ, Богъ его къ себѣ и прибралъ!“

Старшій изъ дѣтей тети Лизы (Давидъ), флотскій лейтенантъ, былъ гигантскаго сложенія и роста и остался у меня въ памяти въ качествѣ какого-то сказочнаго Голіафа, когда въ одну изъ зимъ, передъ отбытіемъ своимъ на Амуръ, черезъ всю далекую Сибирь на „перекладныхъ“, онъ предсталъ передъ нами въ полномъ дорожномъ, на сибирскій ладъ, облаченіи.

Онъ былъ весь въ оленьемъ мѣху отъ головы до пятъ, такъ что казался даже страшнымъ, хотя изъ подъ мѣховаго колпака и мѣховыхъ наушниковъ, завязанныхъ подъ подбородкомъ, виднѣлись и его добрые глаза, и рыжеватые усы, сдвинувшіеся къ верху отъ обычной его добродушной улыбки. Онъ ѣхалъ служить черезъ далекую Сибирь, на Амуръ, какъ объясняла тетя Лиза нашей мамѣ, чтобы получить „двойное содержаніе“ и поскорѣе выслужить пенсію.

„Тетя Лиза неизмѣнно величала нашу бабушку „маменька“, а ея дѣти — „бабушка“. И та, въ свою очередь, была съ ними совершенно „по родственному“.

„Маменькой“ называлъ бабушку и Александръ Дмитріевичъ Кузнецовъ, ея пасынокъ.

Это былъ типъ особенный, вполнѣ — примѣчательный.

Ранѣе, чѣмъ мы съ сестрой его увидали, наше воображеніе было уже потрясено домашними толками о немъ. Мама, бесѣдуя откровенно съ Надеждой Павловной о немъ, не разъ договаривалась до того, что называла его „просто бѣшеннымъ“, но выражала надежду, что хоть подъ старость онъ угомонится.

Не скажу, чтобы я радостно сталъ ожидать его прибытія, когда для него стали готовить „малый дворовый флигель“, отдѣленный отъ нашего дома только холодными сѣнцами.

Это казалось мнѣ тѣмъ болѣе обиднымъ, что какъ разъ незадолго передъ тѣмъ въ этомъ именно флигелѣ, по сосѣдству съ нами, жилъ нѣкоторое время „постоялецъ“, „ополченскій генералъ“, который оставилъ по себѣ очень хорошее воспоминаніе.

Этотъ „постоялецъ“ появился у насъ совершенно неожиданно.

Какъ-то въ осенніе сумерки, когда мама и всѣ домашніе, въ томъ числѣ Надежда Павловна и „кузины“ Люба и Леля, и даже сестра Ольга, разсѣвшись у круглаго стола нашей столовой, щипали изъ полотна корпію и шили изъ тонкаго холста бинты, а я глядѣлъ изъ окна на улицу, я вдругъ увидѣлъ, что улица запружается все прибывающими откуда-то солдатами.

Тутъ не было-бы ничего удивительнаго, такъ какъ цѣлые полки, съ музыкой или барабаннымъ боемъ, нерѣдко проходили мимо нашего дома, но это бывало обыкновенно утромъ, или днемъ, а теперь уже стемнѣло, и шли солдаты черезъ-чуръ вольно, какими-то кучками, а не рядами. Было совсѣмъ не похоже на то, какъ должны идти солдаты въ строю.

Еще я замѣтилъ, что у воротъ попутныхъ домовъ, кто-то отдѣлялъ двухъ, трехъ солдатъ, ставилъ мѣломъ палочки на воротахъ, и отдѣленные солдаты входили черезъ калитку на дворъ.

Мнѣ показалось это удивительно страннымъ и даже тревожнымъ и я обратилъ на это вниманіе присутствовавшихъ, Всѣ кинулись къ окнамъ. Оказалось, по соображеніямъ мамы, что, за переполненіемъ казармъ, это разводятъ по домамъ „на постой“ партію проходящихъ черезъ Николаевъ „ополченцевъ“.

Вскорѣ бабушка прислала за Надеждой Павловной, а черезъ нѣсколько минутъ вызвали въ большой домъ и маму.

Иванъ („Ванька“), прилетавшій съ этими порученіями, объяснилъ, что „генералъ отъ ополченія“, со своимъ адъютантомъ и деньщикомъ, опредѣлены къ намъ „въ постояльцы“.

Надежда Павловна уже спѣшно готовила все нужное въ запасномъ, сосѣднемъ флигелѣ, а мама должна была принять пока нежданныхъ гостей и пригласить ихъ къ ужину. Бабушкѣ въ эти дни нездоровилось и она не могла къ нимъ выйти.

„Кузины“, послѣ какихъ-то дипломатическихъ сношеній съ „тетей Любой“, также перекочевали въ большой домъ.

Мы, съ сестрой, остались одни съ Марѳой Мартемьяновной и Матрешей и у нихъ пошла рѣчь о томъ, что „у насъ война“, что „народа уже невидимо перебито“ и что „ополченцевъ гонятъ туда-же на подмогу“.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Генералъ, поселившійся въ смежномъ флигелѣ, очень скоро совершенно приручилъ меня къ себѣ.

Это былъ довольно плотный, средняго роста, живой и подвижный мужчина. Лицо, обрамленное сѣдѣющими усами и бакенбардами было веселое, доброе. Онъ при встрѣчѣ всегда угощалъ меня либо мятными пряниками, либо леденцами, которые у него были всегда въ запасѣ.

Онъ нерѣдко захаживалъ къ намъ въ гости и любилъ засиживаться съ мамой, проводивъ ее изъ ,,большаго дома", гдѣ онъ и его адъютантъ обѣдали и ужинали за столомъ бабушки.

Посадивъ меня верхомъ на свое колѣно, онъ начиналъ сперва слегка имъ потряхивать; выходило, что я ѣду рысью на лошади. Потомъ шелъ галопъ ровный и плавный и тогда онъ протяжно, медленно приговаривалъ: ,,Вотъ такъ панъ! вотъ такъ панъ!" Потомъ вдругъ начиналъ быстрыми, безпорядочными толчками трясти ногу рѣзко и отрывисто и тогда, приговаривалъ, такъ скоро, что самъ быстро запыхивался: ,,а такъ жидъ! а такъ жидъ!"

Отъ тряски и смѣха мнѣ едва удавалось усидѣть на его колѣнѣ, но я просилъ его еще продлить удовольствіе — и онъ снова переходилъ на рысь, галопъ и т. д.

Генералъ, его адъютантъ, усатый и уже не первой молодости капитанъ, и даже ихъ деньщихъ ,,Семка", также не очень молодой, были одѣты не такъ, какъ одѣвались военные, которыхъ я видѣлъ до сихъ поръ. Они походили скорѣе на казаковъ, только казакины ихъ были длиннѣе и шире и подпоясывались ремнями, а на невысокихъ барашковыхъ шапкахъ, вмѣсто кокардъ, были металлическіе кресты.

По этому образцу, портной Аронка вскорѣ и соорудилъ мнѣ тотъ костюмъ ,,ополченца", который заслужилъ одобреніе не только генерала, но и бабушкинаго лакея Ивана (Ваньки), большаго знатока военнаго обихода.

Когда Иванъ зимою приходилъ къ намъ, чтобы нести меня и сестру въ большой домъ, къ бабушкѣ, онъ всегда удосуживался, пока насъ снаряжали, выкинуть какой-нибудь ,,военный артикулъ" съ помощью палки отъ половой щетки, которую онъ извлекалъ изъ чулана.

Это очень забавляло меня и я бывалъ въ восторгѣ, когда онъ начиналъ громко, отчетливо командовать себѣ: ,,смирно!", ,,на плечо!", ,,къ ногѣ!", ,,на караулъ!" и т. п.

Онъ и генеральскаго деньщика ,,Семку" сталъ допекать этимъ, увѣряя что тотъ ,,деревенщина" и службу знаетъ плохо.

Самъ Иванъ, сколько знаю, рекрутчины не отбывалъ а, насмотрѣвшись на ученія и парады, любилъ ,,представлять военныхъ.

Уходъ ополченцевъ изъ Николаева, съ генераломъ во главѣ, было событіемъ въ городѣ. Мы съ мамой ѣздили проводить ихъ за мостъ и, кромѣ насъ, было еще нѣсколько экипажей, провожавшихъ ихъ. Прощанье съ генераломъ было очень трогательнымъ, я втихомолку усиленно сморкался.

Въ связи съ войной, о которой теперь только и было разговора, помню отчетливо событіе изъ нашей дѣтской жизни.

Однажды насъ подняли съ постелей гораздо раньше обыкновеннаго и спѣшно стали собирать въ дорогу.

Куда? Зачѣмъ?

Въ деревню.

Я думалъ въ Кирьяковку, гдѣ мы гостили у бабушки лѣтомъ.

Совсѣмъ не то, — въ Екатериновку, имѣніе покойнаго отца, гдѣ мы не бывали и куда, въ виду ея отдаленности отъ города (верстахъ въ сорока, къ сѣверу), никто изъ нашихъ не заглядывалъ.

Къ крыльцу намъ подали мамину легкую, двухмѣстную карету, въ которой она обыкновенно дѣлала визиты и выѣзжала на вечера, а не бабушкину четырехмѣстную, громоздкую, въ которой мы, на четверкѣ деревенскихъ лошадей, ѣздили въ Кирьяковку и возвращались оттуда. И запряжена она была нашими лошадьми: Черкесомъ и Мишкой. На козлахъ былъ тоже нашъ Николай, съ своей козлиной бородой и вытянутыми по возжамъ руками.

Марѳу Мартемьяновну, сестру и меня усадили вглубь кареты, а Матрешу съ корзиной и узломъ на козлы, рядомъ съ Николаемъ, для чего онъ долженъ былъ нѣсколько сдвинуться съ мѣста, и я замѣтилъ, что сдѣлалъ онъ это не совсѣмъ охотно.

Мама насъ долго цѣловала и крестила, а Надежда Павловна, тѣмъ временемъ, запихивала въ карманы кареты пакетики и коробки. Провожать насъ высыпала почти вся дворня.

Наконецъ, Николай „тронулъ“ — и мы поѣхали.

Какъ, т. е. какими мѣстами ѣхали, не помню. Знаю только, что переѣхали не тотъ длинный пловучій и шаткій мостъ, который проѣзжали, когда ѣздили въ Кирьяковку, а какой-то устойчивый мостъ черезъ рѣку, не очень широкую.

Я почти всю дорогу ѣхалъ стоя, упершись въ переднее окно кареты и глядя на заднія ноги шибко и ровно бѣгущихъ лошадей. Я зналъ хорошо эту „мамину пару“. Особенно я любилъ вороного Мишку, который бѣжалъ слѣва, не уступая правому, сѣрому, въ яблокахъ, Черкесу, который сначала всегда горячился.

Къ Мишкѣ въ стойло меня сколько разъ вносилъ Николай и сажалъ на его крупную спину и я гладилъ его шею, а онъ все это мнѣ позволялъ, потому что былъ очень смирный. Ѣхали мы, вѣроятно, довольно долго, иногда Николай пускалъ лошадей

пройти шагомъ, но мнѣ нисколько не надоѣло глядѣть въ окно на лошадей.

И Марѳа Мартемьяновна потомъ говорила мамѣ, что я не капризничалъ всю дорогу.

Мнѣ могъ идти тогда четвертый годъ и вотъ, что я помню вполнѣ твердо, и чего никто не могъ мнѣ разсказать.

Мы въѣхали въ широкіе, настежъ раскрытые ворота и потомъ довольно долго ѣхали длиннымъ пустыннымъ дворомъ, сплошь заросшимъ травой. Остановились у одноэтажнаго бѣлаго дома. Мы вышли изъ кареты, а Николай, оглядѣвшись кругомъ, отъѣхалъ въ сторону и сталъ тутъ-же отпрягать лошадей.

Я, разумѣется, этимъ заинтересовался и, когда сестра, съ Марѳой Мартемьяновной, Матрешей и вышедшей намъ на встрѣчу старой женщиной, вошли въ домъ, задержался одинъ на крыльцѣ и сталъ глядѣть на то, какъ отпрягаютъ лошадей.

И вотъ, я увидѣлъ, какъ только что отпряженный Мишка, котораго не держалъ ни Николай, ни стоявшій тутъ же молодой парень, вдругъ, со всѣхъ ногъ, пустился вдоль двора бѣжать по травѣ, красиво выгибая свой приподнятый хвостъ. Потомъ, онъ разомъ остановился, какъ вкопанный, потянулъ было свою морду къ травѣ, но тутъ же раздумалъ, легъ и сталъ валяться на травѣ, стараясь перекинуться черезъ спину; но это ему не удавалось.

Когда парень бѣгомъ пустился за нимъ въ погоню, онъ быстро вскочилъ на ноги, на ходу слегка поддалъ задними ногами такъ, что на солнцѣ блеснули подковы, и крупною рысью побѣжалъ къ Николаю, который, успѣвъ, тѣмъ временемъ, ввести Черкеса въ конюшню, уже приманивалъ его къ себѣ.

Впослѣдствіи, каждый разъ, когда я, вмѣстѣ съ Николаемъ, обсуждалъ это знаменательное событіе, я убѣждался, что Николай нисколько не обижался изъ за него на Мишку. Напротивъ, онъ какъ бы поощрительно замѣчалъ: „родину свою почуялъ! Онъ тутъ, вѣдь, жеребенкомъ произрасталъ, ну и припомнилъ!“

Отправили насъ спѣшно въ Екатериновку, гдѣ мы пробыли всего два дня, какъ оказалось, вотъ почему: въ разгарѣ „Крымской кампаніи“ англійскія суда (или одно судно) пытались бомбардировать Очаковъ. Выстрѣлы были слышны въ Николаевѣ. Опасались, не станутъ ли обстрѣливать и Николаевъ съ его адмиралтействомъ и кораблестроительнымъ запасомъ.

Мать и поспѣшила отправить насъ въ безопасное мѣсто, а сама осталась, чтобы, въ случаѣ надобности, ходить за ранеными.

Бабушкина Кирьяковка на рѣчкѣ Бугѣ была всего въ 12 верстахъ отъ Николаева. Другое-же ея имѣнье Богдановка, — тоже на Бугѣ, но въ противоположную сторону, верстахъ въ 20-ти отъ города, т. е. еще ближе къ Очакову.

Вотъ и сообразили отослать насъ подальше въ совершенно безопасное мѣсто.

Въ ,,Екатериновкѣ" со смерти отца, домъ давно пустовалъ и тамъ ничего не успѣли приготовить къ нашему пріѣзду. Хорошо помню, что мы тамъ, съ сестрой, повернутые головами въ разныя стороны, спали на одной очень широкой кровати. Марѳа Мартемьяновна спала въ той-же комнатѣ на клеенчатой кушеткѣ, а Матреша въ сосѣдней на полу, куда ей принесли много сѣна, которое хорошо, но очень сильно пахло. На утро какія-то бабы принесли яицъ, живую курицу, низко намъ кланялись и о чемъ-то разспрашивали Марѳу Мартемьяновну.

Какой-то ,,объѣзчикъ", который тутъ былъ за управляющаго, предложилъ намъ проѣхать ,,на ставокъ", гдѣ квакали лягушки и бродили свиньи. Возилъ онъ насъ на безрессорной ,,найтычанкѣ", запряженной парою вихрастыхъ, нечищенныхъ коней; насъ очень трясло.

Старая ,,бабуся", которая жила при домѣ, готовила намъ обѣдъ и начадила на весь домъ.

Наконецъ, за нами прислали верхового ,,нарочнаго" и мы благополучно вернулись обратно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Второй бабушкинъ мужъ, мой дѣдъ, по которомъ она сравнительно вдовѣла не такъ давно, былъ Петръ Григорьевичъ Богдановичъ.

У бабушки въ будуарѣ, надъ ея завѣтнымъ кресломъ, висѣлъ его большой портретъ, который мнѣ очень нравился, такъ какъ въ его округломъ лицѣ было что-то необыкновенно пріятное, напоминавшее мнѣ нашу маму. Глаза, лобъ и брови были какъ бы усиленно подчеркнутыми мамиными чертами. Но онъ былъ гораздо полнѣе мамы, у него уже былъ двойной подбородокъ, который мягко лежалъ на высокомъ воротникѣ его дворянскаго мундира. Лицо его было совершенно брито и только чуть вьющіеся, съ сѣдинкою, височки переходили въ небольшія бачки.

Выписаны были на портретѣ и его руки, которыя покойно лежали на письменномъ столѣ. Эти руки особенно мнѣ нравились. Полнѣе и темнѣе маминыхъ рукъ, онѣ были такъ же красивы, заканчиваясь съуженными къ концамъ, продолговатыми пальцами.

А мамины руки я обожалъ и любилъ цѣловать ихъ безъ конца.

Въ домѣ память покойнаго Петра Григорьевича была еще свѣжа; онъ умеръ, „отъ удара“, внезапно, всего за годъ до моего рожденія.

Онъ былъ мѣстнымъ помѣщикомъ, ему принадлежало большое имѣнье „Богдановка“, которое послѣ его смерти было въ пожизненномъ владѣніи бабушки и считалось очень доходнымъ.

Служилъ онъ нѣкоторое время по гражданской части, дослужился „до генерала“ и вышелъ въ отставку, чтобы отдаться исключительно сельскому хозяйству. Когда онъ женился на бабушкѣ, ему, больше его Богдановки, полюбилась бабушкина Кирьяковка и онъ съ увлеченіемъ принялся за ея устройство.

Вмѣсто прежняго одноэтажнаго, вытянутаго въ казарменную линію, дома онъ построилъ на новомъ, болѣе высокомъ мѣстѣ, большой барскій двухэтажный домъ, съ колонами по фасаду, съ обширнымъ балкономъ и террасою подъ нимъ. Позади этой постройки онъ же насадилъ великолѣпный плодовой и ягодный садъ, а передъ домомъ разбилъ цвѣтникъ и насадилъ кусты сирени.

Великолѣпные тополя съ двухъ сторонъ балкона, достигавшіе, когда я ихъ увидѣлъ впервые, чуть ли не до крыши дома, были собственноручно посажены дѣдушкой, Петромъ Григорьевичемъ, о чемъ любила вспоминать бабушка.

Старый домъ, съ полисадникомъ изъ акацій вдоль него, стоявшій пониже, отошелъ подъ контору управляющаго и служилъ запаснымъ флигелемъ для заѣзжихъ гостей.

Отъ перваго брака у Петра Григорьевича Богдановича былъ только одинъ сынъ, который, ко времени егоженитьбы на бабушкѣ, былъ уже взрослымъ молодымъ человѣкомъ, служившимъ чиновникомъ въ Петербургѣ.

Я никогда его не видѣлъ, о немъ вообще мало было слышно въ нашей семьѣ. Отъ бабушки сыновей у него не было; но были двѣ дочери: наша мама — Любовь Петровна и Софія Петровна — „тетя Соня“. Тетю Соню мы узнали только позднѣе и очень ее полюбили, такъ какъ она, милая и добрая, была очень дружна съ нашей мамой. Пока она жила въ Петербургѣ и съ мамой только переписывалась. Она была замужемъ за Николаемъ Андреевичемъ Аркасъ, который раньше служилъ въ Черномъ морѣ, но, полу-

чивши ,,флигель-адьютанта" за командованіе первымъ пароходомъ ,,Владиміръ", построеннымъ на Николаевскихъ докахъ, былъ переведенъ въ Петербургъ и ,,долженъ былъ ѣздить во дворецъ къ Государю".

Бабушка очень гордилась такимъ зятемъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ выдающагося успѣха на службѣ, онъ довольно быстро разбогатѣлъ. Вмѣстѣ съ Чихачевымъ, онъ былъ учредителемъ ,,Русскаго Общества Пароходства и Торговли" на Черномъ морѣ; ѣздилъ въ Англію заказывать и потомъ принимать заказанные для общества пароходы.

Когда позднѣе Н. А. Аркасъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, военнымъ губернаторомъ города Николаева, и навсегда распрощался съ Петербургомъ, я былъ очень друженъ съ его двумя старшими сыновьями, Колей и Костей, которые были почти мои однолѣтки.

Изъ двухъ своихъ сыновей (Кузнецовскихъ) отъ перваго брака бабушка больше любила Всеволода Дмитріевича (дядю Всеву) и очень досадовала, что онъ принялъ службу въ Петербургѣ.

Онъ и моя мать, какъ это было для всѣхъ ясно, считались ея любимцами. Въ связи съ этимъ было и то, что мама и ,,дядя Всева" были особенно дружны.

Тотчасъ по окончаніи крымской кампаніи дядя Всеволодъ, овдовѣвъ, возвратился въ Николаевъ, гдѣ получилъ въ командованіе флотскій экипажъ.

Со своею крошкою, дочерью Нелли, онъ поселился не въ домѣ бабушки, а на отдѣльной квартирѣ, однако, каждый день навѣщалъ ее. Бабушка совѣтовалась съ нимъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ и была счастлива, что онъ навсегда раздѣлался съ Петербургомъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что только по настоянію своей покойной жены, которая ,,не желала жить въ провинціи", онъ переѣхалъ въ Петербургъ.

Жена его, Зинаида Михайловна, была польскаго, довольно аристократическаго происхожденія, любила блескъ и разсѣянную жизнь. Это она заставила мужа принять первую попавшуюся должность офицера морского корпуса, которою онъ очень тяготился.

Она-же переименовала свою дочь изъ Ольги въ ,,Нелли", находя, что чисто русское имя, выбранное бабушкой, которая была ея крестной, недостаточно благозвучно. Имя ,,Нелли" такъ и привилось къ дѣвочкѣ.

На письменномъ столѣ дяди Всеволода, въ бархатной рамѣ, стоялъ рисованный акварельный портретъ молодой женщины, съ острымъ овалomъ лица и пышно взбитыми на головѣ свѣтлыми волосами. Одѣта она была въ домашній бархатный „шугайчикъ", темно-зеленаго цвѣта, отороченный собольимъ мѣхомъ. Глаза ея глядѣли какъ-то въ сторону, такъ что ни цвѣта, ни выраженія ихъ нельзя было уловить. То былъ портретъ Зинаиды Михайловны, которая, по словамъ знавшихъ ее, въ томъ числѣ и мамы, была не столько красива, сколько эффектна, особенно на вечерахъ въ бальномъ платьѣ.

Изъ словъ мамы я понялъ, что она не принесла счастья дорогому дядѣ Всевѣ и что онъ даже, и послѣ ея смерти, долженъ былъ выплачивать какіе-то ея долги, такъ какъ она была „большая мотовка".

Дядя Всева былъ страшный добрякъ, это сейчасъ-же было видно по его лицу и по всѣмъ его повадкамъ.

Я сразу сталъ большимъ его пріятелемъ, такъ какъ онъ полюбилъ меня и очень баловалъ.

Онъ постоянно бралъ меня съ собою „прокатиться", даже когда ѣхалъ на службу, въ свой экипажъ, а ѣздилъ онъ туда аккуратно каждый день.

Я заранѣе зналъ часъ, когда онъ, „по дорогѣ", подъѣдетъ къ воротамъ на своихъ дрожкахъ и тотчасъ-же выбѣгалъ ему на встрѣчу.

Онъ говорилъ: „ну, адьютантъ, садись"! и мы ѣхали дальше.

Я преважно шествовалъ за нимъ по казарменному двору и по длиннымъ корридорамъ самой казармы.

Скоро меня вызнали не только всѣ офицеры, откормленные боцманы, но почти и всѣ матросы „дядиной команды". Они ласково отдавали мнѣ честь, когда встрѣчали внѣ казармы, и я вѣжливо раскланивался съ ними.

На парадахъ, которые были каждое воскресенье, въ праздники и царскіе дни на площади, у гауптвахты и Адмиралтейскаго Собора, я всегда любовался „молодцами 42-го флотскаго экипажа", потому что это „наши" т. е. дяди Всевы матросы.

Его самого я радъ былъ видѣть, по временамъ, верхомъ на росломъ гнѣдомъ конѣ, покрытомъ барашковымъ чернымъ чепракомъ, когда на большихъ смотрахъ онъ ѣхалъ впереди своего экипажа. Онъ казался мнѣ тогда настоящимъ каваллеристомъ, хотя весь бѣлый арабской крови „Алмазъ", изображенный на портретѣ отца, со своимъ сѣдокомъ, настоящимъ каваллеристомъ, былъ, конечно, эффектнѣе.

Сестра и я очень полюбили маленькую Нелли, которая была некрѣпкаго здоровья, и часто навѣщали ее, что всегда оживляло и радовало дядю Всеволода.

Мама также нерѣдко заѣзжала поглядѣть, все ли тамъ въ порядкѣ, а когда Нелли хворала, проводила тамъ многіе часы.

Дядя Всеволодъ имѣлъ особый даръ привязывать къ себѣ всякую дѣтвору. Во дворѣ того дома, гдѣ была его квартира, былъ мальчикъ, Филька, лѣтъ двѣнадцати. Онъ повадился „услужать барину“ и бѣгалъ за нимъ, какъ собаченка, послѣ того какъ „баринъ“ отнялъ его отъ отца, — дворника дома, который, когда напивался, безпощадно избивалъ его.

Дядя Всеволодъ не только далъ Филькѣ пріютъ у себя, но и сталъ посылать его въ школу.

Позднѣе, когда дядя Всева жилъ уже съ нами и бабушки въ живыхъ уже не было, именно по поводу этого Фильки, котораго ему удалось опредѣлить въ адмиралтейство, „по механической части“, онъ однажды разоткровенничался со мною, вспоминая свое собственное дѣтство.

— Повѣришь ли, Колечка, — волнуясь говорилъ онъ мнѣ. — Каждую субботу, чуть только я возвращался изъ школы, меня сѣкла маменька пребольно, собственноручно. Велитъ спустить штанишки, загнетъ мою голову, стиснетъ ее своими колѣнами такъ, что не шевельнешся, и дастъ розогъ пятнадцать, а подъ сердитую руку и всѣ двадцать пять.

Худо-ли, хорошо ли учился, все одна честь. Пришла суббота, — получай свое!

Тошно было домой идти... Мучился, сколько разъ раздумывалъ, не кинуться-ли въ Ингулъ, по крайней мѣрѣ одинъ конецъ.

Какъ Богъ отъ грѣха уберегъ, — самъ не знаю...

Спасибо покойному Петру Григорьевичу, царство ему Небесное! Еслибы не онъ, не выдержалъ-бы, кинулся бы въ рѣчку... Когда за него вышла маменька замужъ, онъ разомъ эту манеру прекратилъ.

Добрякъ онъ былъ! Я его больше отца роднаго почиталъ, да и онъ полюбилъ меня.

По началу, бывало, какъ въ субботу изъ школы прійдешь, прямо къ нему въ кабинетъ, — онъ и говоритъ: „отсидись пока, тутъ она тебя не достанетъ“!

Потомъ къ столу, къ обѣду, самъ за руку меня ведетъ и прямо къ маменькѣ: онъ у тебя молодецъ, я его проэкзаменовалъ, учится исправно“. А потомъ ко мнѣ: „цѣлуй маменькѣ ручку, ну,

живо, будемъ обѣдать, чай проголодался!“ Такъ и избавлялъ меня... И ее отучилъ, не позволялъ дѣтей пальцемъ тронуть...

А вѣдь, поди, любила меня... Послѣ, какъ выросъ, даже не въ примѣръ прочимъ, уважала и баловала меня. Царство ей небесное, а какъ вспомню, вѣришь-ли, и сейчасъ на душѣ жутко становится...“

Невыразимое никакими словами чувство обиды возникало въ моей груди при этихъ словахъ сѣдѣющаго милаго ,,дядюхи“, котораго я живо себѣ представлялъ моимъ однолѣткомъ, переносящимъ тяжкія муки...

Хорошо, что бабушки не было уже на свѣтѣ, иначе я возненавидѣлъ-бы ее.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Александръ Дмитріевичъ Кузнецовъ, бабушкинъ пасынокъ, по окончаніи войны, также вернулся въ Николаевъ и поселился въ томъ маломъ флигелѣ, рядомъ съ нашимъ, гдѣ пожилъ недолго ,,генералъ-ополченецъ“. Во время Крымской кампаніи онъ былъ не въ Севастополѣ, а гдѣ-то на Дунаѣ, гдѣ командовалъ отрядомъ военныхъ судовъ. Ранѣе онъ очень отличился, командуя парусным кораблемъ ,,Ростиславомъ“, въ Нахимовской эскадрѣ, которая побѣдоносно уничтожила турецкій флотъ у Синопской бухты. За участіе въ Синопскомъ бою у него на шеѣ висѣлъ Владимірскій крестъ съ мечами, съ которымъ онъ никогда не разставался. Въ его храбрости и, вообще, въ томъ, что онъ былъ превосходнымъ морякомъ, никто не сомнѣвался. Подчеркивали также его ригористическую честность въ отношеніи казеннаго имущества, что далеко не было общимъ правиломъ тогда во флотѣ. Въ заслугу ему ставили и то, что онъ оставался вѣренъ парусамъ, пренебрежительно отзываясь о паровыхъ судахъ, которыми пришлось ему командовать на Дунаѣ.

Но утверждали всѣ, что на службѣ это былъ лютый звѣрь, а не человѣкъ.

При своемъ бѣшенномъ нравѣ и педантичной требовательности по службѣ, онъ ,,поролъ матросовъ нещадно“, офицеровъже сажалъ за малѣйшее упущеніе подъ арестъ, причемъ изругивалъ неистово.

Въ Николаевъ онъ вернулся адмираломъ, только-что выпущеннымъ въ отставку, „съ мундиромъ и пенсіей“.

Вмѣстѣ съ адмираломъ пріѣхалъ съ Дуная и его бывшій деньщикъ и вмѣстѣ поваръ, Федоръ Хохловъ, получившій къ тому времени также „чистую“.

Онъ былъ помоложе Александра Дмитріевича, но странно походилъ на него всѣмъ внѣшнимъ обличіемъ своимъ. Немного пониже его ростомъ, своею походкою на растопыренныхъ слегка ногахъ, словно въ ожиданіи качки, круто закрученнымъ хохолкомъ волосъ надъ самымъ лбомъ и сѣро-оловянными глазами, какъ будто никуда не глядящими, онъ былъ вылитый портретъ самого адмирала. Только волосы на его усахъ и бачкахъ темнѣли еще своею естественною чернотой, а не были густо, изъ синечерно, нафабрены, какъ у адмирала.

Александръ Дмитріевичъ звалъ его „Федей“ и Федя, казалось, былъ весьма ему преданъ. Онъ былъ единственной прислугой адмирала; никто больше „не допускался“ къ нему ни для какихъ услугъ. Федя убиралъ его три комнаты, „ходилъ“ за нимъ и готовилъ ему обѣдъ, который подавался, минута въ минуту, въ 12 часовъ „по адмиральской пушкѣ“.

Вставалъ адмиралъ „съ пѣтухами“, очень рано и ложился спать „съ курами“, также рано.

Каждое утро онъ „заходилъ въ церковь перекрестить лобъ“, а по воскресеньямъ и праздникамъ отстаивалъ и утреню и обѣдню въ адмиралтейскомъ соборѣ, причемъ стоялъ въ алтарѣ и нерѣдко дѣлалъ замѣчанія священнослужителямъ, если усматривалъ какія-либо непорядки.

Онъ иридавалъ большое значеніе „моціону“ и много ходилъ, гуляя всегда по одной и той-же аллеѣ на бульварѣ или по „бульварчику“ передъ нашимъ домомъ. Если какой-нибудь встрѣчный матросъ не отдавалъ ему во время „чести“, или не сторонился на его дорогѣ, онъ безъ церемоніи пускалъ въ него палкой, или зонтикомъ, и изругивалъ его, какъ послѣдняго.

Одѣвался онъ всегда очень легко и своеобразно. Поверхъ отставного сюртука (безъ погонъ) лѣтомъ онъ надѣвалъ люстриновую темно-сѣрую пелеринку, а зимой въ рукава холодную „Николаевскую шинель“, безъ мѣхового воротника. На головѣ у него всегда была форменная фуражка стариннаго образца, съ кокардой.

По части гигіены у него была своя формула, которую онъ любилъ всѣмъ внушать: „держи ноги въ теплѣ, голову въ холодѣ, а брюхо въ голодѣ“.

За четверть часа до обѣда адмиралъ обязательно бывалъ уже у себя. Лѣтомъ у него было занятіе, которому онъ предавался со страстью: онъ избивалъ мухъ своимъ носовымъ платкомъ и добивался того, что въ его спальнѣ не было ни одной мухи.

Послѣ обѣда Федоръ закрывалъ наружныя ставни адмиральскаго флигеля; это обозначало, что адмиралъ будетъ отдыхать.

Часовъ около трехъ тотъ же Федя появлялся съ кипящимъ самоваромъ, ставилъ его на крыльцѣ у входа во флигель, раскрывалъ наружныя ставни, а затѣмъ входилъ съ самоваромъ въ адмиральскіе покои.

Въ началѣ пятаго часа адмиралъ снова отправлялся на бульваръ, гдѣ къ этому времени на ,,адмиральской площадкѣ" собирался цѣлый синклитъ отставныхъ моряковъ.

Бульваръ тянулся вдоль рѣки Ингула, по которому сновали суда, по направленію къ адмиралтейству и обратно. Паровые суда и суденышки, ихъ командиры и вся команда подвергались самой безпощадной критикѣ зоркихъ наблюдателей. Все никуда не годилось: командиры ,,приставать не умѣли", матросы ,,гребли какъ бабы", а ,,паруса ставили, какъ прачки развѣшиваютъ бѣлье", офицеры — шаркуны и фанфароны.

Величайшее торжество наступало на ,,адмиральской площадкѣ", когда удавалось наблюсти хотя-бы самую легкую ,,аварію", а ужъ если пароходъ неуклюже врѣзывался колесомъ въ пристань и колесо трещало, то оживленнымъ пересудамъ не бывало конца.

Всѣ эти отставные капитаны перваго ранга и адмиралы обязательно носили форму, имъ присвоенную, и въ случаѣ манкировки молодыми офицерами въ отданіи имъ чести, тутъ-же распекали ихъ громогласно, не стѣсняясь присутствіемъ дамъ.

Наблюдая, повидимому, вполнѣ добрыя отношенія адмирала къ его ,,Федѣ", я начиналъ сомнѣваться, точно-ли Александръ Дмитріевичъ былъ такимъ звѣремъ на службѣ, какимъ его расписывали.

Познакомившись ближе съ Федоромъ, который не тяготился моей болтовней, я сталъ разспрашивать его о прежней службѣ, о томъ, гдѣ онъ побывалъ и каково было его начальство.

Вначалѣ онъ видимо отмалчивался, ограничиваясь короткими фразами, вродѣ: ,,ничего, служили", или ,,всего видали".

Но однажды, когда я заговорилъ объ адмиралѣ и о томъ, что онъ былъ, какъ говорятъ, звѣремъ на службѣ, Федоръ обмолвился: ,,шкуръ много со спинъ спустилъ, что и говорить", и тутъ-же прибавилъ — ,,ничего, вторыя наросли"!

Но я не отставалъ, хотѣлось знать: неужели онъ и его, Федю, съ которымъ теперь такъ ласковъ, тоже наказывалъ?

Федоръ помялся, а затѣмъ, побагровѣвъ, признался, что тоже ,,получилъ линьковъ не мало", и тутъ-же прибавилъ: ,,да, вѣдь, онъ бѣшенный, что съ него спрашивать..." Еще онъ обмолвился, что особенно жестоко его наказалъ адмиралъ однажды, когда они стояли съ судномъ въ Ѳеодосіи за то, что онъ пошелъ безъ спроса готовить къ купцу на свадьбу и къ утру былъ не въ порядкѣ. Съ тѣхъ поръ, прибавилъ Федоръ, ,,въ погоду всю спину ломитъ".

Меня всего трясло при этомъ разсказѣ и я, волнуясь, спросилъ его: ,,какъ-же вы остались у него служить"?

— А чего не служить. Теперь я вольный, теперь не смѣетъ.. Да и онъ обошелся, тоже привыкъ.... Жалованье аккуратно платитъ, — объяснилъ мнѣ Федоръ.

Что Александръ Дмитріевичъ былъ дѣйствительно ,,бѣшенный", этому были и явныя доказательства.

Разъ, когда мы съ сестрой уже подросли и обѣдали въ ,,большомъ домѣ", при насъ разыгралась такая сцена.

Къ обѣду, по какому-то торжественному случаю, былъ приглашенъ Александръ Дмитріевичъ и кое-кто изъ родственниковъ. О чемъ шла за обѣдомъ у ,,большихъ" рѣчь, разумѣется не помню, но было шумно, о чемъ-то спорили, всѣ, какъ мнѣ казалось, нападали на Александра Дмитріевича, а онъ съ ними не соглашался.

Вдругъ онъ, весь побагровѣвъ, вскочилъ изъ-за стола, съ шумомъ отодвинулъ стулъ, кинулся къ выходной двери и сильно хлопнулъ ею за собой.

Всѣ остолбенѣли, а бабушка ему вслѣдъ пустила: ,,головой"!

Послѣ обѣда мама, очень взволнованная, заходила къ нему и говорила потомъ, что застала его лежащимъ въ постели съ холоднымъ компрессомъ на головѣ.

На другой день онъ ходилъ къ бабушкѣ ,,просить прощенія" и, говорили, становился передъ нею даже на колѣни.

Отъ приливовъ къ головѣ онъ избавлялся только ,,фонтанелями", которыя ему цырюльникъ Иванъ Федоровичъ — армянинъ открывалъ то на одной рукѣ, то на другой. Лѣкарской операціей перевязки ,,фонтанелей" завѣдывалъ неизмѣнный Федя.

Александръ Дмитріевичъ терпѣть не могъ докторовъ и никогда къ нимъ не обращался.

Когда бабушка стала прихварывать, она завела ,,домашняго врача", славившагося въ то время въ Николаевѣ морскаго врача,

Антона Доминиковича Миштольда. Старикъ Мазюкевичъ, который ,,по родственному" лѣчилъ раньше насъ всѣхъ, къ тому времени уже умеръ.

У Антона Доминиковича были двѣ страсти: считая себя преимущественно операторомъ и не имѣя случая оперировать въ морскомъ госпиталѣ, такъ какъ тамъ былъ другой хирургъ, онъ очень любилъ хотя-бы приватно ,,что нибудь порѣзать", затѣмъ очень любилъ балагурить и шутить.

Первая страсть привела его неожиданно къ крупной непріятности.

У адмирала Александра Дмитріевича издавна на самой верхушкѣ кончика носа была небольшая затвердѣлая шишка, которую онъ, для красоты, чернилъ, какъ чернилъ и свои жидковатые волосы на головѣ и усы и бачки.

,,Доминикичъ" (такъ, по просту, мы, дѣти, звали нашего доктора) долго приставалъ къ адмиралу, чтобы онъ позволилъ ему ,,тронуть ланцетомъ" его ,,шишечку", чтобы ,,выпустить кашку" и освободить совершенно правильный носъ отъ неумѣстнаго придатка.

Долго не сдавался Александръ Дмитріевичъ, къ которому Доминикичъ, въ качествѣ ,,домашняго для всего дома врача", считалъ своимъ долгомъ по воскресеньямъ заходить передъ ,,адмиральскимъ часомъ" выпить рюмочку водки и закусить горячимъ растегаемъ. Неожиданно для всѣхъ, вдругъ ,,адмиралъ сдался", желая отдѣлаться отъ своей шишки.

Въ день, когда ,,операція" была произведена, Доминикичъ торжествовалъ. По его словамъ она удалась на славу, крови почти не было пролито, вышла, какъ онъ и предсказывалъ, только ,,бѣлая кашка".

Нѣсколько дней адмиралъ не выходилъ вовсе, имѣя какую-то нашлепку на носу.

Наконецъ пришелъ срокъ снять ее, для чего вновь предсталъ передъ нимъ торжествующій операторъ.

Когда повязка была снята, адмиралъ немедленно потребовалъ, чтобы ему подали зеркало.

Затѣмъ, по обстоятельному пересказу ,,Феди", событія приняли такой оборотъ:

Адмиралъ, увидавъ свой носъ, на которомъ вмѣсто прежней шишки, образовалась довольно глубокая ямка, побагровѣлъ. Онъ обрушился на Доминикича съ непечатною бранью и выгналъ его вонъ со словами: ,,чтобы духа твоего у меня больше не было, польско-жидовская морда".

Опѣшившій операторъ пулей вылетѣлъ отъ него, успѣвъ, однако, обнадежить адмирала, что ямка, со временемъ, ,,восполнится" и носъ будетъ гладкій.

Предсказаніе это исполнилось только отчасти, ямка, хотя и неглубокая, навсегда смѣнила прежнюю шишку.

Александръ Дмитріевичъ никогда не простилъ этого ,,Доминикичу" и постоянно жаловался: ,,поганный докторишка, далась ему моя шишка, теперь обезобразилъ мнѣ носъ".

Съ Александромъ Дмитріевичемъ бывали и странные припадки молніеноснаго характера; изъ нихъ одинъ случился съ нимъ въ моемъ присутствіи.

Онъ очень ,,уважалъ" нашу маму, оказывалъ ей всегда вниманіе и почтеніе и любилъ иногда заходить ,,побесѣдовать".

Однажды онъ былъ у насъ и, дымя своей толстой папиросой въ мундштукѣ, мирно бесѣдовалъ, расхаживая, по своей привычкѣ, по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Вдругъ, внезапно, рѣчь его оборвалась на полусловѣ, онъ продолжалъ ходить, но мундштукъ выпалъ у него изъ пальцевъ въ одну сторону, а папироса въ другую, лицо его побагровѣло, онъ, видимо, былъ въ полномъ забытьи.

Длилось это всего нѣсколько секундъ.

Затѣмъ, какъ-бы ничего не произошло, онъ нагнулся, поднялъ папиросу, вложилъ ее въ мундштукъ и, дымя по прежнему, продолжалъ прерванный разговоръ.

Благодаря всему, что я зналъ объ ,,адмиралѣ", у меня было къ нему какое-то глубокое внутреннее недовѣріе, смѣшанное съ инстинктивною опаскою. Но мы съ сестрой никакъ и ни въ чемъ, не могли бы пожаловаться на него. Онъ съ нами былъ всегда привѣтливъ и ласковъ, шутилъ и балагурилъ. Сестру и меня онъ просилъ называть себя ,,дядей Сашей", но мы какъ-то умудрялись никакъ не называть его; про себя же продолжали звать его ,,Александромъ Дмитріевичемъ".

Каждое воскресенье мы съ мамой заходили къ нему, когда онъ возвращался отъ обѣдни, чтобы получить просфору, изъ которой были ,,вынуты частицы за здравья" мамы и наши. Съ подобной же просфорой онъ заходилъ самъ къ бабушкѣ и затѣмъ уже шелъ къ себѣ.

По воскресеньямъ у него на столѣ была всегда приготовлена закуска и горячіе растегаи и онъ былъ радъ угостить всѣхъ, кто въ этотъ день навѣщалъ его.

У него была взрослая дочь (онъ былъ давно вдовцомъ) Елена Александровна, которая была уже замужемъ за большимъ

добрякомъ, командиромъ какой-то шхуны, капитаномъ 2-го ранга Артюховымъ. Онъ былъ извѣстенъ въ городѣ своимъ всегда ровнымъ, невозмутимо спокойнымъ характеромъ. Его мы видѣли каждое воскресенье у Александра Дмитріевича, но иногда по мѣсяцамъ не видѣли съ нимъ его жены. Это обозначало, что она „въ ссорѣ съ отцомъ". Они часто, почти безъ причины, ссорились.

Мама, съ которой Елена Александровна была довольно дружна, часто пеняла ей за ея неуживчивость. Мужа, безобиднаго и покладистаго, она ни во что не ставила и распоряжалась имъ, какъ хотѣла, а со знакомыми у нея вѣчно выходили непріятности и „исторіи". Весь городъ зналъ, что Елена Александровна постоять за себя съумѣетъ и что съ нею нужно держать ухо востро.

Мы ее любили, съ нами она была всегда ласкова и привѣтлива.

Мама про нее говорила: „вся въ папеньку".

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Второго своего сына, родного брата дяди Всеволода, Аполлона Дмитріевича Кузнецова, бабушка не одобряла за заглазную его женитьбу, пока онъ служилъ въ Балтійскомъ флотѣ. Онъ женился, вопреки ея желанію, на какой-то, неизвѣстной ей, особѣ и, притомъ, на шведкѣ, протестанткѣ.

Вскорѣ послѣ окончанія войны, онъ написалъ бабушкѣ о томъ, что онъ мѣняетъ родъ службы и, желая жить „на глазахъ маменьки", хлопочетъ получить мѣсто губернскаго почтмейстера въ г. Херсонѣ, который отстоитъ всего въ шестидесяти верстахъ отъ Николаева. Это дастъ ему возможность часто навѣщать ее. Онъ просилъ и мѣстнаго ея содѣйствія. Перемѣнить службу ему необходимо, такъ какъ семья его увеличивается и получаемыхъ имъ средствъ уже не хватаетъ.

Бабушка, въ концѣ концовъ, одобрила этотъ проектъ и даже писала по этому поводу кому-то письма, которыя диктовала мамѣ.

Въ то время, при существованіи почтовой гоньбы исключительно на лошадяхъ, должность губернскаго почтмейстера считалась довольно видной и, почему-то, прибыльной.

Проѣздомъ въ Херсонъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, перебираясь на мѣсто новаго служенія, Аполлонъ Дмитріевичъ съ семьею задержался нѣкоторое время въ Николаевѣ.

Онъ, съ женою своею Граціей Петровной (у нея, какъ у протестантки, было нѣсколько именъ, но она настаивала на Граціи, находя его наиболѣе благозвучнымъ), поселились въ домѣ бабушки, а дѣти (въ то время ихъ было трое: двѣ дочери и сынъ), съ ихъ нѣмкой бонной, размѣстились у насъ.

Эти дѣти, и особенно старшая „Маня", года на три старше моей сестры, — были поразительно красивы.

Когда обращали на это вниманіе и говорили объ этомъ, Аполлонъ Дмитріевичъ торжествовалъ. Самодовольно улыбаясь, онъ неизмѣнно заявлялъ: „отъ Аполлона и Граціи развѣ могло быть иначе"?!

Самъ онъ очень напоминалъ своего отца, съ его тонкими чертами лица, и былъ дѣйствительно красивъ, пока не располнѣлъ и не обрюзгъ. Грація-же Петровна выглядѣла пышащею здоровьемъ, съ яркимъ цвѣтомъ лица, привлекательной дамой. Но, почему-то, она любила говорить о слабости своихъ нервовъ, о мигреняхъ и недомоганіяхъ.

Мама и Надежда Павловна находили, что это съ ея стороны „одно кривляніе" и что этимъ она корчитъ изъ себя „свѣтскую даму".

Мнѣ Грація Петровна нравилась. Я съ любопытствомъ разглядывалъ ее и находилъ, что ея шуршащія шелковыя платья, которыя она часто смѣняла, очень шли къ ней. Ея пепельно-рыжеватая, очень пышная шевелюра также казалась мнѣ верхомъ изящества.

Дѣти (Маня, Женя и Тося, уменьшительное отъ Платона) вносили массу оживленія въ нашъ домашній обиходъ. Они и пѣли и танцовали очень забавно, чему, повидимому, ихъ учили.

Бабушка, къ которой ихъ приводили очень разряженными и завитыми и которой онѣ однажды демонстрировали всѣ свои таланты, причемъ Грація Петровна подыгрывала имъ на роялѣ, не одобряла такого „кривлянія", и послѣ не разъ говаривала: „нашли чему учить, совсѣмъ ученыя обезьянки"!

Въ тайникѣ своей шестилѣтней души я съ этимъ никакъ не могъ согласиться. „Обезьянки" рѣшительно завладѣли моимъ вниманіемъ. Особенно очаровательною казалась мнѣ старшая — „кузина Маня". Она держала себя совсѣмъ, какъ взрослая, въ сознаніи своей неотразимой привлекательности.

Она, дѣйствительно, была, оставаясь и въ зрѣломъ возрастѣ, настоящею красавицей.

Я едва смѣлъ цѣловать ее, причемъ ужасно волновался и долго потомъ переживалъ эти минуты блаженства.

Мой однолѣтокъ Тося, съ которымъ я очень сдружился, (при разставаніи мы обѣщали ,,писать письма" другъ другу), возбуждалъ во мнѣ, несмотря на мое восхищеніе его талантами, нѣкоторое ревнивое чувство.

Рядомъ съ нимъ я чувствовалъ себя и увальнемъ и уродомъ.

Съ ихъ отъѣздомъ нашъ домъ очень опустѣлъ. Я нацарапалъ Тосѣ (не безъ помощи сестры Ольги) одно, или два, письма, вскорѣ-же послѣ ихъ отъѣзда въ Херсонъ, не столько изъ дружбы къ нему лично, сколько изъ-за тайнаго желанія, чтобы ,,кузина Маня", которую въ письмѣ я уже храбро цѣловалъ, не забыла о моемъ существованіи.

Я еще долго безъ волненія не могъ думать о ней.

Взрослыя мои кузины, Люба и Леля (дочери ,,тети Лизы"), какъ-то всегда умудрялись подмѣтить, когда чье-нибудь женское лицо мнѣ особенно нравилось, и онѣ принимались тогда, въ одинъ голосъ, изводить меня своими приставаніями: ,,влюбленъ, влюбленъ!"

Я при этомъ всегда ужасно краснѣлъ, чего-то стыдился и искренно негодовалъ на нихъ въ такія минуты.

Уже раньше онѣ допекали меня этимъ.

Неподалеку отъ насъ жило семейство Пикиныхъ, гдѣ было много дѣвицъ. Старшая изъ нихъ, совсѣмъ взрослая дѣвушка, высокая, стройная, съ большими, красивыми синими глазами, на матово-смугломъ, всегда, какъ будто, грустномъ лицѣ, мнѣ необыкновенно нравилась, хотя я видѣлъ ее только у раскрытаго окна, когда намъ приходилось проѣзжать или проходить мимо ихъ дома.

Мнѣ могло быть тогда лѣтъ пять, съ небольшимъ.

И вотъ, неизмѣнно я требовалъ, когда мы катались въ экипажѣ, или въ саняхъ, чтобы мы нѣсколько разъ проѣхали мимо ихъ дома, или когда шли на прогулку пѣшкомъ, не сворачивали-бы по направленію къ бульвару, или гостинному двору, раньше ихъ дома.

Дѣвушка, въ концѣ концовъ, замѣтила меня и стала улыбаться мнѣ своею свѣтлою, и вмѣстѣ грустною, улыбкой.

Я не подозрѣвалъ тогда, что этой милой, высокой и стройной дѣвушкѣ, которая мнѣ такъ нравилась, суждено стать скоро ,,моей тетей", что она будетъ цѣловать меня, а я,

краснѣя, буду потуплять при этомъ глаза, не смѣя на нее взглянуть.

А, между тѣмъ, такъ случилось.

Полиціймейстеромъ въ Николаевѣ былъ въ то время Владиміръ Михайловичъ Карабчевскій, родной братъ моего покойнаго отца. Раньше онъ служилъ въ томъ-же уланскомъ полку, которымъ командовалъ отецъ, но затѣмъ, женившись, получилъ должность, которая, по общему отзыву, какъ разъ соотвѣтствовала его распорядительности и энергіи.

Онъ бывалъ у бабушки только въ высокоторжественные дни, а мама, одно время, съ нимъ ,,совсѣмъ раззнакомилась".

Изъ себя онъ былъ представительный и видный, хотя лицо его было обрюзгло и далеко некрасиво. Но имъ можно было залюбоваться, когда онъ несся по городу въ своей легкой пролеткѣ, запряженной отличнымъ рысакомъ въ корню и донскимъ скакуномъ въ пристяжку. Онъ имѣлъ тогда видъ бравый, внушительный и всѣ на улицѣ невольно провожали его глазами и называли его ,,молодцомъ". Говорили, что на пожарахъ, куда онъ мчался почему-то всегда стоя въ пролеткѣ, придерживаясь за плечо кучера, онъ бывалъ великолѣпенъ своею находчивою распорядительностью. Всѣ городскіе водовозы, со своими бочками, строились имъ правильной шеренгой чуть не до самой рѣки, а ,,качать" ручные насосы онъ заставлялъ, безъ разбора, всѣхъ, собиравшихся ,,поглядѣть на пожаръ", ротозеевъ. Разъ онъ, въ числѣ прочихъ, захватилъ какого-то заѣзжаго губернскаго чиновника и заставилъ его ,,качать воду". Тотъ тщетно протестовалъ, потомъ безуспѣшно жаловался.

Владиміръ Михайловичъ любилъ вспоминать, какъ онъ ловко при этомъ ,,отписался": ,,на чиновникѣ кокарды-то, вѣдь, не было"!

Лично противъ него мама ровно ничего-бы не имѣла и раньше онъ, по родственному, нерѣдко навѣщалъ ее; но одинъ случай съ его первой женой надолго разстроилъ ихъ отношенія.

Владиміръ Михайловичъ въ первый разъ былъ женатъ на очень раздражительной и заносчивой особѣ и былъ всецѣло подъ ея вліяніемъ.

Случай и вышелъ такой: въ одномъ изъ магазиновъ (въ Николаевѣ ихъ именовали ,,лавками") гостиннаго двора мама ,,присмотрѣла" какую-то понравившуюся ей шелковую матерію, сказала прикащику ,,отложить" и повезла образчикъ показать бабушкѣ. На слѣдующій день она взяла весь кусокъ.

Оказалось, вскорѣ, что ту-же самую матерію „присмотрѣла“ и Ольга Васильевна, жена полицеймейстера, и тоже велѣла приказчику „отложить“.

Черезъ нѣсколько дней, когда она прислала за кускомъ, его въ магазинѣ не оказалось, онъ былъ уже въ кройкѣ у маминой портнихи.

Хозяинъ магазина въ отчаяніи метался, не зная, какія привести оправданія, и всю вину свалилъ на приказчика, завѣряя, что, вопреки его приказанію, приказчикъ перепуталъ и отпустилъ матерію не супругѣ полицеймейстера, а ея однофамилицѣ.

Этого оказалось достаточно, чтобы злополучный приказчикъ жестоко поплатился. По настоянію Ольги Васильевны его вытребовали въ полицію и тамъ тѣлесно наказали розгами.

Помню живое возмущеніе мамы, когда она объ этомъ узнала. Она тотчасъ-же поѣхала къ Владиміру Михайловичу, но не въ домъ его, а на службу, и тамъ „подняла цѣлую бурю“.

Онъ сконфуженно оправдывался, увѣряя маму, что его распоряженіе не было понято: онъ приказалъ вызвать приказчика „для разслѣдованія случая“, а приставъ понялъ, что его „слѣдуетъ выпороть“.

Но мама не хотѣла слушать никакихъ оправданій, напрасно онъ силился цѣловать ей руки, желая успокоить ее.

Случай этотъ прошумѣлъ на весь городъ.

По иниціативѣ мамы была открыта подписка между знакомыми, со сборомъ денегъ, „въ пользу невинно пострадавшаго“.

Владиміръ Михайловичъ былъ очень смущенъ всей этой „исторіей“, тѣмъ болѣе, что къ этому времени прибылъ вновь назначенный военный губернаторъ Николаева и главный командиръ Черноморскаго флота, вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Богданъ Александровичъ Глазенапъ, котораго, заранѣе, прославили человѣкомъ гуманнымъ и отъ котораго ждали „новыхъ порядковъ“.

Новый правитель поспѣшилъ, однако, „замять эту непріятность“, найдя въ лицѣ Владиміра Михайловича ретиваго и исполнительнаго полицеймейстера. Онъ даже сталъ, видимо, покровительствовать ему.

Вскорѣ Владиміръ Михайловичъ овдовѣлъ и ровно черезъ годъ женился, во второй разъ, на той высокой, смуглой, съ большими, грустными глазами дѣвушкѣ, которую я раньше видѣлъ только издали и которая мнѣ, еще ребенку, такъ полюбилась.

Ея замужеству предшествовало много домашнихъ толковъ, которые заставляли меня задумываться и грустить по ней.

Кузины Люба и Леля, которымъ было извѣстно рѣшительно все, что творилось въ городѣ, утверждали, что Лиза Пикина (это было имя моей будущей тети) давно влюблена въ одного молодого красиваго мичмана, такого-же высокаго роста, какъ она сама, но что отецъ ея, раньше богатый, раззорившись на какихъ-то казенныхъ подрядахъ, вымолилъ у нея согласіе выйти замужъ за полицеймейстера, который, какъ-то и въ чемъ-то, могъ-бы помочь ему выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и спасти всю многочисленную семью отъ полнаго раззоренія.

Эти свѣдѣнія не только не умалили, въ моихъ глазахъ, достоинствъ „новой тети Лизы“, но, наоборотъ, усилили чувство глубокаго волненія, которое овладѣвало мною каждый разъ, когда я приближался къ ней.

А эти случаи стали довольно часты, такъ какъ мама, поѣхавшая и на похороны первой жены Владиміра Михайловича, не только примирилась съ нимъ, но и согласилась быть его „посаженною матерью“, когда онъ вѣнчался во второй разъ.

Новую тетю Лизу, которая очень ласково и внимательно отнеслась къ тремъ малолѣткамъ Владиміра Михайловича отъ перваго брака, мама очень полюбила, часто у нея бывала и радушно принимала у себя.

Двое старшихъ мальчиковъ, Василій и Платонъ, были чуть-чуть постарше меня и тетя Лиза часто звала меня и нерѣдко сама увозила играть съ ними.

Боже, какъ я бывалъ счастливъ отъ каждаго прикосновенія къ ней, къ ея платью, перчаткамъ, мѣховому ея боа. Когда-же она цѣловала меня, я весь загорался, у меня перехватывало дыханіе.

Всѣ окружающіе замѣчали это, зналъ „про это“ и Владиміръ Михайловичъ и добродушно поощрялъ: „ну, цѣлуй, цѣлуй свою тетю, я не ревную“! Но въ душѣ я проклиналъ всѣхъ окружающихъ и самого себя въ такія минуты за то, что не съумѣлъ укрыть отъ всѣхъ того, что было для меня такъ мучительно-сладко. Только сама тетя Лиза, своимъ тихимъ, спокойнымъ вмѣшательствомъ всегда выручала меня, говоря: „моего милаго мальчика оставьте въ покоѣ; мы старые друзья, я тоже очень люблю его“.

Въ такія минуты я боготворилъ ее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Годъ, въ который я пользовался наибольшей свободой, такъ какъ Марѳа Мартемьяновна при насъ больше не состояла, а гувернантка еще не пріѣхала, я запомнилъ хорошо; съ него и повелъ лѣтосчисленіе.

Какъ сейчасъ помню первый рождественскій сочельникъ, въ который я впервые долженъ былъ ужинать у бабушки, со всѣми „большими".

За столъ не садились, ждали первой звѣзды, хотя всѣ были въ сборѣ. Это строго соблюдалось у бабушки.

Я выбѣжалъ на крыльцо, вслѣдъ за Иваномъ (Ванькой), едва накинувъ на плечи шубейку. Ему приказано было возвѣстить о появленіи первой звѣзды на небѣ и я сталъ, съ нимъ вмѣстѣ, „искать звѣзды" на еще свѣтлѣвшемъ небѣ.

Стояли тихіе, чуть-чуть морозные, какъ-бы подернутые легкимъ туманомъ сумерки. Розоватое небо кое-гдѣ уже начало густо сѣрѣть и, вдругъ, разомъ потемнѣло и, въ ту же секунду, появилась не одна звѣзда, которую мы искали, а вся масса звѣздъ усѣяла сплошь почернѣвшее небо.

Я опрометью бросился въ комнаты возвѣстить о радостномъ событіи.

Ужины сочельниковъ проходили у бабушки всегда съ особенною торжественностью. Всѣ рѣшительно родственники, даже самые дальніе, бывали на лицо.

На этотъ разъ я и сестра, Надежда Павловна и обѣ кузины — Леля и Люба, сидѣли за отдѣльнымъ столомъ, но тутъ-же въ общей столовой, и все было видно и слышно.

Было свѣтло, тепло и уютно.

Сколько подавалось разныхъ блюдъ! Правда, все только постныхъ, но превкусныхъ. А на столахъ, въ большихъ, искрящихся графинахъ, пѣнилось темное пиво и свѣтлый медъ. Къ праздникамъ эти напитки, изготовляемые въ Кирьяковкѣ, привозились въ боченкахъ на воловьихъ подводахъ, вмѣстѣ съ ящиками, набитыми соломой, въ которой были аккуратно уложены бутылки разныхъ настоекъ и наливокъ.

Ни пива, ни вина мнѣ не давали, но меда и вишневки дала мнѣ попробовать Надежда Павловна.

Изъ числа блюдъ, подаваемыхъ обязательно въ сочельникъ, были традиціонныя: левашники (родъ большихъ поджаренныхъ варениковъ съ вишневымъ вареньемъ внутри), взваръ (изъ су-

шеныхъ грушъ и чернослива) и рисовая кутья съ изюмомъ и миндалемъ.

Когда за большимъ столомъ заговорили о томъ, что вотъ скоро и новый годъ, я поинтересовался узнать, который это будетъ годъ. Надежда Павловна и кузины разомъ сказали: ,,пятьдесятъ восьмой годъ отъ Рождества Христова". Я запомнилъ и, по началу, думалъ, что такъ оно и есть, что Христосъ былъ на землѣ совсѣмъ недавно; мама уже мнѣ растолковала про то, что къ этому надо еще прибавить цѣлую тысячу и восемьсотъ лѣтъ. Это меня, почему-то, опечалило.

Съ тѣхъ поръ, какъ я запомнилъ то, что твердо знали всѣ взрослые, т. е. который сейчасъ годъ и сколько мнѣ самому лѣтъ (мнѣ минуло шесть), я выросъ въ собственныхъ глазахъ и не считалъ себя больше маленькимъ.

Этому много способствовало и то, какъ на этотъ разъ прошли для меня праздники. Раньше для насъ дѣлали только ,,кукольныя елки", которыя ставились на круглый столъ и мы сами съ кузинами ихъ украшали, а Надежда Павловна приносила сластей.

Въ этомъ году дѣло обстояло иначе.

Елка была настоящая, большая и не у насъ, а у бабушки, посреди большого зала.

Было много взрослыхъ, а дѣтей мало; мнѣ сверстника совсѣмъ не нашлось.

Было не очень весело.

Мама поиграла на роялѣ и всѣ чинно ходили вокругъ зажженой елки.

Зато я былъ вполнѣ вознагражденъ полученнымъ съ елки подаркомъ.

Когда я только вошелъ въ залъ, я сразу его замѣтилъ и тотчасъ-же подумалъ: не мнѣ-ли?

Какъ разъ, оказалось, мнѣ.

Это была лошадь, совсѣмъ какъ настоящая, большая, вся въ шерсти, съ сѣдломъ, которое можно было, отстегнувъ подпругу, снимать и вновь надѣвать.

Раньше у меня было много игрушечныхъ лошадей, и въ упряжкѣ, и подъ сѣдломъ, но всѣ были гораздо меньше. Эту-же я едва-едва могъ двигать, а вставивъ ноги въ стремена, на ней можно было ,,ѣхать галопомъ", т. е. качаться сколько угодно.

Кромѣ ,,бабушкиной елки", было и еще кое-что новое въ эти праздники.

Утромъ, въ первый день Рождества, къ намъ ,,впустили" слободскихъ мальчиковъ ,,со звѣздой".

Они ходили изъ дома въ домъ, вертѣли звѣзду и пѣли.

Я видѣлъ это въ первый разъ.

Большую бумажную звѣзду они сами смастерили, оклеили золотою бумагой и пестро разрисовали.

Когда они ушли, Матреша очень ворчала. Они наслѣдили мокрымъ снѣгомъ и ей пришлось убирать за ними.

Священники и пѣвчіе изъ нѣсколькихъ церквей пріѣзжали къ бабушкѣ „славить Христа“ и я теперь присутствовалъ при этомъ.

Въ день новаго года я проснулся подъ звуки духовой музыки. Можетъ быть такъ бывало и раньше, но я этого не помнилъ. Теперь же я, полуодѣтый, кинулся къ окну столовой, выходившей во дворъ, и увидѣлъ, что посреди двора стояли кругомъ музыканты въ флотской формѣ и одинъ, съ бѣлой палочкой въ рукѣ, стоявшій въ серединѣ круга, командовалъ, какъ имъ играть. Самый плотный изъ всего хора музыкантъ страшно надувалъ свои щеки, выдувая басовыя ноты изъ огромной трубы, перекинутой черезъ его плечо.

Музыка продолжалась довольно долго и вся дворня высыпала во дворъ послушать. Подъ самый конецъ вдругъ заиграли „Боже Царя храни“, мама мнѣ сказала, что это музыка въ честь нашего Царя. Изъ бывшихъ во дворѣ кое-кто сталъ креститься; думая, что такъ надо, перекрестился и я.

Въ Крещеніе выпало намъ и еще развлеченіе, самое памятное.

Бабушкинъ Иванъ („Ванька“), не малый выдумщикъ вообще, выпросилъ у мамы позволенія „представить комедію“ у насъ въ залѣ.

Съ нѣсколькими пріятелями, матросами дядинаго экипажа, онъ затѣялъ давно это дѣло и не мало суетился по этому поводу.

Въ день представленія онъ былъ весь въ хлопотахъ: собралъ со всего дома самыя разношерстныя ширмы, ставилъ и переставлялъ ихъ, пока, наконецъ, уставилъ ихъ въ одномъ изъ концовъ залы такъ, что выходила, какъ-бы, комната, въ самой серединѣ которой онъ поставилъ одно золоченое кресло, взятое изъ гостиной.

Онъ объявилъ мнѣ, что это будетъ „дворецъ Герцога“.

Потомъ онъ уставилъ нѣсколько рядовъ стульевъ „для публики“, а въ самомъ первомъ ряду нѣсколько креселъ „для господъ“.

Мама, Надежда Павловна, двѣ кузины, я съ сестрой и заняли эти мѣста.

Когда подъѣхалъ дядя Всеволодъ, съ двумя молодыми офицерами своего экипажа, они сѣли рядомъ съ нами.

Слѣдующіе ряды были заняты какими-то ,,сосѣдками", со своей дѣтворой. А дальше, почти у входа, сбившись въ одну кучу, были на лицо всѣ наши и бабушкины ,,люди". Тутъ были изъ дѣвичьихъ всѣ горничныя, былъ поваръ Василій съ женой своей Авдотьей, стряпухой для людей, былъ нашъ кучеръ Николай съ женой Мариной, былъ бабушкинъ кучеръ Марко и гигантскаго роста Елена-прачка.

Были и еще, но всѣхъ не разглядишь. Пришелъ и ,,Федя-адмиральскій", но самого адмирала не было, иначе онъ сидѣлъ-бы съ нами въ первомъ ряду.

Еще я замѣтилъ ,,Аронку-портного", — и мудрено было его не замѣтить. Онъ пробрался впередъ и такъ задиралъ свою голову, что его жиденькая бородка смѣшно топорщилась на виду у всѣхъ.

Представленіе началось еще засвѣтло такъ, что, когда актеры стали появляться, видно было, что бороды у нихъ мочальныя, а лица густо разрисованы.

На золоченное кресло сѣлъ ,,Герцогъ" и представленіе началось.

Самъ Иванъ и еще другой, такого-же какъ онъ роста, молодецъ стояли по бокамъ герцога; но они ничего не говорили. Только Иванъ дѣлалъ иногда суетливые знаки туда, гдѣ, изъ-за невысокой ширмы, виднѣлась чья-то макушка и откуда, потомъ, выходили другіе актеры.

У ,,герцога", одѣтаго ,,по царски", въ длинный синій балаханъ, усѣянный оранжевыми треугольниками, на головѣ была корона ,,какъ настоящая", изъ золоченной бумаги. Иванъ-же и его товарищъ при герцогѣ, были въ короткихъ, полосатыхъ балахонахъ синяго и оранжеваго цвѣта, но штаны на нихъ были собственные.

Я зналъ, что и синій и оранжевый коленкоръ дала Ивану Надежда Павловна, а шили балахоны въ дѣвичьей.

Что именно представлялось и чѣмъ все кончилось, я или тогда не очень понялъ, или теперь не помню. Но зато очень запомнилъ одну фразу, повторенную множество разъ на разные лады.

Герцогъ говорилъ вновь появившемуся на его зовъ изъ-за ширмы актеру, одѣтому также, какъ Иванъ и его товарищъ, съ тою только разницею, что онъ былъ подпоясанъ и въ рукѣ у него былъ настоящій, матросскій палашъ.

,,Пойди и приведи ко мнѣ непокорнаго сына Адольфа"!

А тотъ, ловко выворачивая въ рукѣ обнаженный палашъ, отвѣчалъ, становясь на одно колѣно:

,,Пойду и приведу твово непокорнаго сына Адольфа"!

Затѣмъ онъ удалялся и возвращался вновь, ведя за руку безусаго, одѣтаго въ оранжевую куртку, актера, на головѣ котораго былъ красный кумачевый колпакъ, причемъ отчеканивалъ отчетливо:

„Пошелъ и привелъ твово непокорнаго сына Адольфа“!

Сестра запомнила эти слова и тотчасъ повернула ихъ противъ меня.

Когда я не хотѣлъ сразу съ нею въ какую-нибудь игру играть, или за что-нибудь на нее „дулся“, она, гораздо болѣе меня сильная, подкрадывалась ко мнѣ сзади, стискивала меня и, подталкивая впередъ, влекла меня, куда хотѣла, причемъ непремѣнно приговаривала:

„Пошла и привела непокорнаго сына Адольфа“!

Это меня смѣшило и я сдавался сразу.

Когда кончилась „комедія“, которая всѣмъ понравилась, похлопали въ ладоши. Я усердствовалъ дольше другихъ.

Послѣ этого Иванъ, не успѣвшій переодѣться, лихо игралъ на гармоникѣ, а какой-то матросъ, одѣтый „по мужицки“ сплясалъ казачка и такъ бойко шелъ „въ присядку“, что всѣ ширмы дрожали и ихъ другіе актеры, повысунувшись, стали придерживать.

Мама благодарила „актеровъ“, а Надежда Павловна пригласила ихъ всѣхъ въ чистую людскую для угощенія.

На лицѣ Ивана сіяло торжество.

Онъ нѣсколько дней еще послѣ этого ходилъ не такъ, какъ всегда, а какъ-то „по актерски“.

Участіе Ивана въ этомъ „представленіи“ меня очень съ нимъ сблизило. Онъ сталъ въ моихъ глазахъ чѣмъ-то особеннымъ, отличнымъ отъ остальной дворни. Онъ былъ очень сильный. Ребенкомъ онъ чаще другихъ носилъ меня на рукахъ. Теперь-же онъ охотно продѣлывалъ предо мною всѣ свои артикулы, показываля разные фокусы на картахъ и строилъ гримасы, передразнивая кого угодно.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Въ этомъ году я ближе познакомился со всѣми нашими дворовыми людьми.

Какъ мнѣ ни внушала, въ свое время, Марѳа Мартемьяновна, чтобы я „не шатался по людскимъ и задворкамъ“, находя

это неприличнымъ, я всюду любопытствовалъ и, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, былъ съ кучерами въ конюшнѣ или сараѣ, или бесѣдовалъ съ кѣмъ-нибудь изъ дворовыхъ въ людской.

Продѣлывать это мнѣ было особенно легко какъ разъ теперь; съ уходомъ Марѳы Мартемьяновны настало междуцарствіе въ ожиданіи выписанной изъ Франціи гувернантки.

Я чувствовалъ, что вездѣ меня принимаютъ съ ласкою и довѣріемъ и очень гордился этимъ. Въ „большую людскую“ я любилъ заглядывать, когда смеркалось и тамъ зажигали огни. Это знаменовало, что собираются къ ужину.

Мнѣ всегда предлагали „хлѣба — соли откушать“ и давали мѣсто на скамьѣ у стола. Изъ огромной дымящейся „макитры“ для меня вылавливали деревянной ложкой пару, другую „рванцевъ“ или „галушекъ“, которыя я обожалъ и которыя тепло, какъ-то особенно вкусно, проходили по всему моему тѣлу.

Къ концу-же лѣта и всю осень меня, обычно, угощали лучшимъ кускомъ арбуза, который взрѣзывали тутъ же, заставивъ его предварительно потрещать подъ нажимомъ рукъ того, кто его держалъ и потомъ взрѣзывалъ. Такъ провѣрялось насколько онъ вызрѣлъ. Обыкновенно угадывали въ совершенствѣ: „рѣжь этотъ“! — скажетъ кто-нибудь — и арбузъ оказывался кровяно-краснымъ, сочнымъ, съ совершенно вызрѣвшими черными сѣменами.

Ничего не можетъ быть вкуснѣе сочнаго, холоднаго арбуза съ кускомъ только-что испеченаго, еще тепловатаго ржаного хлѣба.

Арбузы и дыни на многихъ подводахъ привозились изъ бабушкиныхъ деревень и въ большомъ погребѣ ихъ были навалены цѣлыя кучи. „Люди“ безконтрольно могли ихъ потреблять; ихъ ѣли и въ полдникъ, и въ обѣдъ, и въ ужинъ. Къ „господскому“ столу подавались только отборные „туманы“, или „астраханцы“, хранившіеся въ маломъ погребѣ, ключъ отъ котораго былъ „при буфетѣ“.

Когда Иванъ несъ оттуда пару арбузовъ и дыню и, притомъ, бывалъ въ духѣ, онъ умудрялся ловко ими жонглировать на ходу, подбрасывая ихъ поочередно въ воздухъ.

Дѣлалъ онъ это, когда во дворѣ никого изъ „господъ“ не было. Меня онъ въ „господахъ“ не числилъ и зналъ, что я не доносчикъ.

И дѣйствительно, я какъ-то инстинктивно берегъ ревниво тайны моего общенія съ этимъ новымъ для меня міромъ, куда

проникалъ какъ-бы украдкой и никому не болталъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ тамъ.

А между тѣмъ, тамъ у меня были свои симпатіи и антипатіи.

Всѣхъ больше я любилъ нашего кучера Николая и не любилъ бабушкинаго Марко. Сказать правду, послѣдняго я даже немного побаивался и, кажется, ни за что не остался-бы съ нимъ наединѣ.

Марко былъ рослый, какъ-то „косо“ весь откинутый назадъ и рябоватый съ лица мужикъ. Онъ былъ неряшливъ и бродилъ по черному двору гдѣ при конюшнѣ у него была своя коморка, „въ чемъ попало“, иногда даже босой, и только когда надо было „подавать“ экипажъ, одѣвался по кучерски, но и то довольно небрежно: поясъ рѣдко „убористо“ стягивалъ его армякъ, а шляпа сплошь и рядомъ выглядѣла запыленнной. Ему никто не помогалъ одѣваться.

Нашъ Николай всегда былъ одѣтъ, какъ принято было въ то время одѣваться кучерамъ: въ цвѣтной ситцевой или красной кумачевой рубахѣ, подхваченной поверхъ широкихъ плисовыхъ шароваръ тесмяннымъ поясомъ и въ высокихъ „съ гармониками“ сапогахъ. Когда похолоднѣе — въ синей драповой поддевкѣ, а лѣтомъ въ легкой суконной, а по праздникамъ — въ черной плисовой безрукавкѣ.

Онъ былъ небольшого роста, но аккуратно и „убористо“ всегда выглядѣлъ. Лицо у него было скорѣе красивое, съ темно-каштановой, козлиннаго фасона, бородкой, а пышные, вьющіеся кудрями волосы, съ проборомъ посединѣ, были подрѣзаны на шеѣ „въ скобку“.

Когда надо было запрягать, чтобы „подать господамъ“, практиковался разъ навсегда налаженный ритуалъ.

Его жена Марина, также, какъ и самъ Николай, любившая лошадей и часто бывавшая въ конюшнѣ, была ему въ этомъ дѣлѣ незамѣнимой помощницей. И ключъ отъ рѣшетчатой двери внутри конюшни, отдѣлявшей владѣнія Марко отъ владѣній Николая, всегда висѣлъ у нея подъ фартукомъ.

Рѣдко, рѣдко когда я не бѣжалъ въ конюшню, а потомъ и въ сарай, какъ только, бывало, заслышу, что Николаю „велѣно запрягать“. Большею частью я самъ первый же устремлялся объявить ему объ этомъ и уже не покидалъ его до конца.

Прежде всего онъ распахивалъ двери сарая, гдѣ стояли мамины экипажи и, продвинувъ впередъ тотъ, который требовался, обтиралъ его мягкой суконкой.

Тѣмъ временемъ Марина была уже въ конюшнѣ и въ чуланчикѣ, гдѣ была развѣшена, на деревянныхъ кольяхъ, сбруя, обмахивала слегка запылившіеся хомуты, заранѣе уже, подъ глянецъ, вычищенные.

Надѣвались хомуты на лошадей въ конюшнѣ, всегда въ одномъ и томъ-же порядкѣ. „Черкеса", который, когда ему подносили къ мордѣ оголовокъ, всегда наровилъ задрать повыше голову, обряжалъ самъ Николай, отпрукивая и урезонивая его. А на „Мишку", который, видимо, сразу понималъ, чего отъ него хотятъ и, спокойно просовывая морду въ оголовокъ, чуть-ли не говорилъ: „ну, чтожъ, коли надо — одѣвай"! — легко и быстро одѣвала хомутъ Марина.

Этому предшествовало еще обтираніе лошадей суконкой съ головы до ногъ. И тутъ та-же исторія: Марина въ одинъ мигъ, бывало, пройдетъ всего Мишку и онъ даже ухомъ не поведетъ, а Черкесъ, какъ только дѣло дойдетъ до щиколокъ ногъ, непремѣнно сощулитъ уши и норовитъ ухватить зубами оттопыренную мотню шароваръ нагнувшагося Николая.

Съ задняго двора на чистый, гдѣ былъ экипажный сарай, пританцовывавшаго Черкеса велъ всегда, на короткомъ поводу, Николай, а Марина вела (а то давала и мнѣ вести) мирно любопытствующаго Мишку, давая ему идти свободно.

И запрягать лошадей и обряжать самаго Николая всегда помогала Марина.

Раньше чѣмъ взобраться на козла, Николай всегда оглядывалъ себя въ маленькое зеркальце, висѣвшее въ сараѣ, и садился не раньше, какъ убѣдившись, что онъ въ полномъ порядкѣ.

Бабушка цѣнила своего Марко исключительно за то, что онъ „непьющій" и ѣздить съ нею „осторожно". Въ городъ она рѣдко выѣзжала и довольствовалась ежедневными прогулками по „чистой" части сада, гдѣ дорожки содержались въ исправности и посыпались пескомъ.

На ея лошадяхъ часто ѣздила Надежда Павловна по магазинамъ, а въ базарные дни на базарную площадь и, по ея словамъ, съ нею Марко вовсе не ѣздилъ осторожно, а стегалъ лошадей и гналъ немилосердно.

Этой парѣ рослыхъ сѣрыхъ, почти совсѣмъ побѣлѣвшихъ подъ старость, коней жилось совсѣмъ не сладко.

Я самъ видѣлъ, какъ Марко грубо и жестоко съ ними обходился: то ударитъ котораго-нибудь подъ брюхо ногой, то возьметъ арапникъ и начнетъ стегать ихъ поочередно въ стойлѣ, то одного, то другого. Несчастные мечутся, громыхаютъ въ своихъ

стойлахъ, рады-бы кинуться черезъ ясли впередъ, но за яслями глухая стѣна.

Я не могъ глядѣть на это и тотчасъ убѣгалъ прочь, ненавидя и проклиная Марко.

Въ деревнѣ у бабушки было много лошадей и былъ тамъ хорошій кучеръ, старикъ Игнатъ, но въ городѣ она держала только эту пару Марко.

Николай порою не выдерживалъ и выговаривалъ Марко: „Маркъ Савельичъ, что вы съ нихъ спрашиваете? Вѣдь, поди, за 15 годовъ каждой перевалило. Нѣчто хорошо такъ!... Вѣдь скотина тоже!...“ А Марко язвительно отвѣчаетъ ему: „я господъ, слава Богу, не калѣчилъ, этимъ дѣломъ не займаюсь... А коли не давать клячамъ острастки, онѣ и вовсе не побѣгутъ“.

Николай тотчасъ-же конфузливо умолкалъ. Я очень понималъ его, такъ какъ вполнѣ разумѣлъ жестокую язвительность намека Марко по адресу бѣднаго Николая.

При всей щеголеватой исправности его, какъ кучера, и любви къ лошадямъ, онъ имѣлъ несчастье иногда запивать и однажды, въ такомъ его состояніи, съ нимъ приключилась большая бѣда, едва не имѣвшая трагическаго конца, и наложившая неизгладимое пятно на его кучерскую репутацію.

Онъ выпивалъ рѣдко и, такъ какъ хмѣль какъ-то не сразу разбиралъ его, не всегда можно было во время замѣтить, что онъ пьянъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняла мамѣ жена его Марина.

Однажды, возвращаясь съ нашей мамой и двумя ея племянницами изъ Морского Собранія, гдѣ дѣвицы танцовали, Николай, котораго окончательно „разобрало“ отъ долгаго ожиданія, вывернулъ экипажъ на какой-то шальной тумбѣ.

Дѣвицы отдѣлались легко, а мамѣ разсѣкло грудь и исцарапало щеку; ее, почти безъ чувствъ, привезли домой случайно подъѣхавшіе, возвращавшіеся тоже изъ Собранія, знакомые.

Когда мы, съ сестрой, увидѣли ее на другой день, то пришли въ ужасъ и горько плакали.

Еще черезъ день мы присутствовали при такой сценѣ: совершенно протрезвившійся Николай валялся въ ногахъ у матери; тутъ-же стояла, горестно подперши ладонью свою щеку, Марина и громко вздыхала, а мама, открывъ свою забинтованную грудь и показывая глубокія царапины на своей щекѣ, спрашивала Николая: за что онъ ее покалѣчилъ и даже могъ убить?

Николай, хныча, бормоталъ что-то несвязное, кланялся ей въ ноги и просилъ прощенія.

Тѣмъ временемъ подъѣхалъ дядя Всеволодъ. Извѣщенный о случившемся бабушкой, онъ имѣлъ отъ нея наказъ строго наказать „пьянчужку“, хотя этотъ „пьянчужка“ былъ крѣпостной мамы (изъ Екатериновки), а не бабушки.

Сильно возвышая голосъ и стараясь дѣлать грозное лицо, дядя Всеволодъ объявилъ Николаю, что онъ будетъ немедленно отправленъ „въ экипажъ“, гдѣ имъ уже дано распоряженіе: выпороть „убійцу и пьяницу“ такъ, чтобы онъ забылъ не только пить водку, но и нюхать ее.

Тогда я и сестра, жалѣя Николая, начали громко плакать. За нами стала голосить Марина, взнылъ и самъ Николай.

Мы кинулись къ мамѣ, стали обнимать и цѣловать ее, умоляя простить Николая. Марина поймала ея руку, а Николай, ухвативъ край маминаго платья, сталъ покрывать его своими мокрыми отъ слезъ поцѣлуями.

Дядя Всеволодъ началъ жмурить свои сѣрые, съ голубизной, глаза, а затѣмъ, повернувши совсѣмъ спину, сталъ упорно глядѣть все въ одну точку, въ окно.

Мама была разстроена и тяжело дышала. Наконецъ, съ дрожью въ голосѣ сказала, отстраняя отъ себя Николая:

— Богъ съ тобой, я тебя прощаю. Дѣти не позволяютъ мнѣ тебя наказать, хотя ты этого заслуживаешь. Сходи въ церковь, помолись за нихъ и за то, чтобы онъ цростилъ тебѣ твой грѣхъ... ты могъ убить меня!

Когда Николай послѣ безконечныхъ благодареній и завѣреній вышелъ, мама, задержавъ Марину, сказала ей: „а ты, глупая, предупреждай, по крайней мѣрѣ, когда твой муженекъ пьянъ.“

На это повеселѣвшая Марина, которую Николай во хмѣлю иногда и поколачивалъ, бойко отвѣчала: „безпремѣнно стану докладывать, не смѣла покудова“..

Несказанная общая радость овладѣла нами.

Я кинулся къ дядѣ Всеволоду, а онъ, ухвативъ мои руки, сталъ кружить меня вокругъ себя.

Мама, прикрывъ свою грудь, отвернулась къ окошку и, не глядя на сестру, которая ласкалась къ ней, тихонько похлопывала ее рукой по плечу.

Потомъ, съ сестрой, мы убѣжали къ себѣ и такъ „бѣсились“ весь этотъ день, что съ нами не было никакого слада.

Это былъ единственный случай, когда Николай такъ очевидно проштрафился.

Но скоро, когда мама оправилась, всѣ въ домѣ о немъ забыли, кромѣ Марко, который не упускалъ случая кольнуть имъ Николая.

Николай на это, махнувъ рукой, умолкалъ. Я страдалъ за него и въ такія минуты забывалъ, что онъ расшибъ маму, и чувствовалъ только его жгучую обиду. Онъ былъ добрый, иначе не холилъ-бы такъ и не берегъ не только „Мишку“ и „Черкеса“, но и стараго (еще отцовскаго), рысистаго жеребца „Митридата“, котораго рѣдко запрягали, только въ одиночку, „для тихой ѣзды“ и держали на конюшнѣ „доживать свой вѣкъ“.

Николай, по его собственнымъ словамъ, „выросъ въ конюшнѣ“. Онъ очень гордился пройденной еще у покойнаго моего отца „выучкой“ и былъ не только искусный кучеръ, но и большой знатокъ и любитель лошадей.

Смертельной обидой было-бы для него, еслибы его вздумали „обойти“, когда онъ „шелъ“ на своей парѣ, или въ одиночку на „Мишкѣ“.

Когда я уже подросъ, я по его указанію выпрашивалъ у мамы позволенія прокатиться съ Николаемъ на „Мишкѣ“, въ легкихъ „проѣздныхъ“ бѣгункахъ по Купеческой улицѣ. По праздникамъ тамъ бывали людныя катанья и импровизированныя состязанія „на собственныхъ“ рысакахъ.

„Мишку“ знали всѣ кучера и „охотники“ въ городѣ и очень хотѣли-бы его „обойти“, но это имъ никогда не удавалось.

Стоило посмотрѣть, какъ „Мишка“ отчетливо и ровно чеканилъ мускулистыми задними ногами. Николай торжествовалъ: „на легкѣ ему ни почемъ.. Поклонись на прощаніе“!... пускалъ онъ по адресу отставшаго бѣгуна.

Дѣйствительно, „Мишка“ былъ конь замѣчательный и по рѣзвости и по выносливости.

На правой его ляжкѣ была характерная отмѣтина: довольно углубленный рубецъ, плохо обросшій дымчатой шерсткой.

Николай объяснилъ мнѣ, откуда взялся у „Мишки“ рубецъ. Еще двухгодовалымъ „въ ночномъ“ „Мишка“ подвергся нападенію волка и, съ окровавленнымъ задомъ, всетаки, отбился отъ него.

Выхваляя „Мишку“, Николай никогда не упускалъ случая повторить то, что я отъ него слышалъ уже много разъ:

— Вѣдь онъ у насъ доморощенный, въ Катериновкѣ у папаши покойнаго вашего на первомъ счету былъ. Лошадь, можно сказать, золотая, особенная... Сами видали, — кто его въ городу обойти можетъ, а вѣдь тоже лошади не плохія...

А ходъ тебѣ какой: сырое яйцо положи ему промежъ ушей, не уронитъ. Папенька ему, масть въ масть, и пару подобралъ, тоже вороной... Ну куда, и году не потрафилъ, — загонялъ его „Мишка“... „Черкеса“ второго загаиваетъ, а вѣдь изъ-за хода только и польстились. Ужъ куда тутъ! Истинной пары ему не найти“.

Во дворѣ всѣ знали, что „Мишка“ лошадь „особенная“.

Когда Николай подавалъ къ крыльцу, не было случая, чтобы мама, сестра и кто-бы ни садился въ экипажъ, не замѣтилъ и не привѣтствовалъ „Мишку“. Кто только не давалъ ему сахара!

Даже тотъ случай, когда пьяный Николай вывернулъ маму, и тотъ послужилъ къ прославленію „Мишки“.

Еслибы не „Мишка“, мамы не было-бы въ живыхъ. Когда подбросило экипажъ о тумбу, „Черкесъ“ ошалѣлъ и метнулся подхватить, но „Мишка“, сразу понявъ въ чемъ дѣло, уперся какъ вкопанный и не далъ ему понести.

Еслибы лошади тогда понесли, не уцѣлѣлъ-бы никто.

Выходило ясно, какъ Божій день, что „умный Мишка“ спасъ жизнь нашей мамы.

Понятно, поэтому, что онъ, въ сущности, былъ членомъ семьи нашей, а вовсе не лошадью.

Самъ Николай и тотъ хорошо сознавалъ услугу, тогда ему „Мишкой“ оказанную.

Онъ пресерьезно и обстоятельно пояснялъ:

— Кабы тумба слѣва пришлась, онъ („Мишка“) завсегда-бы ее обошелъ, а то она справа, ему и не видать, а тотъ („Черкесъ“) претъ куда ни попало, не разбирая... Спасибо „Мишкѣ“, онъ ему подхватить не далъ, я самъ-бы живой не остался.

Николай и „Мишка“ были самыми большими моими пріятелями изъ всего двора, но и всѣ обитатели, болѣе или менѣе, дарили меня своимъ привѣтливымъ вниманіемъ. И я чувствовалъ себя легко и радостно въ общей атмосферѣ ласковой пріязни.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Какъ я научился грамотѣ, и на какомъ году — не припомню.

Всего вѣроятнѣе, что азбукѣ и складамъ научила меня сестра по буквамъ на картонныхъ квадратикахъ, которые я складывалъ и раскладывалъ.

Къ этому времени двѣ старыя дѣвицы Ильины, сестры „ученаго моряка“, славившагося своимъ какимъ-то изобрѣтеніемъ по устройству пловучихъ маяковъ, открыли въ Николаевѣ дѣтскую школу, подъ названіемъ „Дѣтскій садъ“.

Сначала онѣ хотѣли принимать только дѣвочекъ, но мама ѣздила къ нимъ и онѣ согласились, чтобы я, вмѣстѣ съ сестрой, также посѣщалъ ихъ школу.

Всю зиму я былъ тамъ единственнымъ „ученикомъ“ среди цѣлой стаи болѣе меня взрослыхъ „ученицъ“.

Съ ними было очень весело, хотя ни одна изъ нихъ мнѣ не нравилась такъ, какъ нравились мнѣ, напримѣръ, „кузина Маня“ или „новая тетя Лиза“.

Во время рекреаціи, подъ наблюденіемъ наставницы, устраивались разныя игры, водились хороводы, пѣлись хоромъ пѣсни.

Особенно оживленно всегда проходила игра въ „кошку-мышку“.

Меня дѣвочки тормошили ужасно. Въ качествѣ „кота“ заганивали до того, что я садился въ кругу на полъ и не хотѣлъ больше никого ловить.

Тогда онѣ всѣ кидались ко мнѣ, тащили изъ круга и говорили, что „мыши кота хоронятъ“.

Всегда было весело и я, отчасти даже горделиво, старался быть на высотѣ своего исключительнаго положенія.

Чему насъ тамъ учили — не очень припоминаю, помню только, что ариѳметику учили „по палочкамъ“, которыя раскладывали на столѣ и потомъ считали, то откладывая, то прикладывая по нѣсколько палочекъ. Еще что-то мы изучали на кубикахъ, разноцвѣтныхъ шарикахъ и картонныхъ фигурахъ.

Сестры Ильины принимали въ свою школу только малолѣтнихъ и были піонерами, такъ называемой, „фребелевской“ системы преподаванія.

На слѣдующую зиму я, опять таки, былъ единственнымъ ученикомъ въ „пансіонѣ г-жи Субботиной“, гдѣ всѣ ученицы были постарше не только меня, но и сестры.

Сюда мама насъ устроила приходящими, главнымъ образомъ, ради французскаго языка и грамматики, которые преподавала сама-же Субботина, русская, но долго жившая заграницей. Мужъ ея служилъ гдѣ-то въ посольствѣ и умеръ; она-же была родомъ изъ Николаева.

Здѣсь мои соученицы совсѣмъ меня забаловали: угощали пирожками, конфектами; каждая хотѣла, чтобы я, за урокомъ, „посидѣлъ“ подлѣ нея.

Въ этомъ ,,пансіонѣ для дѣвицъ" мы оставались недолго, только до весны, такъ какъ къ лѣту, прямо изъ Франціи, пароходомъ черезъ Марсель и Одессу, должна была прибыть къ намъ въ домъ француженка-гувернантка, не говорящая по русски.

Это ожиданіе было огромнымъ событіемъ въ нашей дѣтской жизни. О немъ много говорили и домашніе.

Бабушка нѣсколько разъ говорила по этому поводу мамѣ: ,,надѣюсь, не изъ Парижа ты ее выписала"?

Мы знали, что по рекомендаціи директрисы Одесскаго Института для благородныхъ дѣвицъ, дальней нашей родственницы, мама уже списалась съ ,,вдовою Жакото", проживавшей въ Baumes-les-Dames близъ Безансона, и что старшая ея дочь Клотильда, недавно прошедшая курсъ ,,Ecole Normale" въ Безансонѣ, рѣшилась ѣхать въ Россію, чтобы стать нашею гувернанткою.

Мама очень стояла на томъ, чтобы мы изучали языки.

Когда ушла отъ насъ Марѳа Мартемьяновна къ дядѣ Всеволоду, няньчить Нелли, мама взяла къ намъ, въ качествѣ приходящей бонны, англичанку, дочь мѣстнаго переплетчика Миламъ, родившуюся уже въ Россіи. Миссъ Элиза оказалась больше по названію ,,англичанка"; она вѣчно болтала съ нами по русски. Отъ нея мы научились немногому; она не научила меня читать и писать по англійски, такъ какъ сама была полуграмотна.

Отъ ея пребыванія съ нами я запомнилъ только одну пѣсенку, начало которой помню и сейчасъ:

Djordgik podjik, pudnen pay
Kiss the girls, and make them cray . . .

Дальше этого дѣло у насъ не пошло.

Позднѣе, мы еще ѣздили на уроки англійскаго языка къ одной обрусѣвшей датчанкѣ, которая была замужемъ за англичаниномъ, механикомъ адмиралтейства.

Она учила насъ ,,по методѣ Робертсона". Ей я обязанъ тѣмъ, что могу и теперь еще читать англійскіе журналы и книги, не безъ напряженной помощи, однако, лексикона. Но, разговорный англійскій языкъ, со своимъ условнымъ произношеніемъ, которымъ плохо владѣла и сама учительница наша, такъ и остался для меня недосягаемымъ.

Когда, гораздо позднѣе, мнѣ удалось побывать въ Лондонѣ, меня любезно выслушивали, но не понимали.

На нѣмецкомъ языкѣ мама, почему-то, не настаивала и насъ съ дѣтства ему не учили.

Появленіе въ нашемъ домѣ „mademoiselle Clotilde Jacoto“ имѣло мѣсто въ концѣ лѣта.

Мы гостили въ Кирьяковкѣ у бабушки, гдѣ она жила обыкновенно до глубокой осени, когда нарочный привезъ мамѣ извѣстіе, что давно ожидаемая гувернантка прибудетъ со слѣдующимъ пароходомъ изъ Одессы.

Волненіе наше стало неописуемымъ.

Мама хотѣла было одна ѣхать встрѣчать ее, но мы рѣшительно „увязались“ за нею и она порѣшила, взявъ насъ, совсѣмъ переѣхать въ городъ, чтобы разомъ наладить нашъ новый режимъ.

Наканунѣ пріѣзда „нашей гувернантки“ мы уже были въ городѣ и очень хлопотали (т. е. хлопотала мама, а мы неизмѣнно только были въ ея хвостѣ) относительно устройства для нея отдѣльной комнаты.

Прежняя комната сестры, большая, въ три окна, гдѣ, когда она была маленькая, спала и Марѳа Мартемьяновна, была теперь предназначена исключительно гувернанткѣ. Сестрѣ приготовили другую комнату, рядомъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы комната гувернантки была между сестры и моею спальнями; съ другой стороны моя примыкала къ маминой спальнѣ.

Будущую комнату Клотильды Жакото привели въ образцовый порядокъ, повѣсили бѣлыя занавѣски и устлали ковровыми дорожками. Мама приложила всевозможное стараніе къ тому, чтобы комната выглядѣла уютно и была снабжена всѣмъ необходимымъ; перевернули вверхъ дномъ всѣ кладовыя и сараи, пока не розыскали какой-то маминъ „дѣвичій туалетъ“, который затянули новымъ голубымъ коленкоромъ и покрыли вышивками.

Въ день, когда ожидаемый нами пароходъ долженъ былъ прійти изъ Одессы, намъ, съ сестрой, совсѣмъ не сидѣлось на мѣстѣ. Съ каждой минутой нетерпѣніе росло и любопытство разгоралось.

Обычно, пароходъ приходилъ между четырьмя и пятью часами вечера, а я уже съ двухъ часовъ — обѣдали мы въ часъ — началъ бѣгать къ Николаю, чтобы онъ не прозѣвалъ запречь и подать во-время четырехмѣстный фаэтонъ къ крыльцу.

Суетился я также, чтобы снарядили подводу „за вещами гувернантки“. Слово „гувернантка“ мнѣ чѣмъ-то импонировало и я козырялъ имъ весь день и передъ Николаемъ, и передъ всѣми, кто хотѣлъ меня слушать.

Наконецъ фаэтонъ подали и мы, съ мамой, поѣхали, чинно и торжественно, встрѣчать гувернантку.

На пристань въ Спасскѣ, куда приставали пассажирскіе пароходы, мы попали весьма заблаговременно.

Мама пожурила меня за суетливость и непосѣдливость и, чтобы занять время, повела насъ, по дорожкамъ Спасскаго парка, вплоть до выдающейся стрѣлки, откуда видна была вся даль широкой рѣки Буга.

Наконецъ, вдали, изъ-за изгиба рѣки, показался сперва дымокъ, а скоро обозначился и силуэтъ, взбивавшаго вокругъ себя бѣлую пѣну, большого колеснаго парохода.

Ухвативъ маму за руку, я хотѣлъ было заставить ее пуститься съ нами бѣгомъ къ пристани, но она умѣрила мое рвеніе, объяснивъ, что мы „десять разъ успѣемъ быть на пристани", раньше чѣмъ пароходъ обогнетъ стрѣлку и будетъ у пристани.

Такъ и случилось.

Наконецъ, пароходъ, съ надписью большими буквами на верхнемъ чехлѣ колеса „Таврида", пристáлъ вплотную и стали класть сходни.

На верхней палубѣ скучилось довольно много пассажировъ, большинство которыхъ были мамины знакомые, которые ей оттуда кланялись.

Нѣсколько въ сторонѣ, наклонившись и опершись о перила рубки, стояла молодая, довольно высокая и плотно сложенная дѣвушка, въ сѣромъ дорожномъ ватерпруфѣ, съ дорожной сумочкой черезъ плечо.

Мама, указывая на нее, сказала: „навѣрное это она"!

Мы впились въ нее глазами, но она была подъ вуалеткой, въ маленькой соломенной шляпѣ, и лица ея еще нельзя было разглядѣть.

Кто-то изъ пассажировъ подошелъ къ ней и указалъ на нашу группу. Тогда уже не стало сомнѣнія, что это именно „она".

Сойдя съ парохода, она прямо къ намъ и направилась.

Чистая французская рѣчь зазвучала уже, пока она, еще на ходу, поднимала двумя пальцами обѣихъ рукъ свою вуалетку къ полямъ шляпы.

Что она сказала мамѣ и что послѣдняя ей говорила, я, будучи взволнованъ, не уловилъ. Сестра, довольно бойко уже болтавшая по французски, тоже ей что-то сказала, а та ее тотчасъ-же звонко поцѣловала. Я-же стоялъ, какъ пень и даже не рѣшался глядѣть на ея лицо.

Но она, вдругъ, взяла меня своими обѣими руками за плечи, чуть-чуть потрясла ихъ и, очевидно, зная уже, изъ переписки съ мамой, какъ меня зовутъ, неожиданно для меня, промолвила: „alors, c'est cela Nicole! Soyons donc amis"!*) Я захотѣлъ доказать, что тоже могу что-нибудь сказать, и сказалъ: oui, mademoiselle"!**)

Мама засмѣялась, она, тѣмъ временемъ, наклонившись ко мнѣ и тоже смѣясь, поцѣловала меня въ щеку.

Въ экипажѣ уже ѣхали, какъ давно знакомые.

„Она" заглядывалась по сторонамъ съ любопытствомъ.

Сидя, съ сестрой, на передней скамейкѣ, противъ нея, я все еще, не рѣшаясь разглядывать ее самое, перебѣгалъ глазами въ направленія, куда глядѣла она, и сообразилъ, что ее интересуетъ знать, какія мѣста и зданія попадаются по пути.

Поэтому, не глядя еще на нее, я сталъ тыкать пальцемъ въ сторону, куда она поворачивала голову, односложно поясняя: „c'est l'observatoire! c'est la poste! c'est l'eglise! c'est le boulevard!"!***)

Она, вдругъ, совсѣмъ низко наклонилась ко мнѣ, дотронулась до меня слегка указательнымъ пальцемъ и, смѣясь, сказала: „et cela — c'est Nicole, le gentil garçon"!†)

Всѣ разсмѣялись, засмѣялся и я и сразу поднялъ на нее глаза.

У нея было милое, хорошее лицо, хотя ничего особенно красиваго въ немъ не было. Просто пріятно было глядѣть на нее, такъ она вся была оживлена, проста и симпатична.

Дружба установилась.

Въ домѣ у насъ ей все понравилось. Только, когда ей показали ея комнату, она, заглянувъ и въ наши, запротестовала. Она нашла, что ея комната „immense"††), и предложила, чтобы сестра Ольга спала съ нею, а чтобы изъ комнаты сестры сдѣлать „классную", о которой совсѣмъ не подумали. При этомъ она объявила, что у себя дома она спала „dans une toute petite chambre"†††) и даже ночью приходилось держать окно не плотно закрытымъ.

Мама что-то упомянула относительно ея багажа, полагая, что съ нимъ ей, можетъ быть, будетъ тѣсно. На это она звонко разсмѣялась и объявила, что ея багажъ весьма не сложенъ.

---

*) Такъ вотъ это и есть Николь! Ну будемъ друзьями!
**) Да, mademoiselle!
***) Это обсерваторія! Это почта! Это церковь! Это бульваръ!
†) А это Николь, милый мальчикъ!
††) Огромна.
†††) Въ совсѣмъ маленькой комнаткѣ.

Дѣйствительно, когда въѣхала во дворъ громоздкая подвода, съ нея сняли и внесли въ домъ умѣренныхъ размѣровъ „вализу", — въ сущности корзину, обшитую черной клеенкой, и небольшой мѣшокъ-сакъ.

Все устроилось, какъ намѣтила mademoiselle Clotilde.

На другой-же день принялись сообща за устройство „классной". Повѣсили нѣсколько географическихъ картъ, пріобрѣли письменныя принадлежности, тетрадки; нѣсколько учебныхъ книгъ, которыя она привезла съ собою и какія были у насъ, разложили на полкахъ этажерки.

Mademoiselle Clotilde очень быстро освоилась и вызнала вся и всѣхъ въ домѣ.

Я очень хлопоталъ съ этимъ и даже залучилъ ее на черный дворъ, желая показать конюшню. Здѣсь я отрекомендовалъ ей и Николая и Мишку отдѣльно. По моему настоятельному приглашенію она храбро вошла къ Мишкѣ въ стойло и погладила его шею.

Онъ не смутился незнакомки и, по своему обыкновенію, съ любопытствомъ проводилъ ее глазами.

Милая mademoiselle Clotilde все какъ-то просто и жизнерадостно привѣтствовала, изумлялась размѣромъ дома, дворовъ и сада, говоря, что это не городской домъ, а цѣлая усадьба: „une domaine".

Даже бабушка нашла ее симпатичной, особенно послѣ того, какъ на ея вопросъ, бывала-ли она въ Парижѣ, та чуть не съ ужасомъ ей отвѣчала: „oh, non, madame, jamais"!*)

Вполнѣ осмотрѣвшись, mademoiselle Clotilde однажды радостно объявила мамѣ: j'étais bien inquiète sur ce qui m'attendait si loin de ma patrie! Ah, madame, que je suis heureuse de si bien tomber!"**) а мама ей отвѣчала: „ainsi, que moi de même"!***)

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Занятія наши съ mademoiselle Clotilde начались для насъ почти незамѣтно, но стали скоро систематичны и довольно продолжительны, особенно у сестры.

*) О, нѣтъ, никогда!

**) Я очень беспокойно ждала: что-то ждетъ меня вдали отъ родины? И какъ я счастлива, что такъ хорошо мнѣ выпало!

***) Я точно также!

Я пользовался большею свободой и каждые полчаса выбѣгалъ то во дворъ, то въ садъ, то въ конюшню и mademoiselle Clotilde не только не препятствовала этому, но, когда я становился разсѣянъ, сама мнѣ говорила: „Vous voila trop distrait, Nicolas, surtout n'allons pas pleurnicher, partez vite, rafraichissez Vous et revenez bientôt!“†)

И эти эскапады казались мнѣ вполнѣ заслуженнымъ счастьемъ.

Съ mademoiselle Clotilde кромѣ французскаго языка, т. е. чтенія, диктовки и грамматики, мы учили еще древнюю исторію по „Lamé-Fleuri“ и географію и я долгое время карту Россіи зналъ только по французски.

Такъ какъ сначала она не знала ни слова по русски, это много способствовало нашимъ успѣхамъ и мы очень скоро стали свободно болтать по французски, тѣмъ болѣе непринужденно, что и мама съ нами иначе не разговаривала въ присутствіи mademoiselle Clotilde.

И впослѣдствіи, когда послѣдняя уже недурно усвоила русскій языкъ, она говорила на немъ только съ прислугой.

Когда я пытался учить ее русскимъ словамъ, она всегда говорила: „laissons cela. Je ne suis pas ici pour etudier le russe, mais pour vous enseigner le français“.††)

Въ самые первые годы жизни, судя по разсказамъ домашнихъ, я былъ довольно слабымъ, чуть-ли не болѣзненнымъ ребенкомъ.

По крайней мѣрѣ говорили, что меня и „сажали въ горячій песокъ“, и возили на бойню, гдѣ дѣлали ванны изъ какой-то „требухи“. Эту слабость упорно приписывали тому, что „бѣглая Ганка“ меня не докормила и что нѣкоторое время меня пришлось держать на рожкѣ, а послѣ поить ослинымъ молокомъ.

Ослицы, которая меня выкормила, когда я уже себя помнилъ, у насъ не было; по минованіи надобности ее отправили обратно въ „Богдановку“, откуда она была взята.

Тамъ былъ большой табунъ лошадей, была и ослиная пара. Впослѣдствіи я, таки, увидѣлъ ее и поскорбѣлъ о ея печальной участи.

Въ первые годы моего дѣтства меня ужасно „кутали“, т. е. слишкомъ тепло одѣвали, вѣчно боясь „простудить“. Зимы въ

†) Вы уже черезъ-чуръ разсѣяны Николай, не вздумайте только хныкать, отправляйтесь провѣтриться и возвращайтесь вскорѣ.

††) Оставимъ это. Я здѣсь не для того, чтобы изучать русскій языкъ, а чтобы научить васъ французскому.

Николаевѣ не бывали ни суровы, ни продолжительны. Но я хорошо помню себя въ мѣховой въ таліи шубкѣ, отороченной по вороту, по груди и по рукавамъ сѣрымъ барашковымъ мѣхомъ, и въ малиновой, бархатной, отороченной сѣрымъ-же барашкомъ, теплой шапкѣ, съ несносными наушниками, подвязанными подъ подбородкомъ.

И съ этой стороны незамѣнимая „Клотильда", которая очень скоро стала не только вѣрнымъ другомъ мамы, но и вліятельнымъ авторитетомъ въ домѣ, пришла мнѣ на выручку.

Оголить мои икры, какъ она-бы хотѣла, ей такъ и не удалось, но все-же она значительно успѣла облегчить мою „тяжелую аммуницію".

Раньше, въ мой шубѣ и наушникахъ, я соглашался еще ѣздить, особенно въ саняхъ, когда выпадалъ снѣгъ и стоялъ морозъ, но ходить по зимамъ совершенно отучился и капризничалъ, когда въ такомъ видѣ меня хотѣли вести гулять.

Теперь-же, въ драповомъ пальто или шевьетовой накидкѣ сталъ довольно охотно ходить пѣшкомъ и не скоро уставалъ. Выбѣгать же во дворъ уже не смущался, — „въ чемъ былъ".

Раньше, самое большое, насъ довозили въ экипажѣ до бульвара, гдѣ на площадкѣ передъ ротондой играла два раза въ недѣлю военная музыка, послѣ четырехъ часовъ дня.

Марѳа Мартемьяновна усаживала насъ чинно на скамейкѣ и этимъ исчерпывались наши развлеченія на лонѣ природы. Правда, на воздухѣ мы всетаки бывали, такъ какъ кататься въ экипажѣ насъ возили часто, и бабушкинъ садъ былъ въ полномъ нашемъ распоряженіи.

Но только съ появленіемъ Клотильды Жакото стали открываться для насъ нѣкоторыя прелести общенія съ нѣсколько однотонной, но все-же южной природой Николаева и его окрестностей.

Урочище „Спасскъ", на берегу широкаго Буга, въ глубокой низкой „балкѣ", съ его паркомъ и „лѣтнимъ дворцомъ", возвышавшимся у спуска въ паркъ, было раньше конечнымъ пунктомъ нашихъ прогулокъ въ экипажѣ. Теперь именно это затѣйливое, въ восточномъ стилѣ, двухэтажное зданіе, приспособленное подъ лѣтнее „благородное собраніе", стало пунктомъ отправленія нашего въ дальнѣйшія экскурсіи.

За „Спасскомъ" тянулось хорошо содержимое шоссе, пересѣкавшее, во всю ихъ длину, ближніе и дальніе „Лѣски", въ концѣ которыхъ опять былъ какой-то восточнаго типа „дворецъ", заколоченный и необитаемый.

По разсказамъ, оба эти ,,дворца" и самъ ,,Спасскъ", паркъ, съ его двумя изумительными источниками питьевой воды, были реставрированнымъ наслѣдіемъ еще турецкаго здѣсь владычества.

По вечерамъ лѣтомъ по этому шоссе проѣзжало много экипажей съ катающимися; въ зимніе-же мѣсяцы ,,Лѣски" были малолюдны, такъ какъ были довольно отдалены отъ города.

Въ хорошіе дни и весной, и зимой, и осенью, а лѣтомъ каждый день, пока оставались въ городѣ, мы стали ѣздить съ mademoiselle Clotilde ,,за Спасскъ" въ ,,Лѣски".

Останавливались, гдѣ вздумается.

Ранней весной искали подснѣжники и лѣсныя фіалки, осенью грибы. Лѣтомъ спускались къ рѣкѣ за ракушками и разноцвѣтными, точно полированными рѣчнымъ прибоемъ, ,,кругляшками".

Зимою, пока между деревьями лежалъ бѣлый снѣгъ, бросали другъ въ друга и въ mademoiselle Clotilde снѣжными комьями.

Она была неутомимый ходокъ и пріохотила и насъ къ продолжительнымъ прогулкамъ пѣшкомъ.

Мало по малу, я окрѣпъ и поздоровѣлъ, благодаря тому, что много двигался на воздухѣ.

Mademoiselle Clotilde находила, что климатъ южной Россіи очень напоминаетъ ей родину. Она бывала въ восторгѣ, когда бабушкинъ садъ становился то молочнымъ и благоухающимъ отъ цвѣтенія акаціи, то блѣдно-лиловатымъ, когда зацвѣтала сирень, то розовато-палевымъ, когда цвѣли плодовыя деревья.

Въ ,,Лѣскахъ" сплошныя плантаціи акацій перемежались лишь кое-гдѣ съ группами конскихъ каштановъ, тутовыми деревьями и стройными тополями, въ перемежку съ ивами, тянувшимися по рѣчной низинѣ.

Ранней весной, при сплошномъ цвѣтеніи акацій, ,,Лѣски", положительно, выглядѣли волшебно: точно осыпанные благоуханнымъ, нетающимъ снѣгомъ. Къ осени загорѣлые тона листвы красиво играли на солнцѣ красновато-желтымъ отливомъ.

Всего хуже ,,Лѣски" выглядѣли лѣтомъ, когда наиболѣе посѣщались. Въ разгарѣ лѣта, отъ недостатка влаги, пыльная листва акацій увядала и вся посадка вдоль шоссе тянулась унылыми, монотонными полосами.

Послѣ рѣдкихъ, но сильныхъ, съ грозами, проливныхъ дождей ,,Лѣски' вновь оживали, прихорашивались, между деревьями зеленѣла трава и появлялись полевые цвѣты; красный макъ по преимуществу. И такъ до новой засухи.

Mademoiselle Clotilde, очень внимательная ко всѣмъ такимъ видоизмѣненіямъ въ природѣ, научила и насъ замѣчать ихъ.

Нечего и говорить, что, благодаря своей жизнерадостности, природной добротѣ и прекрасному ровному характеру, „наша гувернантка“ очень скоро перестала быть въ моихъ глазахъ „гувернанткой“, съ которой, въ какомъ-либо отношеніи, надо держать себя на сторожѣ, а сдѣлалась, послѣ мамы и дяди Всеволода, самымъ дорогимъ для меня существомъ. Боязнь огорчить ее, лучше всякихъ внушеній и каръ, стали удерживать меня отъ капризовъ, лѣни и многихъ шалостей, приходившихъ порою въ голову.

Особенно „заобожалъ“ я милую mademoiselle Clotilde, когда она дважды, какъ-то незамѣтно, но властно, пришла мнѣ на выручку въ очень важныхъ для меня обстоятельствахъ.

Сестра брала уже уроки музыки и играла недурно.

Въ залѣ стояло большое фортепьяно и, когда она садилась за него со своимъ „горбатенькимъ“, почти карликоваго роста, учителемъ музыки, Бельвейсомъ, ихъ изъ за инструмента едва было видно.

Бельвейсъ, по происхожденію чехъ, очень славился въ городѣ, какъ піанистъ и преподаватель, и былъ на расхватъ.

Мама непремѣнно хотѣла и меня учить „музыкѣ“, т. е. играть на роялѣ.

Чтобы „подготовить къ Бельвейсу“, она затѣяла сама заняться со мною предварительно и стала, чуть-ли не каждый день, на цѣлый часъ, засаживать меня за инструментъ, рядомъ съ собою.

Я съ упорствомъ не обнаруживалъ ни малѣйшихъ музыкальныхъ способностей. Что именно изображается „на первой приписной линейкѣ“ и на послѣдующихъ, осталось для меня навсегда неразгаданной загадкой. Напрасно мама билась со мною, чтобы разучить нѣчто „для бабушки въ четыре руки“. Я, не въ попадъ, только тыкалъ пальцами въ среднія клавиши, издавая фальшивые звуки, пока мама, отсчитывая моменты моего „вступленія“, бойко и отчетливо наигрывала что-то на остальныхъ клавишахъ.

Очень быстро „музыка“ мнѣ положительно опротивѣла; я испытывалъ настоящія муки отъ одного приближенія къ фортепьяно и сталъ убѣгать и прятаться, когда приближалось время урока.

Мама считала это, однако, упрямствомъ и пыталась настоять на своемъ.

Меня аукали, розыскивали, въ концѣ концовъ находили.

Когда наша здоровенная „комнатная Акулина“, по приказу мамы, извлекала меня изъ моей похоронки и влекла къ дому, къ ненавистному „инструменту“, я не только изо всѣхъ силъ упирался и барахтался, но и цѣплялся въ саду за каждое встрѣчное дерево, а въ домѣ — за первую попавшуюся мебель, или косякъ двери, чтобы только отсрочить скучное тыканье пальцами по клавишамъ.

Тутъ-то и пришла мнѣ, наконецъ, на выручку неоцѣнимая „Клотильда“.

Ей удалось убѣдить маму оставить меня съ „музыкой“ въ покоѣ, въ виду совершенно явнаго отсутствія у меня самомалѣйшей къ ней склонности.

Въ день, когда это рѣшилось, я чувствовалъ себя настоящимъ имянинникомъ.

Была еще одна вещь, которую я не выносилъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помнилъ, это — когда звали цырюльника и онъ коротко „подъ гребенку“ стригъ мнѣ волосы.

Во первыхъ, я послѣ этой процедуры надолго сознавалъ себя „страшнымъ уродомъ“, а, во вторыхъ, почтенный армянскій Иванъ Федоровичъ, который умѣлъ не только стричь и брить, но и пьявки ставить и кровь пускать (все это и было изображено у него на вывѣскѣ, на Купеческой улицѣ), когда кончалъ стрижку, немилосердно скребъ жесткой щеткой не только мою оголенную голову, но и шею, и за ушами и даже заѣзжалъ ею въ обѣ щеки; а втеченіе самой стрижки, то и дѣло наклонялъ своей рукой мою голову внизъ настолько, что подбородкомъ я долженъ былъ упираться въ собственную грудь.

Обычно всему этому предшествовали и слезы, и гоньба Акулины за мною по всему дому.

И тутъ мнѣ на выручку пришла все та же добрая фея наша, Клотильда Жакото.

Она убѣдила маму не стричь меня больше „подъ гребенку“ (ne pas le raser)*), какъ настаивала бабушка, а „laisser pousser ses beaux cheveux“**), причемъ обѣщала, что она сама будетъ ихъ подрѣзывать, смотря по надобности; и сдержала свое обѣщаніе, оставаясь довольно долго пестуньей моихъ густыхъ волосъ.

Ликованію моему не было предѣла. Я всегда и впослѣдствіи терпѣлъ стрижку лишь какъ необходимое зло и былъ очень

*) Не брить его.
**) Предоставить расти его прекраснымъ волосамъ.

чутокъ въ вопросѣ о состояніи моихъ волосъ, считая ихъ лучшимъ своимъ украшеніемъ.

Уже студентомъ, посылая „изъ столицы“ очень „волосатую“ (по модѣ тѣхъ годовъ) свою фотографію, интересовавшей меня особѣ въ Николаевъ, я начерталъ на ней двустишіе:

„Не блистая иными красами,
Какъ Самсонъ, я силенъ волосами.“

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Гимназій, ни мужской, ни женской, въ то время въ Николаевѣ не было и пріисканіе подходящихъ педагоговъ было затруднительно.

Уроки ариѳметики намъ приходилъ давать, два раза въ недѣлю, незлобивый Максимъ Васильевичъ (фамилія улетучилась). Это былъ уже пожилой, небольшой лысый человѣчекъ, въ сюртукѣ морского покроя, съ кортикомъ на боку и съ бѣлыми, а не золотыми, погонами на плечахъ. Жилъ онъ гдѣ-то очень далеко и приходилъ всегда пѣшкомъ.

Садясь за урокъ, онъ, прежде всего, доставалъ изъ задняго кармана своего сюртука цвѣтной, огромныхъ размѣровъ, носовой платокъ, которымъ тщательно вытиралъ сперва свою запотѣвшую лысину, а потомъ и шею. Сестра Ольга прозвала его „нашей Туруруколой“. Онъ сыпалъ однотонно свои объясненія и „примѣры“, не заботясь о томъ, поняли-ли его, или нѣтъ.

Меня всегда клонило ко сну во время его уроковъ, и математика навсегда осталась для меня нѣкоторымъ камнемъ преткновенія.

Приходилъ, также два раза въ недѣлю, къ намъ учитель чистописанія и рисованія, худой, высокій, съ очень свѣтлыми, бѣлесоватыми волосами, по фамиліи Чирва. Онъ служилъ чертежникомъ въ канцеляріи морского штаба и также носилъ форму, похожую на морскую.

Чистописаніе, а въ особенности рисованіе, шло у меня не важно; сестра-же кое-что подрисовывала.

Это не мѣшало мнѣ, однако, по ея примѣру, подносить бабушкѣ, въ ея имянины, и свой рисунокъ: волнистый пейзажъ, съ деревьями и фантастическимъ замкомъ вдали.

Нужно-ли пояснять, что это было гораздо болѣе произведеніемъ самого учителя Чирвы, нежели моимъ. Я кое-гдѣ лишь „заштриховывалъ“ по его указкѣ, оставленныя имъ, бѣлыя пятна. Но подпись и дата поднесенія внизу рисунка выводилась мною собственноручно.

Это былъ маленькій плагіатъ, по иниціативѣ самого Чирвы, тщательно скрываемый, не говоря уже о бабушкѣ, даже отъ мамы.

Уроки Закона Божія мы стали брать довольно рано для моего возраста, такъ какъ приходилось сообразоваться съ возрастомъ сестры, а не моимъ.

Для этихъ уроковъ мама пригласила отца Николая (и фамилію помню: Лисневскаго), только-что назначеннаго настоятелемъ „греческой церкви“, переведеннаго въ Николаевъ откуда-то съ сѣвера.

Почему церковь называлась „греческой“ — не знаю; тамъ служили, какъ и въ другихъ церквахъ, на славянскомъ языкѣ, и пѣли все понятное.

Приглашенію въ домъ отца Николая, въ качествѣ законоучителя, предшествовала молва о немъ, какъ о выдающемся, по своимъ достоинствамъ, священнослужителѣ. Греческая церковь вдругъ стала модной, благодаря его проповѣдямъ и „боголѣпному“ служенію.

Когда онъ выходилъ съ дарами, благодаря его проникновенному голосу, плавнымъ движеніямъ и скорбно наклоненной въ одну сторону головѣ, казалось, что это самъ Христосъ идетъ на земныя страданія. Дамы на перебой спѣшили избрать его своимъ духовникомъ.

Когда скончался отецъ Дій, мама, а съ нею и мы, стали исповѣдываться и причащаться у отца Николая.

Его появленіе въ Николаевѣ, и именно священникомъ греческой церкви, стало тѣмъ болѣе знаменательнымъ явленіемъ для всего города, что его предшественникъ, отецъ Александръ, (Гайдебуровъ) нажилъ себѣ здѣсь очень плачевную извѣстность, былъ отставленъ (едва-ли не разстриженъ), и доживалъ свой вѣкъ гдѣ-то въ сосѣдней деревушкѣ.

Говорили, что онъ часто служилъ, будучи нетрезвымъ. На исповѣдяхъ дамы и дѣвицы нерѣдко выскакивали изъ подъ его епитрахили, разстроенныя и негодующія.

Приводили случаи, когда онъ, почему-либо недовольный своей исповѣдницей, лишалъ ее на другой день причастія, объявляя во всеуслышаніе, что „сія дщерь не достойна пріобщенія святыхъ тайнъ Христовыхъ“.

Бывали слезы, истерики, чуть-ли не обмороки. Отцы, мужья, братья являлись къ нему съ объясненіями, грозили жалобами, обѣщали расправиться съ нимъ своими средствами.

Скандалы выходили грандіозные.

Но и это было еще не все.

Одно время по городу пошли упорные слухи о томъ, что въ домахъ, преимущественно богатыхъ купцовъ и зажиточныхъ слобожанъ, стали происходить какія-то таинственныя явленія. Слышны были по ночамъ непонятные стуки, иногда, точно изъ подземелья, доносился „дьявольскій“ хохотъ, или продолжительные стоны, и т. п.

Порѣшили, что это продѣлки „нечистаго“, искушающаго нетвердыхъ въ вѣрѣ. Многія женщины стали кликушествовать и хворать.

На ряду съ этимъ, черезъ причетника и сторожа греческой церкви, пошелъ упорный слухъ, что никто, какъ отецъ Александръ, мастеръ отчитывать кликушъ и запойныхъ пьяницъ и служить очистительныя молитвы, для изгнанія изъ домовъ нечистой силы.

Народъ валомъ сталъ валить къ нему.

Купцы и слобожане стали приглашать его въ свои дома „молебствовать“ и „отжинать нечистаго“, какъ убѣжденно докладывала мамѣ Марина.

Сама Марина водила къ нему своего Николая „отчитывать отъ водки“ и отецъ Александръ „наложилъ на него заклятіе“, чтобы отвратить отъ пьянства.

Какъ выяснилось при разслѣдованіи (для этого изъ Херсонской Духовной Консисторіи было командировано какое-то важное духовное лицо), этими „отчитываніями“ и „изгнаніями нечистаго“, отецъ Александръ, при содѣйствіи своего причетника, выбиралъ отъ темнаго народа не малыя денежныя суммы.

Популярность отца Николая тѣмъ ярче возсіяла, чѣмъ мрачнѣе была эпопея его предшественника.

Въ Страстные дни и Пасху я не пропускалъ ни одной его службы, такъ онѣ были проникновенно-задушевны и вмѣстѣ торжественно-живописны.

Я стаивалъ обыкновенно у него въ алтарѣ и любовался, какъ онъ, усердствуя, воздѣвалъ высоко свои руки къ небу, изъ подъ налѣзавшей на его шею жесткой ризы, какъ набожно устремлялъ свои взоры въ высь, запрокидывая назадъ свою волнистую шевелюру.

Онъ считался священникомъ ,,образованнымъ" и мама любила присутствовать на его урокахъ.

Въ эту же зиму мама надумала пригласить учителя танцевъ, главнымъ образомъ для сестры, но, попутно, и я долженъ былъ усваивать всѣ ,,позиціи" и даже пытаться танцовать ,,качучу".

Нашъ танцмейстеръ, по фамиліи Дибольтъ, немолодой, длинный, худой господинъ, приходилъ на урокъ танцевъ со скрипкой, которую держалъ въ суконномъ чехлѣ и носилъ подъ мышкой. Раздѣвалъ сперва методически свою скрипку, потомъ уже раздѣвался самъ, приглаживалъ свои жиденькіе, съ сѣдиной, височки и входилъ въ зало въ полномъ парадѣ, со скрипкою въ одной рукѣ, со смычкомъ въ другой.

Онъ являлся на уроки всегда во фракѣ, съ очень короткими позади фалдами, которыя не повисали, а какъ-то смѣшно топорщились и поднимались почти торчкомъ, когда онъ присѣдалъ, показывая сестрѣ, какъ надо дѣлать ,,глубокій реверансъ", или показывалъ мнѣ, какъ, ,,шаркнувъ ножкой", должно отвѣсить ,,глубокій поклонъ" старшимъ.

Объяснялся онъ на ломанномъ русскомъ языкѣ и называлъ себя ,,славяниномъ". Игралъ онъ на своей скрипкѣ, подтанцовывалъ съ нами и подпѣвалъ свои команды одновременно. ,,Глиссэ впередъ, глиссэ назадъ, право, лѣво" и ,,разъ и два и три, четыре" — все это сопровождалось тончайшимъ пиликаніемъ на двухъ струнахъ скрипки.

Изъ модныхъ танцевъ училъ онъ насъ головокружительному ,,въ два па", вальсу, который только одинъ и дался мнѣ вполнѣ, а еще полькѣ и полькѣ-мазуркѣ.

Сестра очень быстро усваивала указанія нашего танцмейстера, я же не отличался граціей и былъ мѣшковатъ въ движеніяхъ.

Мама, присутствовавшая на этихъ урокахъ, не разъ говаривала: ,,ахъ, ты, мой медвѣжонокъ, опять не въ тактъ пошелъ"! А взрослыя кузины, которыя также нерѣдко забѣгали ,,на танцы" и сами принимали въ нихъ участіе, всегда дѣлали поправку: ,,за то онъ будетъ умный"!

Какимъ психологическимъ процессомъ онѣ доходили до сочетанія наличія ,,ума" съ отсутствіемъ музыкальнаго слуха и чутья ритма, осталось ихъ тайной.

Я-же, отчасти, страдалъ отъ сознанія своихъ несовершенствъ по части граціи.

Я былъ очень самолюбивъ. Мнѣ ужасно хотѣлось быть на высотѣ предъявляемыхъ ко мнѣ требованій.

Особенно заботило меня то, что Тося (Платонъ Кузнецовъ), мой однолѣтокъ, очень хорошо уже танцовалъ.

Какъ-то, ко дню имянинъ бабушки, Аполлонъ Дмитріевичъ, со своей семьей, всего на одинъ только этотъ день, пріѣхалъ изъ Херсона ,,поздравить маменьку".

Вечеромъ, когда были гости, дѣти дали цѣлое представленіе.

Маня, выглядѣвшая почти взрослой и совсѣмъ красавицей, сыграла какую-то замысловатую пьесу на роялѣ и всѣ очень ее хвалили и любовались ею.

Женя и Тося въ ,,испанскихъ костюмахъ" очень ловко станцовали ту самую ,,качучу", которая мнѣ такъ туго давалась.

Даже четырехлѣтній малышъ Саша, котораго только за годъ передъ тѣмъ старшая сестра Граціи Петровны, Гиларія Петровна, доставила изъ Петербурта и сама переселилась въ Херсонъ, участвовалъ въ представленіи.

Одѣтый въ малороссійскую бѣлую ,,свитку" и высокую мерлушковую шапку, съ усиками, подмазанными жженой пробкой, онъ меланхолически-заученно проскандировалъ подъ музыку малороссійскую пѣсеньку ,,идетъ казакъ съ за-Дунаю".

Всѣ нашли, что ,,сюрпризъ" удался на славу.

Только, когда на другой день они уже уѣхали, бабушка и другіе домашніе, точно сговорившись, толковали про Аполлона Дмитріевича: ,,это навѣрное та (т. е. Грація Петровна) навязала ему привезти всю странствующую труппу. Нашли чѣмъ удивить".

Я замѣтилъ, что не только бабушка, но и мама, и даже незлобивая Надежда Павловна, всѣ, по немножку, какъ-то нетерпимо относились ко всему, что исходило отъ Граціи Петровны и отъ покорнаго ей во всемъ мужа.

Въ глубинѣ души я не раздѣлялъ этихъ чувствъ, не понималъ ихъ и не находилъ ничего, что оправдывало-бы ихъ по отношенію къ Граціи Петровнѣ.

Не говоря уже о томъ, что она была матерью плѣнившей меня Мани, и сама она шуршаніемъ своихъ шелковыхъ платьевъ и какою-то особенною, ,,не простою", манерою держать себя, всегда возбуждала во мнѣ пытливое чувство не то удивленія, не то любопытства.

Въ ея присутствіи я чувствовалъ себя какъ-то взрослѣе, хотя, съ тѣмъ вмѣстѣ, она больше, чѣмъ кто-либо, приводила меня въ смущеніе и даже нѣкоторое оторопѣлое замѣшательство,

когда обращалась непосредственно ко мнѣ и глядѣла на меня, такъ же какъ на всѣхъ, своими, затѣненными красиво, глазами и привѣтливыми на щекахъ „ямочками".

Mademoiselle Clotilde, не сказавшая съ нею и двухъ словъ, такъ какъ Грація Петровна, знавшая хорошо нѣмецкій языкъ, не говорила по французски, на вопросъ мамы: какъ она ей понравилась, довольно загадочно (т. е. загадочно для меня) ее аттестовала: „pour son age elle est bien coquette, et cela ne deplait pas aux hommes"*)

Сама Клотильда Жакото, какъ разъ, была чужда всякого кокетства. Она одѣвалась всегда очень просто, не употребляла ни пудры, ни духовъ.

Когда мама ей разъ подарила флаконъ парижскихъ духовъ, она, не раскупоривая, держала его какъ украшеніе на своемъ туалетѣ. Чистюга-же она была большая и утромъ и вечеромъ долго плескалась въ водѣ.

Мама, смѣясь, какъ-то сказала ей: „pour une française, Vous êtes unique"!**) а она ей отвѣчала: „je ne viens pas de Paris, et je ne le regrette pas"!***)

Скоро всѣ въ домѣ узнали, что все жалованіе, которое mademoiselle Clotilde получала отъ мамы, а позднѣе и всѣ деньги, которыя она зарабатывала уроками, она цѣликомъ отсылала своей нуждающейся семьѣ во Францію.

И всѣ проникались къ ней все большимъ и большимъ уваженіемъ.

Когда она получала письма изъ дома, то бывала особенно въ духѣ и, нѣжнѣе обыкновеннаго, ласкала сестру и меня.

Въ такихъ случаяхъ она нерѣдко говорила мамѣ: „ah, si les miens voyaient comme je suis bien ici, ils seraient bien heureux".†)

А мама ее подробно разспрашивала о матери, сестрѣ и двухъ братьяхъ, которые еще учились „au collège"††), и, потомъ, неизмѣнно діалогъ заканчивался словами мамы: „Votre mère est déjà bien heureuse d'avoir une fille comme Vous"!†††)

---

*) Для своего возраста, она очень кокетлива, это нравится мужчинамъ.

**) Какъ француженка, вы единственны!

***) Я не изъ Парижа, и не жалѣю объ этомъ!

†) Ахъ еслибы мои могли видѣть, какъ мнѣ здѣсь хорошо, они были-бы такъ счастливы!

††) Въ гимназіи.

†††) Ваша матушка итакъ уже счастлива, имѣя такую дочь, какъ вы!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ Кирьяковку, гдѣ намъ, съ мамой и mademoiselle Clotilde, отводилось верхнее помѣщеніе въ домѣ, съ его большимъ балкономъ, у котораго „дѣдушкины тополя“ переросли уже наши окна, мы наѣзжали только недѣль на шесть, въ самый разгаръ лѣтней жары, и каждый день ходили съ мамой и Надеждой Павловной на рѣку — купаться.

Бугъ въ этомъ мѣстѣ очень широкъ; противуположный берегъ виднѣлся отчетливо только своими контурами, но крестьянскія избы, люди, лошади и коровы казались издали маленькими, точно игрушечными.

Для раздѣванія у самой воды была небольшая „купальня“ т. е. деревянная будка, крытая соломой, отъ которой небольшой мостикъ велъ и спускался лѣсенкой въ рѣку.

Я купался обыкновенно съ мамой, которая отлично плавала и меня научила, а сестра съ Надеждой Павловной „барахтались“ у самой лѣсенки, такъ какъ обѣ плавать не умѣли.

Mademoiselle Clotilde ходила купаться раннимъ утромъ одна, пока мы еще спали, такъ какъ не находила удовольствія купаться въ жару.

Оставались мы въ деревнѣ, сравнительно, недолго потому, что тамъ ученіе наше совершенно прерывалось, а мама находила, что учится намъ пора.

Кромѣ того, тамъ мы жили „надъ самой головой бабушки“; она жила въ первомъ этажѣ, очень чутко спала, отдыхала и днемъ и мы были значительно стѣснены вѣчной заботой и напоминаніями — „не очень шумѣть“.

Вообще въ Кирьяковкѣ, въ качествѣ помѣщицы, бабушка была неузнаваема.

Насколько въ городѣ она жила „старой барыней“, ни во что рѣшительно не вмѣшивалась, ничѣмъ даже не распоряжалась, настолько здѣсь входила рѣшительно во все и проявляла упрямое своевластіе.

Безъ ея разрѣшенія нельзя было запрячь лошадь, отъѣхать куда-нибудь за версту отъ дома. Сама она въ безрессорномъ экипажѣ (по совѣту доктора) выѣзжала каждый день „въ степь“, смотрѣть сѣнокосъ, или въ „хлѣба“, провѣрять урожай.

Черезъ садъ, въ особую калитку, ключь отъ которой былъ всегда при ней, она нерѣдко одна, словно тайкомъ, проходила „на токъ“, когда тамъ происходила молотьба первобытнымъ способомъ, при помощи тяжелыхъ каменныхъ зубчатыхъ кат-

ковъ, влекомыхъ волами, по настланнымъ большимъ кругомъ колосьямъ. Выбитое зерно отдѣлялось затѣмъ отъ „половы“ (разсѣченной соломы) простымъ подвѣтреннымъ провѣяніемъ лопатами.

Надо было видѣть, какъ бабушка иногда въ самое несуразное время пробиралась туда, чтобы внезапнымъ появленіемъ убѣдиться, исправно-ли отбывается поденщина.

Въ городѣ не слышно было ея голоса; все передавалось черезъ Надежду Павловну.

Здѣсь-же, у себя въ имѣніи, вѣчно былъ слышенъ ея голосъ, нерѣдко повышаемый до крика.

Каждый вечеръ, раньше чѣмъ отойти ко сну, она принимала обстоятельный докладъ своего управляющаго Юрія Филипповича Георгіу. Это былъ обрусѣвшій грекъ, лѣтъ сорока, энергичный, загорѣвшій до черноты, благодаря вѣчному пребыванію на припекѣ, во время полевыхъ работъ.

Онъ не смѣлъ садиться въ ея присутствіи, хотя по торжественнымъ праздникамъ приглашался къ столу, также какъ и священникъ ближайшей сельской церкви.

Юрій Филипповичъ былъ холостъ и жилъ „при конторѣ“, на второмъ дворѣ.

Я съ нимъ былъ въ дружбѣ и заглядывалъ иногда къ нему, такъ какъ по стѣнамъ у него были развѣшены пистолетъ, ружья, кинжалъ, нагайки и длинный арапникъ для собакъ.

Когда онъ отправлялся на своихъ бѣгункахъ безъ кучера „въ степь,“ или „на кошары“, я иногда усаживался впереди его и онъ давалъ мнѣ править лошадью, которая была „добрая“, т. е. хорошо бѣжала, но была смирная.

Я настойчиво „выпрашивался“ у мамы въ эти поѣздки и она, скрѣпя сердце, иногда меня отпускала.

Разъ мы поѣхали съ Юріемъ Филипповичемъ „на кошары“.

Кошары — это большіе, казарменнаго вида, сараи, — зимній пріютъ для выпасаемыхъ въ дальней степи овецъ. Тутъ-же и казарма для „чабановъ“, взрослыхъ и подростковъ (пастухи и подпаски). Когда нѣтъ травы, овецъ держатъ въ кошарахъ, кормятъ сѣномъ и соломой.

Цѣлая стая злыхъ „чабанскихъ“ собакъ (овчарокъ) сторожатъ этотъ овечій таборъ и ихъ дружный лай, когда подъѣзжаешь, слышишь чуть-ли не за версту.

Когда мы подъѣхали къ кошарамъ, кто-то изъ взрослыхъ чабановъ, послѣ доклада о состояніи овчарни, пожаловался

Юрію Филипповичу на то, что между ними „завелся воръ“. У него украли праздничный „наборный поясъ“.

Пошло разслѣдованіе. Кто-то высказалъ подозрѣніе на одного подпаска.

Юрій Филипповичъ принялся немедленно за розыскъ. Онъ началъ строго допрашивать заподозрѣннаго. Тотъ весь трясся, плакалъ, но отрицалъ свою вину.

Пошли куда-то съ обыскомъ. Повели за собою и обыняемаго.

Я чувствовалъ, какъ внутри меня уже начинало что-то дрожать, но я еще крѣпился и только молилъ Бога, чтобы у мальчугана ничего не нашли и чтобы онъ оказался невиновнымъ.

Но, вотъ, всей гурьбой, съ Юріемъ Филипповичемъ во главѣ, вернулись во дворъ съ обыска.

Предательскій ремянный поясъ, съ закрѣпленными на немъ мѣдными бляшками, былъ въ его рукахъ.

Участь несчастнаго, котораго теперь двое вели за руки, была рѣшена.

Всѣ какъ-то разомъ ринулись на него, распластали тутъ-же на землѣ, спустили ему штанишки, задрали рубашку ему на голову и я увидѣлъ, какъ Юрій Филипповичъ, взмахнувъ поясомъ, нанесъ несчастному ударъ по ягодицамъ... Онъ замахнулся для втораго.... Но тутъ я не выдержалъ. Дыханье, которое у меня при первомъ ударѣ остановилось въ груди, вдругъ съ силой вырвалось, я благимъ матомъ вскрикнулъ и неудержимо зарыдалъ.

Всѣ кинулись ко мнѣ, оставивъ наказуемаго.

Долго возились со мной, приносили воду, я все рыдалъ и меня всего трясло.

Юрій Филипповичъ, видимо, не радъ былъ, что затѣялъ свою экзекуцію въ моемъ присутствіи.

Чтобы меня окончательно успокоить, онъ объявилъ поднявшемуся, тѣмъ временемъ, подпаску, что на этотъ разъ съ него довольно и онъ его прощаетъ.

Тотъ стоялъ потупившись и, молча, задергивалъ и завязывалъ трясущимися руками тесемку своихъ широкихъ штанишекъ.

Мы уѣхали тотчасъ-же.

Юрій Филипповичъ, позади меня, что-то наговаривалъ, какъ бы передо мною оправдываясь. Онъ объяснялъ, что воровать нельзя, что за это всегда наказываютъ, что если не наказывать, то что-жъ будетъ и т. д.

Слова его какъ-то до меня не доходили; я только непріятно ощущалъ, чего не бывало раньше, близость его присутствія позади меня.

Дома мама не могла не замѣтить моего глубокаго разстройства.

Я долго колебался, открыть-ли ей причину, опасаясь „не достанется-ли“ отъ бабушки самому Юрію Филипповичу, если я разскажу все, чему былъ только-что свидѣтелемъ. Но, въ концѣ концовъ, мамѣ, рыдая, все разсказалъ.

На это она объявила мнѣ, что съ Юріемъ Филипповичемъ она больше отпускать меня никуда не будетъ.

Я сталъ просить ее не говорить бабушкѣ, чтобы ему самому не быть передъ нею въ отвѣтѣ. На это мама усмѣхнулась и, помню, сказала: „ахъ, ты простецъ мой, да она бы его только похвалила“.

Меня эти слова поразили и, мысленно, я тотчасъ-же пріобщилъ бабушку къ темной отъ загара рукѣ Юрія Филипповича, съ „наборнымъ“ въ ней поясомъ, занесеннымъ надъ оголеннымъ бѣлымъ задомъ трясущагося подпаска.

Я только впослѣдствіи сталъ соображать, почему мама вообще не любила, чтобы мы долго засиживались у бабушки въ Кирьяковкѣ.

Насколько въ городѣ мама властвовала въ домѣ и все, въ концѣ концовъ, дѣлалось, какъ она считала нужнымъ, настолько въ Кирьяковкѣ она чувствовала себя гостьей, не имѣющей вліянія на ходъ событій.

Часто мы проходили широкой улицей крестьянскаго поселка, который былъ нѣсколько удаленъ отъ господскаго двора, и спускались ниже къ извилистому, часто пересыхавшему ручью, впадающему въ широкій Бугъ.

Маму, по пути, останавливали нерѣдко бабы, выходившія ей на встрѣчу изъ своихъ хатъ и о чемъ-то просили ее; иногда хныкали.

Мама всегда разстраивалась послѣ такихъ встрѣчь, потомъ ходила къ бабушкѣ и что-то ей долго наговаривала; но я не замѣчалъ, чтобы она уходила отъ нея всегда удовлетворенною.

Дядя Всеволодъ рѣдко наѣзжалъ въ Кирьяковку, такъ какъ служба этому мѣшала. Пріѣзжалъ онъ не надолго, и безъ Нелли, которая могла бы безпокоить бабушку.

Ему отводили комнату рядомъ съ моей спальней.

И вотъ, тогда-то я часто слышалъ, какъ, раньше чѣмъ разойтись спать, дядя Всеволодъ и мама о чемъ-то долго разговаривали въ диванной.

Все больше о бабушкѣ и о деревенскихъ дѣлахъ и порядкахъ. Шла ихъ рѣчь и о томъ, что, вѣдь, скоро, все равно, все перемѣнится и что бабушка напрасно упрямится и не поступитъ такъ, какъ уже поступилъ графъ Лореръ въ своей Варваровкѣ.

При этомъ они очень жалѣли бабушку, говоря, что она даже стала часто хворать съ тѣхъ поръ, какъ пошли слухи объ „отмѣнѣ крѣпостныхъ“ и, въ первую голову, о „вольной“ для дворовыхъ людей.

Только впослѣдствіи я понялъ, о чемъ, пока я засыпалъ, была ихъ задушевная, тогдашняя бесѣда, когда узналъ, что варваровскіе крестьяне стали „вольными“ за нѣсколько лѣтъ до общаго освобожденія крестьянъ.

Не потому-ли тогда такъ сладко было мнѣ засыпать подъ тихій говоръ любимыхъ мною существъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Съ наѣздами дяди Всеволода въ Кирьяковку, намъ всегда выпадало большое развлеченіе — поѣздка въ Крюковку, въ гости къ „старой тетѣ Лизѣ“.

Крюковка отстояла отъ Кирьяковки верстахъ въ восьми, а то и больше; никто не мѣрилъ. Это было тоже имѣнье бабушки, доставшееся ей отъ перваго мужа, Кузнецова, у котораго оно было благопріобрѣтеннымъ.

Бабушка его совсѣмъ забросила, никогда туда не заглядывала и всецѣло предоставила его въ распоряженіе своей падчерицы, нашей „тети Лизы“.

Та и жила въ Крюковкѣ, съ ранней весны, все лѣто. Она была отличная хозяйка и пристрастилась къ простой деревенской жизни, которую вела тамъ, отпуская дочерей, когда имъ вздумается, въ городъ, подъ „присмотръ“ нашей мамы.

Дядя Всеволодъ помнилъ своего отца, помнилъ и Крюковку еще во времена ея, сравнительнаго, процвѣтанія, и всегда радъ былъ побывать тамъ.

Со своей единокровной сестрой, „тетей Лизой“, которая была лѣтъ на пятнадцать старѣе его, онъ всегда былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Для этихъ поѣздокъ намъ подавался, обыкновенно, четырехмѣстный, вмѣстительный „дѣдушкинъ фаэтонъ“, запряженный четверикомъ.

На переднія и заднія мѣста усаживались мама, дядя Всеволодъ, mademoiselle Clotilde и сестра Ольга, а я заранѣе, еще въ сараѣ, забирался на козлы, рядомъ съ Игнатомъ, кучеромъ.

Мама мнѣ это разрѣшала, такъ какъ Игнатъ считался не только надежнымъ кучеромъ, но и искуснымъ наѣздникомъ, умѣвшимъ объѣзжать молодыхъ „неуковъ", приводимыхъ въ Кирьяковку изъ Богдановскаго табуна.

Съ Марко, который оставался, со своею сѣрой парой, всегда въ городѣ, на случай наѣздовъ Надежды Павловны за покупками, я бы, конечно, ни за что не сѣлъ рядомъ, но старика Игната я любилъ и жилъ съ нимъ въ дружбѣ.

Я часто бывалъ у него въ конюшнѣ и зналъ наизусть имена всѣхъ лошадей. Кромѣ пары рослыхъ рыжихъ кобылъ, которыя только для бабушки запрягались, на конюшнѣ былъ еще съ десятокъ „экономическихъ" лошадей. Рабочихъ лошадей, строго говоря, не было, такъ какъ полевыя работы производились волами, а не лошадьми.

Четверикъ, на которомъ мы, обыкновенно, ѣздили въ Крюковку и въ городъ, былъ собранъ изъ „экономическихъ" лошадей и былъ недурно, благодаря искусству Игната, съѣзженъ.

Темнобурыя пристяжныя, съ бубенцами на шеѣ, ловко заворачивали головы въ противуположныя стороны и шли галопомъ, пока дышловая пара караковыхъ рысила. Игнатъ отлично правилъ своими шестью возжами: то подернетъ одну, то шевельнетъ другою, не дотрагиваясь до „кнутика", который, неизвѣстно зачѣмъ, неизмѣнно висѣлъ на его правой рукѣ.

И пыль поднималась за нами столбомъ.

Кнутикомъ онъ любилъ только хлестнуть, проѣздомъ по деревнѣ, собакъ, если которая-нибудь слишкомъ стремительно кидалась подъ лошадей.

Дорога все время шла гладкая, ровная, среди желтѣющихъ нивъ, убѣгающихъ куда-то въ безконечную даль.

Встрѣчныя крестьянскія подводы, запряженныя большею частью волами, круто сворачивали въ сторону, завидѣвъ „панскій" четверикъ; подводчики, соскочивъ съ подводъ, торопливо снимали шапки.

Игнатъ, озираясь по сторонамъ и поводя головой во всѣ четыре стороны, не разъ пояснялъ мнѣ: „такъ, что никому не обязаны, все по собственной, стало быть, ѣдемъ, до самой Крюковки"!

Раньше чѣмъ въѣхать во дворъ Крюковской „экономіи", приходилось проѣхать деревенской улицей, вдоль которой съ

обѣихъ сторонъ были раскиданы, довольно безпорядочно, крестьянскіе дома — мазанки.

Ихъ было меньше, чѣмъ въ Кирьяковскомъ поселкѣ, и выглядѣли онѣ не такъ аккуратно. Тамъ онѣ были чисто побѣлены снаружи и по низу обмазаны желтой глиной, а здѣсь и пооблупились, и пошли пятнами.

Когда я обращалъ на это вниманіе Игната, всю дорогу болтая съ нимъ, онъ проникновенно замѣчалъ: ,,извѣстно, тутъ мужикъ безъ господскаго глаза".

Рѣки въ Крюковкѣ не было.

Былъ только широкій ,,ставъ", который надо было объѣхать вдоль всего его края и попасть на мостокъ, перекинутый черезъ ,,болотце", въ которомъ росъ камышъ; а дальше шло только топкое мѣсто.

Вымазавшіеся въ грязи, по самыя уши, свиньи, со своими поросятами хрюкали тутъ на разные голоса.

Когда же подъ вечеръ мы возвращались обратно и опять объѣзжали ,,ставъ", къ нему на водопой медленно плелся рогатый скотъ, быки и коровы, а подъ мостомъ въ камышахъ квакали лягушки.

Съ этого мѣста надо было только довольно круто подняться мимо двухъ крылатыхъ мельницъ, стоявшихъ на бугрѣ, и тогда уже, на совершенно ровномъ и гладкомъ мѣстѣ, видны были и ворота и сѣроватыя стѣны Крюковскаго двора.

Въ раскрытые настежь ворота виднѣлся уже фасадъ одноэтажнаго, растянувшагося въ длину, бѣлаго дома, съ посѣрѣвшею соломеною крышею, на конькѣ которой, рядомъ съ дымовой трубой, высилось большое гнѣздо аиста.

По двумъ сторонамъ двора тянулись постройки, въ перемежку: чуланы, сараи и навѣсы, съ рѣшетчатыми загородками. На самой серединѣ двора возвышалась большая деревянная голубятня, съ цѣлымъ голубинымъ стадомъ на ея крышѣ и балкончикѣ.

Ближе къ дому, на двухъ высокихъ столбахъ, была прилажена на веревкахъ длинная доска-качели.

Едва только въѣдешь въ ворота, сразу видишь, какъ тутъ много всякой живности и какъ свободно она разгуливаетъ по двору, почти сплошь заросшему травой.

Тутъ и пѣтухъ съ курами, и индюкъ съ индюшками, и гуси, и утки, и павлинъ и пава, и всѣ съ потомствомъ. Между ними кое-гдѣ снуютъ и похрюкиваютъ и крошечные розовые поросята,

неподалеку отъ раскинувшейся на травѣ, въ тѣни, непомѣрно раскормленной, свиньи.

— Ah, voila la vraie campagne!*) — воскликнула mademoiselle Clotilde, когда въ первый разъ въѣхала съ нами на Крюковскій дворъ.

„Тетю Лизу", съ высоко засученными выше локтей рукавами, мы заставали всегда въ хлопотахъ по хозяйству.

То она тутъ-же, во дворѣ, варила варенье на разставленныхъ передъ домомъ жаровняхъ, которыя пышѣли жаромъ, то въ погребѣ солила огурцы, то подъ большимъ навѣсомъ что-то колдовала надъ большими бутылями съ наливками, то вся красная выходила изъ коптильни, гдѣ были развѣшены окорка.

Всевозможную деревенскую провизію она заготовляла въ Крюковкѣ въ такомъ разсчетѣ, чтобы ее хватило не только на круглый годъ для бабушкинаго дома и для ея собственнаго, но и для многихъ родственниковъ.

Бабушка не терпѣла у себя въ Кирьяковкѣ никакой птицы, не позволяла держать и свиней, ревниво охраняя садъ и посадку вокругъ дома.

Въ Кирьяковкѣ было только много коровъ и былъ между ними лобастый черный быкъ, котораго всѣ, кромѣ Игната, боялись.

Но вечеромъ, когда загоняли его въ особую загороду коровника, всѣ были не прочь полюбопытствовать, — такой онъ былъ статный и красивый.

Молочное хозяйство процвѣтало въ Кирьяковкѣ и было въ непосредственномъ завѣдываніи Надежды Павловны.

Творогъ, сметана, масло, все это заготовлялось въ изобиліи и доставлялось зимою въ городъ. Въ городѣ держали только двухъ коровъ, такъ какъ ежедневная доставка молока была-бы затруднительна.

Въ числѣ большихъ лакомствъ, славился въ Кирьяковкѣ овечій сыръ, именуемый „брынзой". Слегка прожаренный на сковородкѣ, онъ подавался къ столу въ видѣ закуски.

Брынза изготовлялась на „кошарахъ", подъ наблюденіемъ, знатока этого дѣла, Юрія Филипповича.

Какъ только мы въѣзжали на Крюковскій дворъ, побрякивая бубенцами, тотчасъ-же поднималось, со всѣхъ сторонъ, голосистое кудахтанье крюковскихъ обитателей.

---

*) Вотъ настоящая деревня!

„Тетя Лиза“, всегда въ сопровожденіи цѣлой стаи босоногихъ „дѣвокъ“, помогавшихъ ей по хозяйству, первая появлялась откуда-нибудь неожиданно, съ поднятыми вверхъ руками, носящими на себѣ слѣды продукта, въ данную минуту, ею заготовляемаго.

Она быстро „кудахтала“, сыпя привѣтствіями и восклицаніями, громче самой большой кахетинской курицы, отчего ближайшіе индюки тотчасъ-же распускали свои хвосты, напрягали свои красно-чешуйчатые кадыки и принимали живѣйшее участіе въ нашей встрѣчѣ.

Взрослыя кузины, Люба и Леля, большею частью, прямо со сна, выскакивали къ намъ въ туфляхъ на босую ногу, въ разлетающихся, мягкихъ легкихъ капотахъ.

Нерѣдко у нихъ гостили такія-же взрослыя дѣвицы, какъ онѣ сами, изъ дальнихъ родственницъ; эти появлялись позднѣе уже тщательно причесанныя и во всемъ городскомъ парадѣ.

Молчаливый, добродушный Ваня, аспирантъ на первый офицерскій чинъ, съ вымазанными въ чернилахъ пальцами (онъ усиленно готовился къ офицерскому экзамену), вылѣзалъ изъ своей лѣтней конуры, гдѣ часами подзубривалъ свои „уставы и науки“.

Домъ сразу оживлялся.

„Тетя Лиза“, перецѣловавъ и обласкавъ всѣхъ, не забывая при этомъ держать руки у себя за спиной, чтобы „не обмарать кого“, спѣшила позаботиться объ обѣдѣ и угощеніи и безпрестанно исчезала то на кухню, то въ „заднюю галлерею“, гдѣ обычно, въ торжественныхъ случаяхъ, накрывался обѣденный столъ.

Вокругъ Крюковскаго дома была только тощая растительность. Нѣсколько кустовъ чахлой сирени и желтой акаціи, съ двумя топольками, и скрипучимъ „журавлемъ“ у колодца, именовалось „садомъ“.

Дѣвицы поочередно приводили себя въ порядокъ и, по мѣрѣ своего появленія, принимались развлекать и забавлять насъ.

Но всѣхъ дѣятельнѣе въ этомъ направленіи проявлялъ себя молчаливый Ваня, который оживлялся постепенно до неузнаваемости, видимо счастливый тѣмъ, что выпадалъ законный поводъ забыть на время разомъ и „уставы“, и „науки“.

Голубятня была въ его вѣдѣніи и онъ немедленно влекъ меня къ ней, бралъ поочередно въ руки голубей, которые были разныхъ цвѣтовъ, рекомендовалъ и называлъ нѣкоторыхъ и

особенно демонстрировалъ какого-то „крапчатаго“, въ качествѣ изумительнаго „турмана“.

Онъ обѣщалъ, послѣ обѣда, когда спадетъ жара, „погонять голубей“, т. е. заставить ихъ летать, всей стаей, высоко надъ голубятней, такъ, что приходилось задирать голову, чтобы не потерять ихъ изъ виду.

Онъ и исполнялъ всегда обѣщаніе. Нѣкоторые голуби залетали такъ высоко, что казались точками, а знаменитый „турманъ“, при спускѣ, показывалъ просто фокусы, кувыркаясь, нѣсколько разъ подрядъ, черезъ голову.

Затѣмъ качели, и до обѣда, и послѣ обѣда, были предметомъ нескончаемыхъ нашихъ вожделѣній. И mademoiselle Clotilde и взрослыя дѣвицы не отказывались отъ этого удовольствія. Раскачивали качели очень высоко, надъ чѣмъ старались, присѣдая на одномъ концѣ доски, Ваня, а на другомъ одна изъ босоногихъ „дѣвокъ“ изъ „тетилизиной команды“.

Объ обѣдѣ, который подавался въ часъ, объ его изобиліи и прелестяхъ, нечего и говорить.

Мама и mademoiselle Clotilde заботились только объ одномъ: чтобы мы не заболѣли и, всячески, старались умѣрить мой аппетитъ. Но „тетя Лиза“ находила всѣ эти предупрежденія праздными. Зная только нѣсколько французскихъ словъ, она безпрестанно приговаривала, поглядывая на Клотильду Жакото: „oui, oui, russe mange! russe mange!“*)

Но и сама наша милая Клотильда не была вовсе petite bouche и ѣла охотно. Да и кто могъ-бы устоять передъ сковородкой, на которой еще потрескивала отъ жара малороссійская колбаса, нарѣзанная толстенькими ломтиками, съ прильнувшей къ ней, зарумянившейся, мелко крошенной, капустой. А вареники всевозможныхъ сортовъ, и съ творогомъ и съ вишнями, и съ чудной, при этомъ, сметаной, А всевозможныя сласти, и арбузы и дыни!..

Развѣ можно было отъ всего этого отказываться, когда тетя Лиза, несмотря на всѣ протесты мамы, все подкладывала и подкладывала на тарелки. А я все это обожалъ.

И, ничего, все великолѣпно сходило потому, что поѣдалось со вкусомъ и охотой.

Послѣ обѣда, который, благодаря хлопотнѣ и неумолкаемому кудахтанію тети Лизы, проходилъ всегда оживленно, дядя Всеволодъ выкуривалъ свою толстую папиросу Жукова

*) Да, да, русскій ѣстъ! Русскій ѣстъ!

табака, заправленную въ еще болѣе толстый черешневый мундштукъ, съ янтарнымъ наконечникомъ, распространяя на всю галлерею сладковатый запахъ обильнаго голубоватаго дымка.

Дома у себя онъ курилъ также „Жукова“, но въ трубкѣ, съ очень длиннымъ черешневымъ чубукомъ.

Послѣ обѣда дядя Всеволодъ любилъ часокъ—другой отдохнуть и тетя Лиза настаивала, чтобы онъ прошелъ въ „папенькинъ кабинетъ“.

Она въ неприкосновенности сохраняла кабинетъ покойнаго отца, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ при немъ, и любила, чтобы „братецъ“ (дядя Всеволодъ) въ этомъ каждый разъ убѣждался.

Она застилала кожаный диванъ чистой простынькой и наносила цѣлую гору подушекъ. Дядя Всеволодъ каждый разъ убиралъ ихъ прочь, оставляя, для головы, только одну, кожаную, заправленную въ чистую наволочку.

Я часто за нимъ слѣдовалъ туда, потому что очень любилъ его, и, пока онъ укладывался, разглядывалъ все, что было въ комнатѣ.

Здѣсь все было очень просто.

Немного мебели краснаго дерева, съ кожаными, потемнѣвшими сидѣньями. Застекленный книжный шкафъ, въ которомъ книгъ не было, но на верхней полкѣ котораго аккуратно было разложено нѣсколько орденовъ покойнаго, черный „съ языкомъ“ галстухъ, треугольная шляпа и кортикъ.

На остальныхъ полкахъ лежало нѣсколько альбомовъ съ чертежами и рисунками кораблей, которые я, каждый разъ заново, перелистывалъ.

На стѣнѣ надъ диваномъ висѣла очень потемнѣвшая, въ простой деревянной рамѣ, картина.

По словамъ тети Лизы ее рисовалъ будто-бы самъ покойный, который и чертилъ и рисовалъ недруно; дядя-же Всеволодъ за вѣрное утверждалъ, что ее нарисовалъ другъ покойнаго, по-фамиліи „Рябый“, казакъ по происхожденію, знавшій хорошо и любившій казацкій бытъ. Свое утвержденіе дядя Всеволодъ подкрѣплялъ указаніемъ и на едва примѣтную букву „Р“ въ нижнемъ уголкѣ картины.

Картина изображала толстаго, усатаго, съ бритой головой и чубомъ, совершенно голаго по самый поясъ запорожскаго казака. Онъ сидѣлъ на полу „по турецки“, т. е. скрестивъ подъ собой босыя свои ноги и, наклонившись, пристально выискивалъ что-то въ снятой съ себя и распластанной на его колѣняхъ, сорочкѣ.

Въ самой картинѣ, кромѣ сизаго носа казака и его чуба, ничего не было особо примѣчательнаго, но подъ его изображеніемъ шла, въ четырехъ строкахъ, цѣлая приписка тщательно и отчетливо сдѣланная красной краской.

Дядя Всеволодъ никогда не упускалъ случая громко прочесть ее, сопровождая чтеніе добродушнѣйшимъ смѣхомъ.

Вотъ, что гласила приписка:

Казакъ, душа правдива,
Сорочки не мае,
Коли не пье, то воши бье,
А все-же, не гуляе!

Когда мы возвращались обратно въ Кирьяковку, нагруженные разными кулечками и корзинками, я, возсѣдая опять преважно на козлахъ, рядомъ съ Игнатомъ, и не зная, какъ ярче выразить всю полноту моего удовлетворенія прожитымъ днемъ, полнымъ новыхъ ощущеній, принималъ вдругъ разгильдяйскій тонъ и начиналъ безъ конца скандировать полюбившееся четверостишіе подъ картиной, разомъ затверженное мною наизусть.

Игнатъ и дядя Всеволодъ смѣялись, мама сердилась и кричала мнѣ въ спину: „не смѣй повторять гадостей“, а mademoiselle Clotilde недоумѣвая, спрашивала: „mais qu'est ce qu'il radotte là haut?“.*)

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Въ которомъ это могло быть году, рѣшительно не помню. Но было это вскорѣ по воцареніи Государя Александра II, послѣ смерти Императора Николая Павловича.

Въ городѣ пошли слухи, что новый Государь пробудетъ нѣсколько дней въ Николаевѣ, проѣздомъ въ Севастополь.

Передъ тѣмъ дядя Всеволодъ какъ-то свозилъ меня въ Морское Собраніе, чтобы показать недавно водруженный на стѣнѣ парадной залы, портретъ нашего „новаго Царя“.

Какой видный, чарующій ласковымъ взглядомъ, красавецъ. Всѣ были въ восторгѣ отъ него.

Только и говорили о выпавшемъ, въ его лицѣ, счастьи для Россіи. Всѣ какъ-то оживились и радостно чего-то большого ждали.

*) Что онъ тамъ болтаетъ?

Сначала слухи о его пріѣздѣ въ Николаевъ были очень смутны, они то усиливались, то замирали вовсе.

Но вотъ, мамѣ пришло письмо изъ Петербурга отъ тети Сони и получилась полная достовѣрность.

Тетя Соня писала мамѣ, что поѣздка Государя, и именно черезъ Николаевъ, рѣшена окончательно и что въ свитѣ Государя будетъ состоять и ея мужъ, Николай Андреевичъ Аркасъ, недавно произведенный въ контръ-адмиралы и получившій придворное званіе генералъ-адъютанта.

Она писала, что очень ему завидуетъ, но не можетъ послѣдовать за нимъ, такъ какъ у нея только-что родился четвертый ребенокъ, мальчикъ Володя, и ей невозможно двинуться въ дальній путь съ дѣтьми.

Письмо это положило конецъ всякимъ сомнѣніямъ относительно проѣзда Государя именно черезъ Николаевъ и мама стала усиленно дѣлать визиты знакомымъ, чтобы оповѣстить ихъ, изъ самаго достовѣрнаго источника, о предстоящемъ знаменательномъ событіи.

Когда эту вѣсть о пріѣздѣ Государя мама, „секретно“, сообщила и Владиміру Михайловичу Карабчевскому, онъ моментально возгорѣлъ желаніемъ, во что-бы то ни стало, отличиться въ качествѣ полицеймейстера.

Не дожидаясь оффиціальнаго подтвержденія, онъ поднялъ на ноги весь городъ.

Дали знать и въ Херсонъ, губернскому почтмейстеру, Аполлону Дмитріевичу Кузнецову, а тотъ тотчасъ-же поскакалъ на ревизію соотвѣтствующаго почтоваго тракта по губерніи.

Пошелъ усиленный „ремонтъ“ почтовыхъ лошадей.

Проѣздомъ черезъ Николаевъ, Аполлонъ Дмитріевичъ очень благодарилъ маму за то, что она не забыла предупредить и его заблаговременно.

Въ то время Николаевъ представлялъ собою не столько благоустроенный городъ, сколько широко раскинувшееся, богатое и очень населенное поселеніе.

Кромѣ „дворца“, со многими флигелями и огромнымъ садомъ, гдѣ жилъ главный командиръ Черноморскаго флота (одновременно и военный губернаторъ города Николаева), примыкавшаго къ нему великолѣпнаго бульвара, по возвышенному берегу рѣки Ингула, со многими аллеями и сплошной линіей чудныхъ тополей, вдоль замыкающей бульваръ съ улицы ажурной чугунной рѣшетки, зданія Морскаго Собранія, штурманскаго училища и еще нѣсколькихъ казенныхъ зданій, церквей и казармъ,

все остальное представляло собою какъ-бы рядъ отдѣльныхъ усадебъ, съ безконечными заборами.

Много городскихъ домовъ не выходило вовсе фасадами на улицу, а ютилось въ глубинѣ дворовъ.

По этому поводу ходила версія, что эти „угольные“, или „такелажные“ дома, всегда одноэтажные, незамѣтные съ улицы, построены „казенными средствами“, въ даръ власть имущимъ отъ поставщиковъ угля и такелажа для флота.

И строились они внутри дворовъ, какъ-бы таясь, чтобы не слишкомъ мозолить глаза высшаго начальства и не привлекать къ себѣ вниманія наѣзжавшихъ, отъ времени до времени, ревизоровъ.

Характерной усадьбой такого вида, среди города, (и даже, въ лучшей его части) былъ домъ бывшаго втеченіе многихъ лѣтъ правителемъ канцеляріи военнаго губернатора, потомъ отставленнаго, нѣкоего Б., про котораго сложилась цѣлая легенда.

Онъ доживалъ свой вѣкъ большимъ оригиналомъ и не пользовался доброй славой. Утверждали, что сыновей своихъ, которыхъ у него было четверо, онъ порѣшилъ не учить и, когда они подросли, обернулъ ихъ для своихъ личныхъ услугъ. Одного онъ сдѣлалъ поваромъ, другого кучеромъ, третьяго дворникомъ и водовозомъ и только четвертаго научилъ плотничать и быть маляромъ, чтобы имѣть дарового мастерового для ремонтовъ по дому. Двѣ взрослыя его дочери ходили за коровами и вели домашнее хозяйство.

Одѣвалъ онъ ихъ соотвѣтственно ихъ занятіямъ, проявляя неимовѣрную скупость въ расходованіи денегъ на ихъ нужды.

Жену свою, какъ утверждали, онъ замучилъ своимъ невыносимымъ самодурствомъ и, даже, „вогналъ ее въ гробъ“ жестокимъ обращеніемъ.

Теперь онъ царилъ одинокимъ бариномъ среди своего раболѣпно-покорнаго, безличнаго потомства.

Утверждали, что онъ былъ настолько скупъ, что не держалъ собакъ, чтобы не кормить ихъ, но самъ по ночамъ выходилъ и лаялъ во дворѣ.

Это были росказни, но фактъ былъ тотъ, что лично себѣ онъ не отказывалъ въ комфортѣ и былъ большимъ гастрономомъ. Только семью онъ держалъ „на людскомъ“ положеніи и не имѣлъ съ нею ничего общаго.

На сытой, пѣгой лошадкѣ, запряженной въ „гитару“, онъ почти каждый день, аккуратно, въ опредѣленный часъ, проѣзжалъ мимо нашихъ оконъ и его, почти заросшее бакенбардами,

„обезьянье“, какъ мнѣ казалось, лицо, навсегда врѣзалось у меня въ памяти, благодаря всѣмъ о немъ разсказамъ.

Онъ сидѣлъ на своей „гитарѣ“ верхомъ, держа надъ собой большой холщевый зонтикъ, въ фуражкѣ съ прямымъ козырькомъ и въ синихъ очкахъ на крошечномъ, какъ бы приплюснутомъ носу. На козлахъ, за кучера сидѣлъ его второй сынъ, тощій малый, лѣтъ пятнадцати, одѣтый не по кучерски, а въ лоснившемся пиджакѣ, короткихъ коломянковыхъ штанахъ и въ мятой, выгорѣвшей фуражкѣ, на стриженой головѣ.

Мама всегда возмущалась при видѣ его и Матреша какъ-то сболтнула при мнѣ: „каждый день до своей вдовы матроски на слободку ѣздитъ, барыней ее, сказываютъ, одѣваетъ“.

Правильно разбитые, городскіе кварталы Николаева раздѣлялись широчайшими улицами, немощенными, кромѣ одной шоссированной — „адмиральской“, ведущей отъ дворца къ соборной площади и адмиралтейству, которая, казенными средствами, содержалась въ порядкѣ.

Остальныя улицы, въ самомъ городѣ, большею частью песчаныя, а по низу, въ слободкѣ, черноземныя, отличались абсолютною первобытностью.

Осенью послѣднія, благодаря тягучей, липкой грязи, были непроѣзды, а пѣшеходамъ предстояло прыгать, „съ камушка на камушекъ“, чтобы добраться до города.

Городскія улицы послѣ дождей и, вообще, осенью и зимой, были и лучше и чище, зато лѣтомъ, когда было сухо, а по временамъ и очень вѣтренно, сухой песокъ залегалъ такъ глубоко и прихотливо, что въ иныхъ мѣстахъ настоящій песчаный дождь сыпался съ колесъ, когда экипажъ ѣхалъ шибко. Рытвинъ и ухабинъ было тоже не мало; но кучера и извозчики знали ихъ на перечетъ и, благодаря ширинѣ улицъ, ихъ всегда можно было миновать.

Владиміръ Михайловичъ, въ качествѣ энергичнаго полицеймейстера, былъ весь погруженъ въ соображенія о томъ, по какимъ именно улицамъ Государь можетъ „имѣть проѣздъ“.

По этому поводу у губернатора было нѣсколько совѣщаній, на которыя ѣздилъ и нашъ „дядя Всева“, въ качествѣ командира флотскаго экипажа, въ казарму котораго могъ заглянуть Государь, проѣздомъ въ Адмиралтейство.

Адмиралтейскую улицу стали приводить въ образцовый порядокъ въ первую голову; соборную и бульварную тоже.

Всѣ заборы штукатурились, красились, или бѣлились заново, равно какъ и дома и палисадники.

„На всякій случай“ полицеймейстеръ обратилъ вниманіе и на остальныя улицы и, почти по всему городу, пошла хлопотливая работа.

На улицахъ всюду подсыпались и выправлялись ухабы и рытвины. На купеческой, „по кварталу Купеческаго собранія“, соорудили заново шоссе. На церквахъ кое-гдѣ золотили кресты и освѣжали крышу куполовъ.

Бравый полицеймейстеръ носился на своей парѣ, въ пристяжку, по всему городу пуще прежняго и сыпалъ распоряженіями и приказами.

Бабушкинъ домъ, стоявшій хотя и въ центрѣ города, но въ сторонѣ отъ казенныхъ зданій, едва-ли могъ разсчитывать на то, что Государь проѣдетъ мимо, тѣмъ не менѣе и онъ былъ побѣленъ заново, также какъ и задняя стѣна его двора, вытянувшаяся длиннымъ бѣлымъ полотнищемъ по другой улицѣ, по которой могъ случайно проѣхать Государь, направляясь во флотскія казармы, или на лагерный плацъ.

По иниціативѣ дяди Всеволода, вдоль всей этой скучной стѣны, спѣшно насадили молодыя акаціи. Матросы его экипажа энергично работали надъ этимъ и въ казенныхъ бочкахъ привозили воду для поливокъ.

Было-ли это весною, лѣтомъ, или осенью, не вспоминаю, помню только, что погода стояла прекрасная въ тѣ дни, когда ожидался Государь.

Въ день его въѣзда въ городъ мы, цѣлой компаніей, съ мамой, кузинами, Клотильдой Жакото и знакомыми, забрались на вышку балкона „Молдованки“ (лѣтняго Морского Собранія), противъ бульвара, откуда видны были часть моста на Ингулѣ и дальше за нимъ ровная, гладкая, широкая дорога. По этой дорогѣ и долженъ былъ ѣхать Государь со всей своей свитой. — На бульварѣ скопилось масса любопытныхъ, хотя „черный народъ“ туда не пускался, а была одна „публика“.

Былъ также запруженъ весь спускъ къ мосту, черезъ который былъ въѣздъ въ городъ съ сѣвера.

Главный командиръ Глазенапъ, со своимъ штабомъ, и полицеймейстеръ, на своей лихой парѣ, заранѣе выѣхали на встрѣчу царскаго кортежа, къ „хуторской границѣ“, верстъ за пять отъ города.

Едва начинало смеркаться и дорога еще не пылила, какъ стали зажигаться сальныя „плошки“ вдоль всего моста и спуска къ нему, на вершинѣ котораго т. е. при въѣздѣ въ самый городъ, въ центрѣ тріумфальной арки, изъ зелени и флаговъ, вдругъ за-

свѣтился царскій вензель, увѣшанный разными цвѣтными фонариками.

Наконецъ, что-то совсѣмъ фантастическое привидѣлось намъ вдали, на дорогѣ.

Среди облака свѣтящейся пыли, двигались и прыгали отдѣльные яркіе огоньки и само движущееся облако казалось волшебнымъ сіяніемъ.

Раньше впереди, едва примѣтно, мелькнула пролетка полицеймейстера, на которой онъ, стоя, держась за плечо кучера, повернутый лицомъ назадъ, мчался во всю прыть. За нимъ едва поспѣвали двое казаковъ верхами.

Дальше трудно было понять и разглядѣть, кто ѣхалъ еще впереди....

Но царскій крытый дормезъ, запряженный шестерикомъ, съ форейторомъ впереди, сразу можно было различить, такъ какъ онъ былъ окруженъ группою мчавшихся по его бокамъ всадниковъ съ зажженными факелами въ рукахъ.

Верстахъ въ десяти отъ Николаева, у самой почтовой дороги былъ поселокъ „Терновка", населенный исключительно болгарами. Туда ѣздили иногда николаевцы въ день св. Георгія на мѣстный храмовой праздникъ, который сопровождался ярмаркой, музыкой, танцами, играми, конскими состязаніями и борьбой.

Болгарскіе молодцы устроили встрѣчу Государю и сопровождали его на своихъ малорослыхъ, но выносливыхъ и быстрыхъ лошадяхъ, съ горящими факелами въ рукахъ, вплоть до самаго дворца.

Это было очень красиво.

Какъ только кортежъ сталъ приближаться къ мосту, послышалось сразу сплошное гудѣніе несмѣтнаго количества голосовъ. Въ городскихъ церквахъ зазвонили въ колокола.

Крики „ура", наростая издали, все усиливались и усиливались, захватывая всѣ груди, всѣ сердца.

Мы тоже стали кричать „ура", я, въ особенности, усердствовалъ, не закрывая рта, хотя нашего „ура" не могъ слышать Государь, такъ какъ его дормезъ, и весь царскій кортежъ, помчали не по бульварной, а по адмиралтейской улицѣ, а мимо насъ проѣхало только нѣсколько отсталыхъ, открытыхъ тарантасовъ, съ царской прислугой и багажомъ, на запотѣлыхъ, едва переводившихъ духъ, почтовыхъ лошадяхъ.

Помнится, что мы еще, всей компаніей, направились ко дворцу, и, благодаря тому, что насъ знала полиція, подходили къ самому дворцу, проникнувъ за его ограду.

Но въ нижнихъ, полуподвальныхъ окнахъ его разглядѣли только суетливо мелькавшую прислугу, въ числѣ которой были уже, въ бѣлыхъ курткахъ и колпакахъ, и повара.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Когда мы вернулись домой, то застали Надежду Павловну въ большихъ хлопотахъ.

Оказалось, что Николай Андреевичъ Аркасъ, прибывшій въ свитѣ Государя, будетъ ужинать со всѣми нами.

Онъ далъ объ этомъ знать бабушкѣ, сообщивъ, что Государь, зная, что въ Николаевѣ у него имѣются близкіе родственники, милостиво разрѣшилъ ему пользоваться ихъ гостепріимствомъ въ свободное отъ служебныхъ занятій время.

Для него уже была приготовлена комната, рядомъ съ большой гостиной, бывшій дѣдушкинъ кабинетъ. Тамъ была его вализа, была поставлена постель и Иванъ (Ванька) былъ горделиво возбужденъ при мысли, что онъ будетъ услуживать „царскому адъютанту".

Насъ привели къ ужину умытыми, причесанными, переодѣтыми, словомъ въ парадѣ, когда Николай Андреевичъ уже сидѣлъ на диванѣ, рядомъ съ бабушкой, въ ярко освѣщенной гостиной.

Мама сидѣла съ другой его стороны, а дядя Всеволодъ въ креслѣ, подлѣ бабушки. Тутъ-же былъ и Аполлонъ Дмитріевичъ, скакавшій, какъ оказалось, впереди царскаго поѣзда, въ качествѣ губернскаго почтмейстера, чтобы готовить лошадей.

Онъ весь сіялъ, такъ какъ Николай Андреевичъ сообщилъ ему, что проѣздъ по Херсонской губерніи прошелъ образцово, и Государь, нѣсколько утомленный дорогой, замѣтилъ это.

Адмиралу, Александру Дмитріевичу Кузнецову, также дано было знать о пріѣздѣ Николая Андреевича и его приглашали къ ужину, но онъ отвѣчалъ черезъ посланнаго, что никогда не ужинаетъ, ложится рано спать, а „его превосходительство" успѣетъ повидать и завтра.

Какъ я узналъ впослѣдствіи, „адмиралъ Александръ Дмитріевичъ" не любилъ „адмирала Николая Андреевича", считая послѣдняго „придворнымъ шаркуномъ", и не могъ ему простить, что флигель-адъютанта онъ получилъ не за что иное, какъ за

командованіе первымъ пароходомъ „Владиміръ“, спущеннымъ въ Черномъ морѣ, послѣ чего парусные корабли вовсе перестали сооружаться.

Сестру и меня Николай Андреевичъ встрѣтилъ ласково, расцѣловалъ и очень насъ разглядывалъ. Сестру онъ зналъ уже двухлѣтней, а меня „держалъ на рукахъ“, когда мнѣ было нѣсколько мѣсяцевъ.

Меня онъ называлъ своимъ „тезкой“, а его просилъ называть „дядей Колей“. Объявилъ, что старшій его сынъ почти мой ровестникъ, тоже Николай, и родился въ Николаевѣ; остальные же трое, Константинъ, Софья и Владиміръ, въ Петербургѣ.

Подъ конецъ, онъ сказалъ, что привезъ намъ подарки отъ тети Сони, которая насъ крѣпко цѣлуетъ, и что, съ ея словъ, дѣти его уже насъ хорошо знаютъ.

Дѣйствительно, на другой день мама передала сестрѣ Ольгѣ большую, разодѣтую въ платье и бурнусъ куклу, которая открывала и закрывала глаза и была въ большой соломеной шляпѣ. Рукою тети Сони на листкѣ бумаги была надпись, что ея имя „Соня“.

Я же получилъ тяжеловѣсный деревянный ящикъ, въ которомъ рядами были уложены оловянные солдатики, пѣшіе и конные, съ офицерами, генераломъ и трубачами на бѣлыхъ коняхъ. Тутъ-же были пушки и лагерныя палатки.

За ужиномъ, въ очень ярко освѣщенной столовой, золотой аксельбантъ Николая Андреевича и его новые блестящіе погоны, съ черными орлами, красиво блестѣли, а самъ онъ, сидя между бабушкой и мамой, какъ-то весь сіялъ, притягивая къ себѣ всеобщее вниманіе.

Мнѣ онъ казался очень красивымъ, съ своимъ молодымъ, яркимъ цвѣтомъ лица и слегка сѣдѣющими бакенбардами и такими-же волнистыми волосами на головѣ.

За столомъ онъ велъ бесѣду почти исключительно о своей семьѣ, о тетѣ Сонѣ и о дѣтяхъ, говоря о каждомъ въ отдѣльности.

О тетѣ Сонѣ онъ, не безъ горечи, объяснялъ, что она никакъ не можетъ свыкнуться съ Петербургомъ, не выноситъ его климата и уклоняется отъ придворныхъ выѣздовъ.

Ея конечная мечта попасть, рано или поздно, на югъ и онъ, Николай Андреевичъ, сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы это скорѣе осуществилось.

Дѣти часто прихварываютъ въ Петербургѣ, но лѣтомъ въ Царскомъ-Селѣ и Петергофѣ поправляются.

О новомъ Государѣ онъ сказалъ, что онъ чаруетъ всѣхъ, кто только къ нему приближается и что, во всю длинную дорогу на почтовыхъ объ Москвы, онъ заботился объ удобствахъ всѣхъ своихъ спутниковъ.

Къ концу ужина Николай Андреевичъ сказалъ, что завтра въ 8 час. утра онъ долженъ ѣхать во дворецъ, чтобы сопровождать Государя, и просилъ маму предоставить ему ея пару въ коляскѣ, на время пребыванія Государя въ Николаевѣ.

Я не утерпѣлъ. Когда мы возвращались къ себѣ, послѣ ужина, я подбѣжалъ къ окну, гдѣ жилъ кучеръ Николай, со своей Мариной, почти рядомъ съ экипажнымъ сараемъ, и постучался къ нимъ. Было не поздно и они еще не ложились.

Я сообщилъ Николаю то, что слышалъ за ужиномъ, но, оказалось, что онъ былъ уже предупрежденъ Иваномъ, которому мама шепнула передать приказаніе Николаю быть въ 8 час. утра готовымъ подать коляску адмиралу.

Бесѣдуя съ Николаемъ, я поинтерессовался: а царя кто-же повезетъ?

Мнѣ казалось, что наша пара, а особенно „Мишка", вполнѣ заслуживаютъ подобной чести; притомъ же я зналъ, что у Глазенапа (главнаго командира) пара весьма неказистая; жена его боялась шибкой ѣзды и лошадей онъ держалъ наемныхъ.

Оказалосъ, что не менѣе меня, Николай былъ озабоченъ этимъ вопросомъ, хотя отчасти былъ уже освѣдомленъ.

Онъ слыхалъ, что „подъ царя" полицеймейстеръ намѣтилъ пару „откупщика", который на весь городъ кичился своимъ „выѣздомъ", недавно ему изъ Москвы доставленнымъ.

Объ его парѣ Николай былъ мнѣнія средняго. Онъ признавалъ, что видные караковые жеребцы статьями „хорошо собраны", но „ногами много зря кидаютъ" т. е. идутъ красиво, но далеко не ходко; кромѣ того онъ отмѣчалъ, что они „тамбовскіе" и кони „сырые".

Для государевой свиты, какъ вызналъ Николай, лошади были набраны больше у извощиковъ, которые въ тѣ времена въ Николаевѣ были сплошь парные и очень хорошіе. Нѣкоторые извощики, напримѣръ Федоръ, Васько и Абдулла, своими выѣздами и своимъ кучерскимъ облаченіемъ, ничуть не уступали „собственнымъ".

Просыпался я, обычно, часу въ десятомъ утра, а тутъ просилъ Марину разбудить меня на утро въ семь, пока еще всѣ въ домѣ спали. Черезъ полчаса я былъ уже въ сараѣ, гдѣ Николай и Марина заканчивали запряжу.

На лошадяхъ была новая, съ „золотымъ наборомъ“, сбруя, которая надѣвалась только въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ; гривы, чолки и хвосты у лошадей лежали пышно и волнисто, видно было, что Николай заплелъ ихъ съ вечера.

Самъ Николай обрядился также во все новое, что надѣвалось только въ самые большіе праздники и еще когда его отпускали ѣхать „подъ молодыхъ“, на свадьбы. Выглядѣлъ онъ совсѣмъ кучеромъ съ картинки.

Раньше, чѣмъ взобраться въ своемъ длинноломъ армякѣ на козлы, онъ приподнялъ свою, блестящую новизной „шелковую“ шляпу и трижди набожно перекрестился.

Когда Иванъ съ крыльца гаркнулъ „кучеръ, подавай“, ворота сарая распахнула Марина и Николай, малой рысью, подалъ къ крыльцу.

Я не утерпѣлъ, забѣжалъ въ садъ, откуда могъ, оставаясь незамѣченнымъ, глядѣть, какъ будетъ садиться въ нашу коляску, чтобы ѣхать къ государю, Николай Андреевичъ.

Онъ вышелъ съ параднаго крыльца въ мундирѣ, съ красной лентой черезъ плечо, въ треуголкѣ на головѣ и въ накинутой на плечи длинной сѣро-голубоватой шинели.

Изъ всѣхъ оконъ дворня уставилась на него.

Онъ поздоровался съ Николаемъ, котораго зналъ раньше, когда не уѣзжалъ еще въ Петербургъ.

Николай не оробѣлъ нисколько, а чинно отвѣчалъ ему „здравія желаю“ и еще спросилъ о здоровьи барыни Софіи Петровны и всѣхъ дѣтокъ, на что получилъ ласковый отвѣтъ, что всѣ, „слава Богу, благополучны“.

Какъ разъ въ это время входилъ въ ворота, возвращаясь съ своей первой, ранней утренней прогулки, адмиралъ Александръ Дмитріевичъ, въ своей люстриновой сѣрой накидкѣ и въ форменной высокой фуражкѣ прежняго образца.

Контрастъ обличія „двухъ адмираловъ“ мнѣ показался разительнымъ.

Николай Андреевичъ первый привѣтствовалъ отставного адмирала, называя его „вашимъ превосходительствомъ“ и протянулъ ему руку; тотъ пожалъ ее, назвавъ его также „вашимъ превосходительствовмъ“, но обмѣнялся всего двумя — тремя короткими фразами и быстро прошелъ въ свой флигель.

Когда Николай Андреевичъ, поддерживаемый Иваномъ, оправившимъ сзади его шинель, сѣлъ въ коляску и Николай тронулъ лошадей и выѣхалъ за ворота, я изъ сада тотчасъ-же юркнулъ на крыльцо къ Ивану.

— За царемъ тоже не всякій поспѣетъ... Ну, этотъ поспѣвать можетъ! — промолвилъ онъ, весь погруженный въ созерцаніе опустѣвшихъ, широко открытыхъ воротъ.

Кого имѣло въ виду это восклицаніе Ивана, я не понялъ. Разумѣлъ-ли онъ „царскаго адъютанта“, или нашего кучера Николая, съ его ходкой парой, осталось для меня, да можетъ быть и для него самого, тайной.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Государь пробылъ три дня въ Николаевѣ.

Былъ спускъ новаго парового судна, осмотръ адмиралтейства и флотскихъ казармъ, обсерваторіи, штурманскаго училища и вновь выстроенныхъ „инвалидныхъ домиковъ“, вдоль одной изъ дорогъ „Лѣсковъ“, для севастопольскихъ увѣчныхъ героевъ, и т. д.

Былъ большой смотръ войскамъ на лагерномъ полѣ и два парадныхъ бала, одинъ въ Морскомъ Собраніи, въ прекрасномъ „мраморномъ зало“ для вечеровъ, другой — въ помѣщеніи Купеческаго Собранія, отъ Херсонскаго дворянства, куда было приглашено и именитое городское купечество.

Мамы и дяди Всеволода въ эти дни мы почти не видѣли; они, а съ ними вмѣстѣ кузины Люба и Леля бывали всюду, гдѣ былъ царь.

Насъ на бабушкиныхъ лошадяхъ повезли только на смотръ войскъ, но, за пылью, не только царя, но и вообще чтобы то ни было трудно было разглядѣть.

Николай Андреевичъ только едва поспѣвалъ переодѣваться то въ свитскую, то въ морскую форму. Онъ отпускалъ Николая на нѣсколько часовъ домой и приказывалъ къ такому-то часу вновь „подать“ туда, или сюда.

Завтракалъ и обѣдалъ онъ, большей частью, во дворцѣ, а разъ и ночевалъ тамъ, когда былъ „дежурнымъ генераломъ“.

Само собою разумѣется, что каждый разъ, когда Николай въѣзжалъ шагомъ во дворъ, на запотѣлыхъ лошадяхъ, я спѣшилъ ему на встрѣчу.

Бѣдному Мишкѣ и Черкесу, было ясно, доставалось очень. Черкесъ уже къ концу второго дня сталъ замѣтно „спадать съ тѣла“.

И было два событія, касавшіяся Николая и его пары, которыя неизгладимо врѣзались у меня въ памяти.

Первое имѣло мѣсто къ вечеру второго дня. Я засталъ Николая въ сараѣ; онъ вырѣзывалъ, острымъ ножикомъ, узкій длинный ремешокъ и сталъ налаживать его на валявшееся раньше гдѣ-то въ углу тонкое кнутовище.

Я чуть не ахнулъ, такъ какъ зналъ хорошо, что Николай никогда не имѣлъ при себѣ кнута. Наладивъ его, онъ подложилъ его подъ кучерское сидѣнье.

„На случай“ — объяснилъ онъ мнѣ, — опасаюсь, какъ-бы Черкесъ не сталъ „сдавать“; за Мишку онъ былъ еще совершенно спокоенъ.

Второе событіе было еще знаменательнѣе, еще важнѣе.

На слѣдующій день, когда Николай, послѣ смотра парада, въѣхалъ во дворъ, разыгралась такая сцена.

Осадивъ лошадьми экипажъ въ сарай, онъ молча слѣзъ съ козелъ, всталъ на колѣни на подножку коляски и, снявъ шляпу, истово перекрестился, а затѣмъ набожно приложился губами къ сидѣнью коляски съ правой ея стороны.

Марина и я остолбенѣли.

Невольно мелькнула мысль, не рехнулся-ли Николай, или не напился-ли онъ.

Но скоро все объяснилось.

Царь проѣхалъ въ его коляскѣ отъ самаго лагернаго поля до дворца. Выходя у подъѣзда изъ экипажа, онъ даже, случайно, коснулся его плеча.

Надо было видѣть мое и Марины растерянное изумленіе и лицо самого Николая, съ увлаженными умиленнымъ восторгомъ глазами.

Вышло, по его словамъ, это такъ: крики-ли толпы, или необычайная обстановка смотра, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, напугали „откупщицкую пару“, только кучеръ не смогъ никакъ подать лошадей во время къ Государевой ставкѣ. Тогда Николай Андреевичъ и полицеймейстеръ приказали подать Николаю.

Рядомъ съ государемъ сѣлъ не нашъ адмиралъ, а какой-то, еще болѣе важный, генералъ, котораго величали „сіятельствомъ“, и съ которымъ государь всю дорогу разговаривалъ „непонятно“ не по русски.

Среди безконечныхъ кликовъ „ура“, лошади только бодрились и онъ, Николай, домчалъ государя „въ лучшемъ видѣ“.

Вѣсть объ этомъ необыкновенномъ событіи скоро облетѣла весь нашъ дворъ и люди, поочередно, заходили въ сарай поглядѣть на то мѣсто, гдѣ посидѣлъ государь.

Домашнихъ я всѣхъ тотчасъ-же оповѣстилъ и даже сбѣгалъ въ неурочное время къ самой бабушкѣ, чтобы повѣдать и ей о столь необычномъ для нашего Николая счастьѣ.. Къ моему удивленію она осталась равнодушна.

Правда, она не любила Николая и не прощала мамѣ, что та не дала его наказать, въ свое время, когда онъ вывернулъ ее на тумбѣ.

Но потомъ я еще замѣтилъ, что и „новаго царя“ она не такъ почитала, какъ недавно умершаго, по которомъ очень долго носила трауръ.

За то всѣ остальные въ домѣ раздѣляли вполнѣ гордость Николая и о новомъ царѣ иначе, какъ восторженно, не отзывались.

Николай Андреевичъ, ужинавшій въ тотъ день съ нами, передъ баломъ въ Морскомъ Собраніи — (у бабушки обѣдали въ часъ и ужинали въ половинѣ восьмого), пояснилъ, что съ государемъ, въ нашей коляскѣ, ѣхалъ графъ Адлербергъ и что Николай получитъ „царскіе часы“, т. е. часы съ двуглавымъ орломъ на верхней крышкѣ.

Уѣзжалъ государь на военномъ пароходѣ „Тигръ“, кажется, черезъ Одессу въ Севастополь.

Пароходъ долженъ былъ отвалить въ Спасскѣ не отъ той пристани, гдѣ приставали коммерческіе пароходы, а отъ пристани, нарочито сооруженной на Стрѣлкѣ, разцвѣченной флагами и ленью.

Командовалъ „Тигромъ“ маминъ знакомый, капитанъ Шмидтъ и мы съ мамой стояли очень удобно на самой пристани, рядомъ съ его красавицей женой, Юліей Михайловной. Тутъ было много разряженныхъ дамъ, нѣкоторыя, какъ наша мама, были со своей дѣтворой.

У насъ, да и почти у всѣхъ стоявшихъ на пристани, были въ рукахъ букеты цвѣтовъ, перевязанные трехцвѣтными ленточками.

Стройный красавецъ, выше всѣхъ его окружавшихъ, больше чѣмъ на полголовы, государь шелъ ровно, медленно, отвѣчая на всѣ привѣтствія.

Мы бросали къ его ногамъ букеты, бывшіе у насъ въ рукахъ, когда онъ шелъ по пристани, а онъ, словно въ тактъ покачивая во всѣ стороны головой, ласково картавилъ какую-то благо-

дарность. Я ясно слышалъ только слова „милыя дѣти“, а что дальше еще на ходу онъ говорилъ — отъ меня ускользнуло.

Въ памяти моей до сихъ поръ еще жива вся его, точно изваянная, фигура на капитанскомъ мостикѣ, когда отчаливалъ пароходъ.

По сравненію съ окружавшими его, государь казался мнѣ божественно-стройнымъ, дивнымъ, неземнымъ существомъ.

Какъ-то грустно было возвращаться домой. Праздничное настроеніе разомъ упало.

Николай Андреевичъ также уѣхалъ съ государемъ.

Помню только сіяющее лицо Владиміра Михайловича Карабчевскаго, который, задержавъ дядю Всеволода, какъ только скрылся пароходъ, сказалъ ему: „уфъ, гора свалилась съ плечъ! Слава Богу, все прошло благополучно. Пріѣзжай (они были „на ты“) вечеркомъ на преферансикъ, я соберу кое-кого... Голова у меня, какъ котелъ, а тутъ еще Лиза не сегодня-завтра... Ты у меня будешь крестный, помни“!

Тутъ только я вспомнилъ, что эти дни „тети Лизы“ нигдѣ не было видно и на пристани она не провожала государя.

Я сталъ раздумывать о ней и грусть объ отъѣздѣ государя, какъ-то незамѣтно, перешла и на нее.

Мнѣ вдругъ стало ее жалко.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ пребыванія государя въ Николаевѣ были очень усилившіеся слухи о скоромъ отпускѣ „на волю“ всѣхъ дворовыхъ людей и объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Помню мама, съ кѣмъ-бы ни говорила, всегда прибавляла: „наконецъ-то, слава Богу, давно пора“.

При бабушкѣ, однако, объ этомъ вовсе не заговаривали, такъ какъ эти разговоры ее только разстраивали и худо дѣйствовали на ея здоровье.

Изъ дворовыхъ людей только „Степка-словесникъ“, какъ прозвала его Надежда Павловна, много разглагольствовалъ по этому поводу въ людскихъ и сталъ лѣнивъ и грубоватъ.

Иванъ, наоборотъ, сталъ внимательнѣе и услужливѣе прежняго и только, пуще прежняго, сталъ ,,представлять", т. е. передразнивать кого попало.

Кромѣ излишествъ по словесной части Степанъ (Степка) началъ давать волю и рукамъ; изъ дѣвичьей, то и дѣло, дѣвушки приходили съ жалобами къ Надеждѣ Павловнѣ: то Степка которую-нибудь ущипнулъ до синяка, то, по просту, далъ тумака, ни за что.

Разъ онъ проявилъ и грандіозное насиліе и мама должна была энергично вступиться за обиженную.

У Степана была сестра, Настя, молодая, очень благообразная и живая дѣвушка, числившаяся ,,вышивальщицей" среди другихъ рукодѣльницъ бабушкиной дѣвичьей.

Степанъ вѣчно ее ,,вычитывалъ", а иногда, въ качествѣ старшаго брата, куражился и давалъ ей, походя, подзатыльники.

Однажды всѣ услыхали отчаянныя вопли Насти въ дальнемъ, пустомъ сараѣ.

Иванъ, который, кромѣ своихъ военныхъ доблестей, былъ и добрый малый, прибѣжалъ къ мамѣ сообщить, что Степанъ ,,истязуетъ" Настю и уже отрѣзалъ ей косу.

Мама тотчасъ-же кинулась туда и, вслѣдъ затѣмъ, я увидѣлъ сцену, которая и сейчасъ жива передъ моими глазами.

Впереди шла мама, ведя за собою, за руку, плачущую навзрыдъ Настю, у которой, вмѣсто прежней густой косы, гладко лежавшей на ея спинѣ, коротко обрѣзанные волосы безпорядочно развѣвались въ разныя стороны. Сзади шелъ Степанъ, держа въ рукахъ отрѣзанную косу, бормоча что-то въ оправданіе свое и усиленно жестикулируя.

Вся дворня высыпала во дворъ и глазѣла на это зрѣлище.

Мама увела Настю къ себѣ, дала ей отдѣльную комнату, рядомъ съ кладовой и не велѣла больше возвращаться въ дѣвичью.

Бѣдная Настя еще долго хныкала въ своей коморкѣ и долго потомъ не выходила изъ нея иначе, какъ накрывъ голову платкомъ.

Послѣ все какъ-то хорошо для нея выяснилось и устроилось.

Мама имѣла большія объясненія съ бабушкой, которая сгоряча затѣяла было сослать Настю въ деревню ,,пасти свиней".

Но, мама не уступила и затѣяла цѣлое разбирательство, причемъ всѣ въ домѣ ,,говорили за Настю" и противъ Степана.

Наконецъ всѣмъ стало ясно, что она ни въ чемъ не провинилась.

Если она иногда и выбѣгала за ворота пройтись по бульварчику, передъ домомъ, что бы перекинуться парою—другою словъ съ подмастерьемъ ближайшаго „золотыхъ дѣлъ мастера и часовщика“, то это былъ доподлинно ея женихъ, который имѣлъ намѣреніе на ней жениться, какъ только она получитъ вольную и обстоятельства это позволятъ.

Кончилось дѣло тѣмъ, что Настя осталась совсѣмъ у нашей мамы, въ качествѣ ея личной горничной. Коса ея; по немногу, отросла, а жениху Насти было позволено изрѣдка навѣщать ее.

Впослѣдствіи (уже послѣ смерти бабушки) Настя уже „вольная“ служила нѣкоторое время у мамы, была ей очень предана и, когда ея женихъ открылъ, наконецъ, собственную мастерскую, благополучно вышла за него замужъ.

Она была большая искусница и, когда мамѣ нужно было спѣшно „освѣжить“ вечернее платье, или нашить на него цвѣты, или „перешить“ что-нибудь, она всегда звала Настю.

Настя была бездѣтна, жила неподалеку и, когда мама собиралась куда нибудь на балъ, или на парадный обѣдъ, всегда прибѣгала ее причесать и помочь одѣться.

Послѣ отъѣзда Государя также прошелъ слухъ, касавшійся моего и сестры дальнѣйшаго ученія. Говорили, что Штурманское училище, имѣвшее весьма печальную репутацію, будетъ скоро упразднено и въ томъ-же зданіи откроется семиклассная мужская гимназія, а въ казенномъ зданіи, противъ самаго дворца, — женская.

До тѣхъ поръ въ Николаевѣ было только два уѣздныхъ училища — мужское и женское, но они не пользовались доброй славой. — По словамъ домашнихъ, онн были не для насъ; тамъ учились только „слободскіе“.

Было еще „Дѣвичье училище морского вѣдомства“, для дочерей нижнихъ чиновъ флота; тамъ преимущественно занимались шитьемъ и вышиваніемъ и оно славилось своими рукодѣліями.

Въ общемъ, какъ говорили, Государь остался доволенъ своимъ пребываніемъ въ Николаевѣ и былъ все время въ отличномъ расположеніи духа.

Адмиралъ Глазенапъ и полицеймейстеръ Карабчевскій удостоились Высочайшей благодарности, чуть-ли не наградъ за образцовый порядокъ въ городѣ.

Въ области наиболѣе для меня близкой проѣздъ Государя не имѣлъ столь утѣшительныхъ послѣдствій.

„Черкесъ“ захворалъ, началъ кашлять и спадать съ тѣла.

Его еще запрягали, но это была уже не та лошадь; вывозилъ одинъ Мишка. Черкесъ протянулъ кое-какъ зиму и весноюо палъ.

Пришлось подбирать въ пару къ несокрушимому Мишкѣ новую лошадь и это сопровождалось многими неудачами и разочарованіями.

Наконецъ, купили у отъѣзжавшаго на службу въ Петербургъ начальника морского штаба Б. подходящую по росту и масти лошадь, вороного жеребца „Орла“, но онъ оказался съ „колеромъ“, съ мѣста иногда закидывался и, только благодаря выдержкѣ Мишки, на немъ можно было ѣздить въ парѣ; въ одиночку-же онъ „никакъ не пошелъ“.

Съ Николаемъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Государя, тоже пошли неблагополучія.

Первое время онъ ходилъ, ногъ подъ собой не чуя, и велъ себя очень чинно, аккуратно, и только по праздникамъ носилъ царскій подарокъ, часы съ двуглавымъ орломъ.

Но, вдругъ, „его прорвало“, онъ не выдержалъ заклятья не пить и запилъ, да такъ, словно хотѣлъ наверстать потерянное.

Послѣ двухъ дней запоя, забравшись на кучу песка во дворѣ, онъ всю ночь кричалъ благимъ матомъ что-то несуразное. Весь домъ поднялъ на ноги; хорошо, что бабушки уже не было въ городѣ.

На утро на телѣгѣ, запряженной Мишкой, свезли его въ госпиталь. Хныча и причитая, его отвозила Марина съ дворникомъ Степакомъ, длиннымъ верзилою, съ приплюснутымъ носомъ, привозившимъ каждый день на волахъ спасскую воду въ огромной бочкѣ и убиравшимъ дворъ.

Я видѣлъ, какъ увозили со двора Николая, который, лежа на самомъ днѣ телѣги на соломѣ, не то стоналъ, не то бормоталъ что-то.

Очень трогательнымъ, мнѣ казалось, что именно Мишка, котораго онъ такъ любилъ, везетъ его въ больницу.

Оправился Николай и вернулся домой довольно скоро, но замѣтно измѣнился съ тѣхъ поръ. Въ лицѣ онъ осунулся и пожелтѣлъ, сѣдина стала замѣтна въ его аккуратной, козлиной бородкѣ.

Пить онъ, повидимому, вовсе пересталъ, но началъ кашлять и жаловаться на боли въ груди.

Онъ протянулъ еще нѣсколько лѣтъ и умеръ отъ чахотки, когда я уже кончалъ гимназію и у меня была уже собственная лошадь „Арабчикъ“, на которой я ѣздилъ и верхомъ, и въ легкомъ кабріолетѣ.

„Мишка“ былъ живъ и тогда, но постарѣлъ и отяжелѣлъ, хотя, по прежнему, несмотря на возрастъ, оставался лошадью безъ пороковъ.

Когда Н. А. Араксъ пріобрѣлъ отъ бабушки имѣнье „Богдановку“ и когда уже самой бабушки въ живыхъ не было, мама отправила „Мишку“ въ Богдановскую конюшню доживать свой вѣкъ, безъ работы, и ходить съ табуномъ на свободѣ.

Я видѣлъ его тамъ и трогательно съ нимъ простился, уѣзжая въ Петербургъ, въ университетъ.

„Мишка“ честно и славно прожилъ свой лошадиный вѣкъ и мирно опочилъ, когда ему шелъ уже третій десятокъ лѣтъ.

Я получилъ объ этомъ вѣсть въ Петербургѣ въ письмѣ мамы, которая не забыла извѣстить меня объ его кончинѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Мнѣ шелъ десятый годъ, а сестрѣ двѣнадцатый, когда слухи о двухъ гимназіяхъ, учреждаемыхъ въ Николаевѣ, приняли характеръ достовѣрности.

Открытіе ихъ предполагалось ровно черезъ годъ, съ будущей осени.

Маму сталъ волновать вопросъ о нашемъ дальнѣйшемъ образованіи. Она еще не рѣшила: поступимъ-ли мы въ гимназію, или только воспользуемся гимназическими учителями для уроковъ на дому?

Во французскомъ языкѣ и во всемъ намъ преподаваемомъ mademoiselle Clotilde мы были довольно сильны и подвинулись очень, но русскій языкъ былъ, поневолѣ, въ загонѣ.

Въ городѣ не находилось подходящаго предподавателя.

Какъ разъ въ это время, директоромъ уѣзднаго училища, съ цѣлью его преобразованія, было назначено новое лицо, о которомъ по городу стали ходить самые благопріятные слухи.

Говорили, что это вполнѣ образованный, окончившій курсъ Одесскаго лицея, молодой человѣкъ, имѣвшій, однако, уже нѣкоторый опытъ въ качествѣ преподавателя русскаго языка въ Одесскомъ Институтѣ для благородныхъ дѣвицъ.

Начальница института писала о немъ мамѣ и очень расхваливала его.

Звали его Григоріемъ Яковлевичемъ Тумило-Денисевичемъ.

Въ самомъ зданіи училища онъ имѣлъ квартиру и жилъ тамъ холостякомъ, отчасти оригиналомъ.

Уроженецъ Крыма, онъ былъ страстнымъ любителемъ верховой ѣзды и, какъ говорили, привелъ съ собою двухъ замѣчательныхъ крымскихъ иноходцевъ.

Мало того, увѣряли, что онъ не держитъ никакой прислуги, кромѣ подростка-татарченка для комнатныхъ услугъ, ходитъ самъ за своими лошадьми и самъ-же, когда вздумается, готовитъ себѣ кушанья въ изобрѣтенномъ имъ, особаго устройства, самоварѣ, раздѣленномъ внутри на нѣсколько отдѣленій.

Съ этимъ самоваромъ и съ парою лошадей, съ одною для вьюка и другою подъ верхъ, онъ объѣздилъ весь горный Крымъ, побывалъ и въ горахъ Кавказа.

Мама рѣшилась написать ему и пригласить для уроковъ, хотя и слышала, что онъ уклоняется принимать подобныя предложенія, такъ какъ, будучи не безъ личныхъ средствъ, не ищетъ частныхъ занятій. Пошелъ онъ въ уѣздное училище, не желая оставаться празднымъ и, по убѣжденію, надѣясь быть полезнымъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Намъ посчастливилось: отъ Григорія Яковлевича получилось согласіе.

Было условлено, что въ такой-то день, послѣ трехъ часовъ, когда кончаются занятія въ училищѣ, онъ явится къ намъ.

День этотъ насталъ и былъ сѣренькій, дождливый.

Мама приказала Николаю запречь карету, въ которой дѣлала визиты и выѣзжала на вечера, и послала ее за нашимъ будущимъ учителемъ, такъ какъ училище отстояло довольно далеко.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали, когда Николай въѣдетъ во дворъ, но онъ долго не возвращался.

Стали сомнѣваться, не напуталъ-ли онъ чего, и выслали Ивана поглядѣть съ улицы, не видать-ли кареты.

Я выскочилъ вслѣдъ за нимъ на улицу, а, затѣмъ, вызвалъ скоро и всѣхъ домашнихъ, такъ какъ то, что я, наконецъ, увидѣлъ, повергло меня въ крайнее изумленіе.

Николай ѣхалъ шагомъ, ближе къ краю улицы, а, почти рядомъ съ нимъ, шелъ пѣшкомъ съ зонтикомъ въ рукахъ, въ лѣтней разлетайкѣ, въ круглой, мягкой, черной шляпѣ, сухощавый, довольно высокаго роста господинъ, съ небольшой темной бородой и довольно длинными волосами, развѣвавшимися изъ подъ шляпы.

Прежде всего мы подумали, что съ экипажемъ что-нибудь приключилось, а потому озабоченно встрѣтили шествовавшаго рядомъ съ каретой господина.

Онъ вѣжливо снялъ шляпу и, улыбаясь, на разспросы мамы, сказалъ, что ровно ничего не случилось, что онъ давно отпустилъ кучера, такъ какъ его напрасно безпокоили, что въ каретѣ онъ ѣздить не привыкъ и, вообще, экипажъ за нимъ посылать совершенно не надо.

Все это говорилъ онъ просто, безъ рисовки.

Говоръ его былъ тихій, ровный и отличался какою-то задушевною мягкостью. Въ глазахъ его, пока онъ добордушно объяснялъ, какъ Николай не пожелалъ уѣхать, а, шагъ за шагомъ, слѣдовалъ за нимъ, опасаясь, вѣроятно, чтобы „учитель на первыхъ-же порахъ не сбѣжалъ", забѣгали веселые огоньки, а когда мама подивилась его оригинальному упорству, Григорій Яковлевичъ, стоя передъ мамой на крыльцѣ, безъ шляпы, принялъ всей своей фигурой такое смиренно-комическое выраженіе, какъ будто хотѣлъ сказать: „извините, но ужъ таковъ уродился!"

Уроки наши съ нимъ пошли успѣшно, начавшись какъ-то совсѣмъ для насъ незамѣтно.

Исторію (пока древнюю) онъ разсказывалъ намъ такъ интересно и иногда забавно, что мы, съ сестрой, жалѣли, когда урокъ кончался.

Наизусть онъ ничего „не задавалъ" намъ учить; да мы уже съ mademoiselle Clotilde научились передавать своими словами то, что прочитывали.

Стихи онъ любилъ и просилъ выучить нѣкоторые Пушкина, Лермонтова и Тютчева.

Самъ онъ читалъ ихъ очень хорошо, также какъ и прозу. Мама всегда приходила послушать, когда онъ читалъ намъ изъ Пушкина или Гоголя.

Меня онъ очень пріохотилъ къ чтенію и изъ маминаго книжнаго шкафа, гдѣ былъ весь Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь, я постоянно утаскивалъ какой-нибудь томъ, чтобы почитать на ночь, раньше чѣмъ заснуть.

Разъ такъ начитался Гоголевскаго „Вія", что всю ночь трусилъ и спалъ тревожно. Вообще „ночные страхи" были мнѣ не чужды, иногда я долженъ былъ укрываться съ головой, чтобы уйти отъ чего-то незримаго, отъ какого-то таинственнаго міра, проявляющаго свое присутствіе вокругъ насъ именно ночью. Чтеніе втихомолку первой попавшейся книжки не мало способствовало такому настроенію. Одно время я просто боялся „тем-

ноты“ и не рѣшился бы войти въ неосвѣщенную комнату. Темноты же на воздухѣ, когда на небѣ всетаки свѣтили звѣзды, я нисколько не боялся.

Личное мое „пріятельство“ съ Григоріемъ Яковлевичемъ весьма скоро установилось на вполнѣ прочныхъ основаніяхъ.

Достаточно сказать, что въ началѣ онъ приходилъ къ намъ на уроки пѣшкомъ, а, когда ближе познакомился въ домѣ, гдѣ его всѣ полюбили, сталъ пріѣзжать верхомъ, то на сѣромъ иноходцѣ, то на золотисто-гнѣдой, живой и граціозной, какъ лань, кобылѣ „Джальмѣ“.

Въѣдетъ, бывало, шажкомъ во дворъ, такъ что не услышишь, привяжетъ лошадь у рѣшетки сада и идетъ прямо въ классную, въ своемъ обыкновенномъ одѣяніи, безъ крагъ, или ботфортовъ на ногахъ, даже безъ штрипокъ у брюкъ.

Я какъ-то не утерпѣлъ, спросилъ его: можно-ли безъ этихъ аксессуаровъ ѣхать верхомъ на лошади? Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ: „кто умѣетъ ѣздить, тому можно.“

Николай, конечно, тотчасъ-же убиралъ лошадь подъ навѣсъ, или въ конюшню, отпускалъ подпруги и подкидывалъ свѣжаго сѣна; овса Григорій Яковлевичъ, разъ навсегда, просилъ не давать, разъ лошадь еще, такъ сказать, на ходу.

Не трудно догадаться, насколько велико было мое увлеченіе спортсменствомъ Григорія Яковлевича и какъ я облюбовалъ его, — какъ онъ ихъ называлъ, — „лошадокъ“.

Велико было мое торжество, когда онъ однажды усадилъ меня на своего сѣраго иноходца и я три раза объѣхалъ на немъ вокругъ двора, причемъ никто меня не держалъ и никто не велъ лошадь подъ уздцы.

На „Джальму“ онъ не совѣтовалъ мнѣ, пока, садиться, такъ какъ она была черезъ чуръ живая, подвижная, и, пока на нее садились, безпокойная; но на сѣромъ я ѣздилъ каждый разъ и, подъ конецъ, сталъ выѣзжать на немъ даже одинъ на улицу.

Побывалъ я и въ гостяхъ у Григорія Яковлевича и видѣлъ, какъ онъ и его татарченокъ, ходятъ за лошадьми.

Конюшня была крошечная и онѣ стояли, большею частью, подъ небольшимъ навѣсомъ, гдѣ яслей вовсе не было, а задавали имъ овса въ шерстяныхъ „крымскихъ торбахъ“, которыя надѣвались имъ на морды.

Лошади были смирныя, ласковыя, только Джальма была ужъ очень любопытна, на всѣхъ оглядывалась и ушки ея все время двигались, какъ живыя. Казалось, что это какіе-то про-

ворные, съ чудной шерсточкой, звѣрьки, совсѣмъ отъ нея отдѣльные.

Самъ Григорій Яковлевичъ жилъ скромно, въ двухъ комнатахъ; остальная часть квартиры была „заколочена".

Онъ угощалъ меня чаемъ съ сладкими пирожками. Демонстривовалъ и свой знаменитый самоваръ, что доставляло ему, видимо, удовольствіе.

По наружному виду это былъ обыкновенный самоваръ среднихъ размѣровъ, который могъ помѣститься въ одну изъ „торбъ" вьюка, перекидываемаго позади сѣдла. Внутри-же онъ былъ раздѣленъ глухими, луженными перегородками на три неравныхъ части. Въ одномъ отдѣленіи можно было кипятить воду, молоко, вообще все, что потребуется. Въ другомъ варить яйца, зелень и всякую мелочь. Третье-же, самое помѣстительное отдѣленіе, предназначалось для варки борща, супа; туда могла войти цѣлая курица. На верхней-же канфоркѣ онъ приспособилъ небольшую сковородку и умудрялся кое-что на ней жарить, или дѣлать яичницу.

Была у него и особая длинная ложка — „черпакъ", въ формѣ лодочки съ высокими бортиками, чтобы ею извлекать то, что требовалось, изъ нѣдра этой своеобразной походной кухни.

Но это было еще не все, что я съ любопытствомъ разглядывалъ.

Одна изъ комнатъ его вся была завѣшена уздечками, чепраками, сѣдлами, хлыстиками и фигурными нагайками. Одну изъ кавказскихъ нагаекъ, легкую и изящную, онъ заставилъ меня отъ него принять.

На комодѣ его спальни я обнаружилъ еще нѣчто. Въ деревянномъ футлярѣ была скрипка и тутъ только оказалось, что онъ играетъ на скрипкѣ и увлекается этимъ занятіемъ.

Когда я разсказалъ обо всѣхъ этихъ чудесахъ дома, мама стала дразнить Григорія Яковлевича, увѣряя, что ему позавидовалъ-бы самъ Робинзонъ-Крузо, котораго мы съ мамой раньше читали.

Григорій Яковлевичъ, добродушно посмѣиваясь, объявлялъ, что онъ просто „цыганъ" по натурѣ и вообще человѣкъ „кочевой", рѣдко уживающіяся на одномъ мѣстѣ, и лѣтніе мѣсяцы обязательно проводитъ гдѣ-нибудь въ горномъ захолустьѣ.

Очень скоро Григорій Яковлевичъ совершенно „привился" въ нашемъ домѣ. Я, разумѣется, разболталъ о томъ, что у него есть скрипка, на которой онъ любитъ играть. И кончилось тѣмъ, что скрипка его появилась и у насъ въ домѣ и нерѣдко мама

играла на роялѣ, когда онъ игралъ на своей скрипкѣ, которая была ,,любительская", купленная гдѣ-то по случаю, очень пріятнаго тона.

Когда наше знакомство съ Григоріемъ Яковлевичемъ прочно установилось, мама съ нимъ и съ mademoiselle Clotilde стала серьезно обсуждать вопросъ: готовить-ли меня въ гимназію и въ какой классъ?

Гимназія предполагалась своеобразная — ,,реальная, но съ латинскимъ языкомъ", — въ разсчетѣ на возможность поступленія затѣмъ въ университетъ на всѣ факультеты, кромѣ филологическаго, гдѣ обязательно требовался и древне-греческій языкъ.

Такихъ гимназій, какъ я узналъ впослѣдствіи, на всю Россію было только двѣ; остальныя всѣ были ,,классическія".

Послѣ всесторонняго обсужденія было рѣшено, что до второго класса я подготовлюсь дома, что будетъ не трудно, когда съѣдутся всѣ гимназическіе учителя.

У мамы, и въ этомъ ее очень поддерживала mademoiselle Clotilde, была мечта, чтобы высшее образованіе я получилъ въ Англіи.

Она находила, что весь складъ воспитанія англійской молодежи вырабатываетъ характеры и готовитъ къ жизни.

Григорій Яковлевичъ не раздѣлялъ этого мнѣнія, онъ находилъ, что сейчасъ для русскаго слишкомъ много дѣла въ Россіи и что обсобляться чужеземными вліяніями не слѣдуетъ. Стать ,,чужимъ" для Россіи онъ считалъ преступленіемъ.

Агломанство мамы, отчасти, зародилось подъ вліяніемъ Николая Андреевича Аркаса, который, поживъ нѣкоторое время въ Англіи и усвоивъ языкъ, любилъ подчеркивать преимущество тамошнихъ порядковъ.

Григорій Яковлевичъ Денисевичъ (въ обиходѣ онъ отбрасывалъ свое ,,Тумило") все чаще и чаще оставался у насъ послѣ урока къ вечернему чаю и, чувствуя себя уютно, велъ охотно долгія бесѣды.

Онъ былъ вполнѣ освѣдомленъ относительно хода работъ по крестьянской реформѣ и любилъ также говорить о предстоящей реформѣ судебной.

Онъ говорилъ, что какъ только послѣдняя осуществится, онъ броситъ ,,учительствовать" и перейдетъ въ судебное вѣдомство, на что даетъ ему право его лицейскій дипломъ.

Когда рѣчь объ этомъ заходила въ присутствіи Клотильды Жакото, которая уже отлично понимала по русски, она всегда

предрекала мнѣ: „Nicole, tu sera avocat, tu a une langue bien pendue!“*)

Но я тогда тяготѣлъ совсѣмъ къ другому.

При моей страстной любви къ лошадямъ и верховой ѣздѣ, я мечталъ стать военнымъ и непремѣнно каваллеристомъ. Но мама разочаровала меня, говоря: „надѣюсь, ты поумнѣешь и поймешь, насколько нелѣпо, въ наше время, подобное желаніе.“

Мнѣ бывало больно это слушать, но маминъ авторитетъ былъ страшно силенъ въ моихъ глазахъ.

Мама считалась умной и передовой женщиной; объ этомъ знали всѣ въ городѣ, знали также и то, что дѣтей своихъ она „ведетъ образцово“ и что, ради нихъ, она поставила крестъ на своей личной жизни.

Объ этомъ нерѣдко напоминала намъ и mademoiselle Clotilde, говоря: „croyez moi bien, que ce n'est pas chaque jour, qu'on trouve une mère pareille!“**)

Сама она въ послѣднее время какъ то перестала вспоминатъ и не любила говорить о своей семьѣ, т. е., вѣрнѣе, о своей матери. Лишь сгоряча, послѣ одного полученнаго ею изъ дома письма, она съ возмущеніемъ сказала мамѣ, что ея мать, несмотря на взрослыхъ дѣтей, вторично вышла замужъ и что ея избранникъ даже моложе ея.

Своей матери она почти совсѣмъ перестала писатъ, но сестрѣ и братьямъ непосредственно стала посылать свои сбереженія, чтобы они могли докончить свое образованіе.

Теперь она болѣе широко могла помогать имъ, такъ какъ, занимаясь съ нами только въ утренніе часы, имѣла много свободнаго времени для частныхъ уроковъ въ городѣ, къ чему ее вполнѣ поощряла мама.

Она была неутомима и во всякую погоду съ большимъ зонтикомъ въ рукахъ, всегда пѣшкомъ, вымѣривала десятки верстъ втеченіе дня.

Ее приглашали на расхватъ, такъ какъ ея репутація, какъ учительницы, стояла очень высоко.

Она даже подумывала о томъ, не выписать-ли свою младшую сестру Луизу, которой нашлось-бы, черезъ край, работы въ Николаевѣ.

---

*) Николь ты будешь адвокатомъ, у тебя хорошо привѣшенъ языкъ.
**) Вѣрьте мнѣ, не каждый день можно видѣть подобную мать!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Въ послѣднее время — (за годъ до своей смерти) бабушка стала часто хворать. Она сдѣлалась очень раздражительной и замкнутой. Часто не выходила къ обѣду и вовсе не появлялась къ ужину. Изъ прислуги никто не имѣлъ къ ней доступа. Только Фекла и Фіона разносили по дому вѣсть о ея настроеніяхъ и самочувствіи.

Лѣчилъ и навѣщалъ ее почти ежедневно „Доминикичъ", потерпѣвшій аффронтъ, въ качествѣ оператора, у адмирала Александра Дмитріевича. Внѣ этой спеціальности, онъ считался искуснымъ врачемъ и имѣлъ большую практику въ городѣ.

Кромѣ страсти „что-нибудь порѣзать", о чемъ я уже упоминалъ, у него была и страсть побалагурить и отпустить иносказательное словечко.

На разспросы мамы относительно бабушкинаго здоровья, онъ никогда не отвѣчалъ вполнѣ серьезно и просто.

Отвѣты бывали въ такомъ родѣ: „безъ нетерпѣнія ожидаемъ 78-ой годочекъ", или „пока крѣпостныя души при насъ, — и душа при насъ", а не то еще: „при Николаѣ Павловичѣ жилось полегче".

Въ сущности всѣ эти словечки были очень мѣтки, такъ какъ всѣ знали, что бабушку совершенно замучили слухи о предстоящей „волѣ", о которой она слышать не хотѣла.

На лѣто „Доминикичъ" ей предписалъ полный покой и совѣтовалъ вовсе не заниматься хозяйствомъ, но она, обозвавъ его сумасшедшимъ, пуще прежняго стала насѣдать на управляющаго, чтобы заведенный ею въ Кирьяковкѣ порядокъ ни въ чемъ не нарушался.

Съ домашними, даже съ мамой, она стала холодна, а подъ часъ, и раздражительна.

Въ городѣ къ ней сталъ часто наѣзжать на своей чалой, раскормленной одиночкѣ ея „стряпчій" Панасеенко, съ туго набитымъ портфелемъ подъ мышкой. Съ лицомъ, испорченнымъ оспой и съ бѣльмомъ на одномъ глазу, онъ, какъ-то, неожиданно появлялся и также неожиданно исчезалъ, не глядя по сторонамъ и никого не замѣчая.

Разъ мама остановила его на крыльцѣ и поинтересовалась узнать: какія у бабушки завелись дѣла?

Мама хорошо знала Панасеенко еще съ тѣхъ поръ, какъ, послѣ смерти отца, ей пришлось „сдавать полкъ" новому полковому командиру, при чемъ она должна была приплатить довольно

значительную сумму. Всѣ переговоры по этому предмету велъ тогда Панасеенко.

Онъ не скрылъ, что бабушка все пишетъ завѣщанія, которыя рветъ на другой день. При этомъ онъ еще сообщилъ, что, по предложенію „его превосходительства Николая Андреевича" (Аркаса), рѣчь также идетъ о выкупѣ имъ въ собственность имѣнія Богдановки, состоящаго въ пожизненномъ ея владѣніи.

Главный наслѣдникъ, сынъ Петра Григорьевича, живущій въ Петербургѣ, по словамъ Панасеенко, уже „сошелся съ адмираломъ". Оставались еще только наслѣдницы въ четырнадцатыхъ доляхъ: тетя Соня и наша мама. „Съ вами, дастъ Богъ, тоже сойдутся"! — закончилъ онъ на прощаніе.

Само собою разумѣется, что только впослѣдствіи я понялъ смыслъ этой встрѣчи мамы съ Панасеенко. Мама, естественно, не посвящала насъ въ то время въ свои дѣловыя отношенія и денежныя дѣла.

Въ лѣто этого-же года Николай Андреевичъ Аркасъ со всей своей семьей ожидался на побывку въ Николаевъ.

Мама рѣшила ждать ихъ пріѣзда въ городѣ, чтобы, уже вмѣстѣ, ѣхать къ бабушкѣ въ Кирьяковку.

Мама очень любила тетю Соню; онѣ выросли вмѣстѣ и, до замужества, не разлучались.

Въ лѣтахъ между ними разница была совсѣмъ незначительная, тетя Соня всего на годъ была моложе нашей мамы.

Позднѣе, изъ разсказовъ ея я узналъ, какъ тетя Соня, неожиданно для всѣхъ, вышла замужъ за Николая Андреевича Аркаса.

Онъ настойчиво за нею „ухаживалъ" и нѣсколько разъ дѣлалъ ей предложенія, но она каждый разъ отказывала ему.

За то она сразу приняла предложеніе другого, тоже моряка, Ш-ва и свадьба должна была состояться тотчасъ по возвращеніи его изъ заграничнаго плаванія. Но, почти наканунѣ своего возвращенія изъ заграницы, онъ прислалъ невѣстѣ своей отказъ, мотивируя его тѣмъ, что чувства его измѣнились, а въ нихъ никто не воленъ.

Одновременно съ этимъ, не заѣзжая изъ Севастополя въ Николаевъ, онъ спѣшно перевелся въ Балтійскій флотъ.

Оскорбленная въ своемъ самолюбіи и въ своихъ чувствахъ дѣвушка поспѣшила выйти замужъ за своего неизмѣннаго претендента, какимъ былъ и оставался Николай Андреевичъ Аркасъ.

Въ оправданіе поступка Ш-ва, котораго всѣ, и мама въ томъ числѣ, считали вполнѣ порядочнымъ и крайне деликатнымъ

человѣкомъ, она всегда поясняла, что, какъ она узнала впослѣдствіи отъ ближайшихъ товарищей Ш-ва, и тутъ онъ поступилъ только благородно. Заграницей онъ какъ-то тяжело заболѣлъ, долженъ былъ предпринять длительное лѣченіе и не счелъ уже возможнымъ стать мужемъ горячо любимой имъ дѣвушки.

Любопытно отмѣтить, что Ш-въ занялъ впослѣдствіи очень высокое положеніе въ морскомъ вѣдомствѣ и очень способствовалъ служебной карьерѣ Н. А. Аркаса.

Но тетя Соня избѣгала съ нимъ встрѣчъ и никогда о немъ не говорила.

Опустѣвшій на лѣто бабушкинъ городской домъ былъ уже давно готовъ для встрѣчи дорогихъ гостей, когда, наконецъ, однажды, передъ закатомъ солнца, громоздкій дорожный экипажъ, невиданныхъ дотолѣ въ Николаевѣ размѣровъ, запряженный восмью почтовыми лошадьми, при двухъ форейторахъ, кромѣ кучера, въѣхалъ къ намъ во дворъ.

Мама и тетя Соня, тутъ-же, на крыльцѣ, замерли другъ у друга въ объятіяхъ. Обѣ были взволнованы, на глазахъ ихъ были слезы.

Затѣмъ стала сыпаться, изъ разныхъ угловъ вмѣстительнаго экипажа, дѣтвора разныхъ возрастовъ.

Младшій, Володя, былъ еще на рукахъ у няни. Старшіе два мальчика, Коля и Костя, были запылены, лица ихъ были въ причудливыхъ узорахъ. Соня, блѣдненькая дѣвочка лѣтъ пяти, выглядѣла одѣтой по дорожному куколкой.

Всѣ, видимо, были утомлены дальней дорогой. Одинъ Николай Андреевичъ въ бѣлой фуражкѣ и бѣломъ китель, выглядѣлъ свѣжимъ и бодрымъ.

Глядя на него, трудно было повѣрить, что ѣхали они на почтовыхъ отъ самой Москвы, почти безъ передышки.

Возня въ домѣ поднялась большая, пока все не наладилось и не вошло въ норму.

Съ козелъ спрыгнулъ бравый деньщикъ Николая Андреевича, матросъ гвардейскаго экипажа, которымъ, въ это время, командовалъ Аркасъ.

Вмѣстѣ съ Иваномъ и другими нашими людьми, онъ сталъ снимать огромную вализу, прикрѣпленную ремнями и винтами по верху крытой части дорожнаго ковчега, и другіе меньшихъ размѣровъ чемоданы и вализы, ютившіеся всюду, и подъ козлами, и подъ сидѣніями, и еще кожанный сундукъ, привинченный позади, между задними рессорами. И все это гдѣ-то умѣща-

лось, не считая ручныхъ саковъ, подушекъ и пледовъ, неизвѣстно откуда еще вынырнувшихъ въ догонку.

Дорожный ,,ковчегъ", достойный болѣе тщательнаго изученія, не могъ помѣститься въ сараѣ; его пришлось поставить подъ арковымъ навѣсомъ широкаго проѣзда, соединявшаго оба двора.

Онъ стоялъ тамъ, какъ нѣкое чудовище, привлекая вниманіе уличныхъ прохожихъ, когда днемъ ворота оставались открытыми.

Съ слѣдующаго-же дня я, съ Колей и Костей, облюбовали ,,ковчегъ" и мы часами играли въ этой необычайной колымагѣ ,,въ путешествіе".

По настоянію моихъ спутниковъ, я изображалъ Николая Андреевича — ,,папу"; Коля, мягкій и очень добрый по натурѣ, тетю Соню — ,,маму", а живой и непосѣдливый Костя — всѣхъ дѣтей вмѣстѣ взятыхъ, деньщика и даже няньку — при надобности.

Всѣ осложненія дальняго путешествія воспроизводились педантически, вплоть до окликовъ главы семейства на ямщиковъ, рева маленькаго Володи, котораго должна укачать нянька, и довольно мирныхъ пререканій супруговъ по поводу того или другого дорожнаго осложненія.

,,Ковчегъ" состоялъ изъ очень вмѣстительной кареты, шестимѣстнаго размѣра, съ выдвигавшимися на ночь сидѣніями для спанья такой ширины, что мы втроемъ могли лежать свободно на каждомъ изъ нихъ и оставалось еще мѣсто для четвертаго.

Козлы были широкія, обнесенныя по сидѣнію высокимъ кожаннымъ щитомъ, къ которому можно было прислониться задремавшему деньщику.

Но самымъ заманчивымъ былъ задній придатокъ къ каретѣ, въ видѣ высокаго ,,кэба", съ поднимающимся и опускающимся верхомъ. Онъ былъ выше самой кареты и на него надо было взбираться по тремъ подножкамъ; кожанный фартукъ, когда мы его застегивали, приходился выше Костинаго лба, а мнѣ и Колѣ доходилъ до половины носа.

Въ эту колымагу обычно запрягали восьмерикъ, но въ распутицу и въ гору приходилось еще припрягать лишнюю пару.

Путешествіе отъ Москвы длилось около двухъ недѣль. Когда у Володи бывали нелады съ желудкомъ, приходилось дѣлать остановки; въ Харьковѣ пришлось просидѣть два дня.

Впечатлѣнія отъ этой поѣздки у Коли и Кости были такъ живы и жизнерадостны, что я завидовалъ имъ, особенно когда

заходила рѣчь о томъ, какъ они, на перебой, рвались сидѣть въ „кэбѣ", а не въ духотѣ кареты.

Кромѣ тети Сони и Володи, всѣ пересидѣли въ немъ, на что была установлена очередь.

Недѣлю всѣ дѣти оставались съ нами въ городѣ и только тетя Соня съ мамой и Николаемъ Андреевичемъ, на другой-же день, съѣздили въ Кирьяковку къ бабушкѣ „на поклонъ", но скоро возвратились обратно.

Только отдохнувъ вполнѣ послѣ путешествія, тетя Соня со всей дѣтворой и Николаемъ Андреевичемъ и мама съ нами отправились въ Кирьяковку.

На этотъ разъ тамъ было весело, такъ какъ пришлось потѣсниться и быть всѣмъ вмѣстѣ.

Намъ — „мальчикамъ", отвели на верху „диванную" и мы всѣ трое спали на длинныхъ и узкихъ диванахъ, полукругомъ тянувшихся вдоль закругленной стѣны.

Кузина Соня, милая, но на видъ хрупкая дѣвочка, съ большими, точно испуганными или удивленными, глазами, заняла мою спальню, рядомъ съ сестрой Ольгой и mademoiselle Clotilde, которая приняла ее тотчасъ подъ свое покровительство, а Володѣ, съ няней, Надежда Павловна уступила свою отдаленную комнату, чтобы его плачъ или капризы не могли безпокоить бабушку.

Сама она устроилась съ нашей мамой, у которой была на верху своя неприкосновенная спальня; Николаю Андреевичу съ тетей Соней отвели комнату внизу въ аппартаментахъ самой бабушки.

„Парадныя" комнаты и на верху и внизу, по заведенному разъ порядку, должны были остаться неприкосновенными; благодаря чудной погодѣ всѣ даже по вечерамъ оставались на воздухѣ, располагаясь на террасѣ, и поэтому онѣ мрачно пустовали.

Изъ нашей „диванной" удобно было пройти на балконъ и мы, иногда уже раздѣтые, завернувшись въ простыни, пробирались туда, продолжая, втихомолку, какую-нибудь затѣянную игру.

Утромъ насъ нельзя было добудиться, но это было ничего, такъ какъ мы пили чай не съ бабушкой, а Надежда Павловна сама приносила намъ и чай, и молоко, и разныя разности къ утреннему чаю прямо въ диванную.

Мы ужасно любили это и каждый разъ всѣ трое „расцѣловывали" за это милую нашу „баловницу" такъ, что у нея загорались щеки и растрепывались сѣдѣющіе волосики на вискахъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Изъ нашего пребыванія, на этотъ разъ, въ Кирьяковкѣ, у меня очень ярко сохранилось воспоминаніе о нашей поѣздкѣ отсюда въ Богдановку.

Вѣроятно, вопросъ о пріобрѣтеніи Николаемъ Андреевичемъ Богдановки былъ уже рѣшенъ окончательно, такъ какъ, иначе, ему незачѣмъ было-бы туда ѣхать и везти съ собою и маму, и тетю Соню.

Въ Богдановку, по лѣтамъ въ купальный сезонъ, всегда наѣзжалъ, съ разрѣшенія бабушки, Аполлонъ Дмитріевичъ Кузнецовъ, съ двумя своими мальчиками и младшей дочерью Женей.

А я зналъ, что отношенія семьи Аркасъ къ семьѣ Аполлона Дмитріевича не были дружескими.

Жена Аполлона Дмитріевича съ старшей дочерью ,,кузиной Маней", которая подбиралась уже къ своимъ шестнадцати годамъ и все хорошѣла, была въ это время заграницей. Грація Петровна въ послѣдніе годы повадилась ѣздить въ Эмсъ, очень модный въ то время курортъ.

Она никогда не уставала говорить объ этихъ своихъ поѣздкахъ за границу, а объ Эмсѣ иначе не выражалась, какъ: ,,нашъ Эмсъ", ,,у насъ въ Эмсѣ" и т. д.

Мама и тетя Соня, именно въ эту нашу поѣздку въ Богдановку (мы, мальчики, увязались въ эту поѣздку съ ними) много говорили о семьѣ Аполлона Дмитріевича и оживленно вышучивали и его, и Грацію Петровну.

У нихъ выходило, что ,,прекрасная Грація здорова, какъ корова", но вѣчно пилитъ мужа, увѣряя, что безъ Эмса ей не прожить и года, а тотъ ей вѣритъ, тѣмъ болѣе, что ея домашній врачъ, ,,не то жидъ, не то нѣмецъ", въ этомъ ей подыгрываетъ. Поѣздки эти дорого стоятъ и откуда только у Аполлона Дмитріевича берутся на это деньги, неизвѣстно. Или онъ живетъ въ долгъ въ ожиданіи скораго наслѣдства? И все это только для того, чтобы она могла кичиться въ гостинныхъ своею вѣчною фразой: ,,когда я была въ Эмсѣ".....

Я понялъ, что тетя Соня и мама не любятъ Грацію Петровну и, не любя ее, дурно отзываются и объ Аполлонѣ Дмитріевичѣ, задѣваютъ и дѣтей, находя ихъ дурно воспитанными, ,,кривлаками".

Меня это огорчало и было непріятно слушать.

Образъ очаровательной ,,кузины Мани" все еще жилъ въ моей душѣ, да и Тосю (Платона) я уже считалъ своимъ пріятелемъ и находилъ его добрымъ малымъ.

Путешествіе въ Богдановку было значительнѣе всѣхъ обычныхъ поѣздокъ, выпадавшихъ до сихъ поръ на мою долю.

Отъ Кирьяковки до Богдановки выходило добрыхъ сорокъ верстъ. Мы ѣхали съ Игнатомъ на его сборной четверкѣ довольно медленно, такъ какъ, хотя мы выѣхали раннимъ утромъ, скоро наступила жара, ѣхать все время приходилось голою степью, т. е. по припеку.

Мама томилась, но тетя Соня блаженствовала, увѣряя, что, послѣ ,,гнилого Петербурга", она рада набраться тепла, чтобы увезти запасъ его съ собою.

Мы, ,,мальчики", поочередно взбирались на козла, соблюдая строго очередь.

Во время этого путешествія мнѣ впервые пришлось наблюдать ,,миражъ".

Я вскрикнулъ отъ восторга, увидѣвъ неожиданно у горизота какой-то причудливый караванъ всадниковъ, не то на лошадяхъ, не то на верблюдахъ.

Нѣсколько секундъ длилась отчетливая ясность видѣнія.

Николай Андреевичъ объяснилъ, что такое ,,миражъ" и отчего онъ бываетъ; я (да кажется и остальные) не совсѣмъ его понялъ, а миражъ, тѣмъ временемъ, также внезапно исчезъ, какъ появился.

Въ херсонскихъ степяхъ, въ очень жаркіе дни, какъ я лично убѣдился впослѣдствіи, явленія эти довольно часты.

Кромѣ этого ,,миража", кругомъ не на что было глядѣть, все тѣ-же ровныя поля, засѣянныя и незасѣянныя, съ пожелтѣвшей растительностью.

На протяженіи всѣхъ сорока верстъ намъ попалось только два села, представлявшихъ обычную картину мѣстныхъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ усадебъ. Очень мало зелени, стоящій какъ-то ,,на тычкѣ" большой, обычно запущенный и пустующій барскій домъ, широкія улицы, вдоль которыхъ тянутся крестьянскія, довольно опрятныя мазанки, запыленная босоногая дѣтвора и свиньи съ поросятами въ непросохшихъ дождевыхъ лужахъ. Скрашивали картину только вѣтрянныя мельницы, со своими лопастыми крыльями, растыканныя кое-гдѣ по окрестнымъ буграмъ.

Урожай еще не снимали, а сѣнокосъ кончился и въ степи было пусто. По дорогѣ изрѣдка попадались одинокіе пѣшеходы,

которые шлепали по мягкой пыли дороги босыми ногами, неся, на палкѣ, за плечами свои сапоги. Встрѣчались необъятно-нагруженные возы съ сѣномъ, медленно влекомые парою рослыхъ воловъ; на самой верхушкѣ обыкновенно возлежалъ пластомъ на животѣ какой-нибудь подростокъ, погонщикъ воловъ, съ длиннымъ кнутомъ, которымъ онъ оттуда могъ хлестнуть воловъ, съ крикомъ „цобъ“, или „цобе“, чтобы заставить ихъ свернуть вправо, или влѣво.

Бубенцы позвякивали, пристяжныя не скакали, а, поматывая головами, бѣжали, какъ и коренныя, ровной рысцой. Игнатъ не неволилъ лошадей и, больше для вида, потряхивалъ иногда возжами.

Крестьянскую богдановскую усадьбу мы проѣхали, когда жара уже стала нестерпимой.

Барская усадьба показалась тотчасъ-же на фонѣ широкой рѣки. Отъ этой массы игравшей на солнцѣ воды, какъ будто, повѣяло прохладой.

Подъѣхавъ ближе, стало ясно, что рѣка отстоитъ дальше обширнаго двора, обнесеннаго кругомъ высокою стѣной, изъ-за которой едва виднѣлись черепичныя крыши разныхъ построекъ, въ томъ числѣ и господскаго дома.

Дворъ тянулся отъ воротъ къ дому, казалось, безъ конца и имѣлъ видъ огороженной пустыни.

По этой пустынѣ ѣздилъ на ослѣ Тося, причемъ безпощадно хлесталъ его толстой казацкой нагайкой. За нимъ бѣгалъ Саша и, хныча, просилъ, чтобы Тося слѣзъ и далъ ему покататься, но тотъ не обращалъ на него вниманія.

Увидавъ такую картину, мама приказала Игнату остановиться и накинулась на Тосю. Она стала стыдить его за то, что онъ смѣетъ мучить ослицу, приказала ему тутъ-же слѣзть и распорядилась черезъ Игната, чтобы ослицу отправили въ табунъ и не смѣли больше давать „паничамъ“ для катанія.

Имѣла-ли право мама такъ распорядиться — я не зналъ, но Тося поконро слѣзъ и сталъ жалобно оправдываться, что ослица ужъ очень упряма и не хотѣла вовсе бѣжать.

Тутъ мама пояснила, что это и есть ослица, которая поила меня своимъ молокомъ и которая теперь уже стара и должна быть на покоѣ.

У крыльца одноэтажнаго, приземистаго дома насъ встрѣтилъ, одѣтый по лѣтнему щегольски, въ чечунчовый костюмъ, Аполлонъ Дмитріевичъ и со всѣми нами радушно перецѣловался.

Николай Андреевичъ, почти съ мѣста, забравъ насъ (т. е. всѣхъ „мальчиковъ“, такъ какъ и Тося и Саша тотчасъ-же примкнули къ нашей компаніи), повелъ насъ на рѣку купаться.

Здѣсь Бугъ еще шире разливается, нежели у Кирьяковки. На противуположномъ берегу село „Рыбацкое“ (бывшее военное поселеніе) едва можно было разглядѣть; у этого берега виднѣлось нѣсколько парусовъ рыбачьихъ лодокъ.

До рѣки отъ дома, по едва замѣтному спуску къ низу, надо было пройти шаговъ двѣсти. Берегъ былъ песчанный, дно совершенно гладкое, мягкое, точно бархатное, По словамъ Николая Андреевича, этотъ открытый, дивный, сплошь песчанный берегъ не уступалъ любому хорошему морскому „пляжу“.

Купаться здѣсь было большимъ наслажденіемъ и мы барахтались-бы въ водѣ безъ конца, еслибы не стѣснялись ослушаться Николая Андреевича, у котораго въ голосѣ, не смотря на его тягучую мягкость, было что-то властное, не поощряющее къ возраженіямъ.

Я замѣтилъ, что Коля и Костя побаивались и сразу слушались его, тогда какъ съ тетей Соней они своевольничали и дѣлали рѣшительно все, что хотѣли.

Когда мы вернулись къ обѣду въ домъ, въ длинной и узкой столовой застали Женю, которую ея старая бонна — нѣмка разрядила, точно на балъ, въ бѣлое кружевное платьице, съ розовой лентой по поясу.

Дѣвочка очень выровнялась съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣлъ въ послѣдній разъ. Она не была такой красивой какъ Маня, но была необыкновенно жива, граціозна и очень кокетлива.

Ей совсѣмъ не сидѣлось на мѣстѣ, она безпрестанно оправляла свои распущенные свѣтлые волосы и дѣлала рѣшительно все, чтобы привлекать къ себѣ вниманіе.

Мама и тетя Соня звали ее, про себя, „ученой обезьянкой“. Я соглашался, что въ ней было немного „обезьянки“, но прехорошенькой.

Съ нами, „мальчиками“, она не дружила и относилась къ намъ, какъ-бы, свысока.

Раньше чѣмъ сѣсть за столъ, Николай Андреевичъ предложилъ Колѣ прочесть предобѣденную молитву и всѣ, стоя, крестились, а когда, послѣ обѣда, вставали отъ стола, Костя прочелъ „благодарственную“.

Я боялся, чтобы Николай Андреевичъ не вздумалъ предложить мнѣ читать которую-нибудь изъ молитвъ, я ихъ не зналъ.

Дома мы этого не дѣлали, а только крестились передъ тѣмъ, какъ садились за столъ и послѣ, когда вставали изъ-за стола.

Послѣ обѣда Николай Андреевичъ вызвалъ къ себѣ управляющаго, сѣдоватаго хлопотуна, съ которымъ долго разсматривалъ какія-то большія книги, которыя тотъ принесъ съ собою въ кабинетъ, гдѣ расположился Николай Андреевичъ.

До ужина, пока совсѣмъ не смерклось, мы (мальчики) наслаждались полною свободой, не разъ побывали въ конюшнѣ, гдѣ стояло много лошадей, затѣвали всевозможныя игры, бѣсились ужасно.

Когда стала спадать жара, на рѣку пригнали весь табунъ на водопой.

Тутъ ужъ мы наслаждались.

Лошадей было много и среди нихъ не мало сосунковъ и жеребятъ. Эти были особенно забавны: они то и дѣло поддавали на ходу задними ногами и, ступая своими длинными, тонкими ножками по водѣ, пугались брызгъ, которыя разлетались во всѣ стороны отъ ихъ нескладныхъ, торопливыхъ движеній.

Старыя лошади заходили въ воду по брюхо и меланхолически — однообразно кивали головами.

Среди стаи кобылъ и коней выдѣлялся, величественно выступая, рослый гнѣдой, съ черными хвостомъ и гривой, жеребецъ „Натужный".

Въ хвостѣ табуна плелась, на безобразно отросшихъ копытахъ, и моя „мамка-ослица". Помахавши своимъ куцымъ хвостикомъ, она не вошла въ воду, а, упершись мордой въ мокрый песокъ, тутъ же улеглась на берегу и стала качаться, перекидываясь черезъ спину.

Отъ табунщика мы узнали, что среди коней есть много смирныхъ, уже объѣзженныхъ, ходящихъ и подъ верхъ, и намъ крѣпко запало въ голову этимъ воспользоваться.

Когда управляющій возвращался, со своими толстыми книгами подъ мышкой, отъ Николая Андреевича въ свой флигель, гдѣ была контора, мы ласково пристали къ нему и онъ обѣщалъ на завтра дать намъ лошадь, засѣдланную казачьимъ сѣдломъ.

Послѣ ужина Николай Андреевичъ сѣлъ съ Аполлономъ Дмитріевичемъ за карточный столъ на открытой галлереѣ и они стали играть въ какую-то игру вдвоемъ, а мама и тетя Соня, обнявшись, стали ходить взадъ и впередъ по аллеѣ небольшого, запущеннаго садика, тянувшагося вдоль бокового фасада довольно низкаго, расползавшагося въ длину и въ ширину дома.

Мы, „мальчики“, опять кинулись на широкій дворъ и затѣяли шумную игру „въ разбойники“; а Женя усѣлась, со своею нѣмкою, чинно на скамьѣ крыльца, выходившаго во дворъ и, какъ мнѣ казалось, пренебрежительно на насъ поглядывала.

Ложиться спать было очень весело.

Мы „выпросились“ спать всѣмъ вмѣстѣ (кромѣ Саши, который былъ еще малышъ), и насъ уложили, всѣхъ четырехъ, въ очень большой, съ низкимъ потолкомъ, комнатѣ, гдѣ не было почти никакой мебели и гдѣ намъ постлали, прямо на полу, свѣже сфабрикованные огромные сѣнники.

Мы рѣшили спать съ открытымъ окномъ, которое выходило въ сторону рѣки.

Было тепло, тихо и уютно. Видны были звѣзды на совершенно ченромъ небѣ. Никогда не спалось мнѣ такъ легко и сладко, какъ въ эту лѣтнюю деревенскую ночь.

Николай Андреевичъ на другой день, съ ранняго утра, уѣхалъ съ управляющимъ, въ его шарабанѣ осматривать богдановскую межу и вернулся только къ обѣду.

Послѣ обѣда онъ вскорѣ опять уѣхалъ куда-то, что-то „осматривать и провѣрять“.

Мы были на полной свободѣ.

Управляющій не забылъ своего обѣщанія и намъ Игнатъ выбралъ, по своему вкусу, изъ табуна рослую, головастую лошадь, которую самъ засѣдлалъ казачьимъ сѣдломъ.

Когда мы, поочередно, при помощи того-же Игната, взбирались на нее, то мама, которая съ тетей Соней усѣлась на крыльцѣ, чтобы насладиться этимъ зрѣлищемъ, говорила, что мы „совсѣмъ воробьи на крышѣ“. Обѣ онѣ были очень довольны, видя, какъ лошадь, осторожно и бережно, не хотѣла насъ иначе возить, какъ легкой „ходой съ перевальцемъ“, что было, всетаки, пошибче, чѣмъ шагомъ.

Намъ и это казалось уже кое-чѣмъ и мы не прочь были считать себя каваллеристами.

Мы пробыли въ общемъ три дня въ Богдановкѣ. Николай Андреевичъ почти все время гдѣ-то пропадалъ, осматривая съ управляющимъ въ подробностяхъ все имѣніе.

Онъ сдѣлалъ также визитъ сосѣднему помѣщику, престарѣлому адмиралу Манганари, котораго зналъ и раньше. Отъ него онъ вывезъ большой кругъ какого-то сыра, которымъ очень гордился хозяйственный адмиралъ, такъ какъ онъ завелъ у себя сыроварню и лично наблюдалъ за изготовленіемъ своего „голландскаго сыра“. Когда его взрѣзали и тетя Соня и мама, по

настоятельному предложенію Николая Андреевича, попытались его попробовать, онѣ тотчасъ же приказали вынести этотъ сыръ вонъ изъ столовой, до того запахъ его былъ невыносимъ.

Кромѣ своего купанья, Богдановка славилась еще своимъ плодовымъ садомъ, который былъ не при домѣ, а отстоялъ отъ усадьбы верстахъ въ трехъ.

Урожай сада ежегодно, еще съ весны, запродавался купцамъ, но домашнимъ не возбранялось пріѣзжать и ѣсть на мѣстѣ сколько угодно фруктовъ.

Мы всей компаніей, въ двухъ экипажахъ, разъ съѣздили туда и лакомились фруктами, срываемыми съ деревьевъ. Тутъ были: абрикосы, персики, сливы, груши, яблоки, крыжовникъ и смородина.

Обойти весь садъ было не легко, онъ протянулся по узкой, но длинной, ложбинѣ болѣе чѣмъ на версту. Его́ сторожили наемные люди, поставленные отъ покупщиковъ урожая; они-же исполняли всѣ садовыя работы.

Въ саду было три глубокихъ колодца, изъ которыхъ черпали и проводили по всему саду воду канавками и жолобами.

Вода черпалась особыми „черпаками", закрѣпленными на цѣпяхъ, двигавшимися вверхъ и внизъ при помощи особаго колеса, которое, въ свою очередь, приводилось въ движеніе другимъ горизонтальнымъ колесомъ, вертѣвшимся на стержнѣ, къ которому было придѣлано длинное дышло. Къ этому дышлу была припряжена лошадь, у которой были повязаны глаза и которая безостановочно ходила по кругу. Этихъ лошадей никто не понукалъ; втянувшись въ эту скучную работу, онѣ двигались точно заведенные автоматы.

Старшій изъ рабочихъ, котораго всѣ называли садовникомъ, при нашемъ отъѣздѣ поставилъ въ наши экипажи нѣсколько корзинъ отборныхъ фруктовъ.

Николай Андреевичъ подробно его разспрашивалъ относительно доходности сада и нашелъ, что, благодаря „купцамъ", садъ въ лучшемъ состояніи, чѣмъ все остальное запущенное хозяйство имѣнья.

Въ Кирьяковку мы вернулись тою-же дорогой, какою ѣхали. Выѣхали въ ожиданіи новой луны попозднѣе, чтобы избѣжать жары, благодаря чему ѣхали гораздо шибче и были дома, когда еще никто у бабушки не ложился спать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ Кирьяковкѣ мы оставались до тѣхъ поръ, пока Аркасы не стали собираться въ обратный путь.

У Николая Андреевича близился къ концу отпускъ и, до наступленія осени, надо было добраться до Петербурга, пока стояла хорошая погода и не размыло осеннею слякотью дороги. По словамъ Николая Андреевича, въ своемъ ,,ковчегѣ" они неминуемо застряли-бы гдѣ-нибудь въ невылазной грязи, если-бы двинулись въ путь позднѣе.

Я очень сдружился за это время съ Колей и Костей, которыми командовалъ и распоряжался, какъ хотѣлъ, такъ какъ они были очень покладисты и охотно присоединялись ко всѣмъ моимъ затѣямъ.

За недѣлю до ихъ отъѣзда мы всѣ переѣхали въ городъ; вализы стали укладываться, дорожный экипажъ мылся, чистился и приводился въ должный порядокъ.

Намъ, ,,мальчикамъ", въ городѣ было еще веселѣе, нежели въ деревнѣ. За хлопотами предстоящаго отъѣзда на насъ никто не обращалъ вниманія, мы никого не могли здѣсь безпокоить и насъ съ трудомъ залучали въ комнаты только къ обѣду и къ ужину.

Николай Андреевичъ по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома, дѣлая визиты и принимая нѣкоторыя обязательныя приглашенія. По вечерамъ, когда онъ бывалъ дома, онъ съ дядей Всеволодомъ игралъ на садовой террасѣ при свѣтѣ свѣчей въ стеклянныхъ колпакахъ въ домино.

Тетя Соня никуда не ѣздила, отговариваясь нездоровьемъ, и была неразлучна съ мамой. Она грустила при одной мысли о возвращеніи въ Петербургъ, къ которому питала какую-то органическую ненависть. По вечерамъ, тихо бесѣдуя съ мамой, у нея, нерѣдко, навертывались на глаза слезы.

Тетя Соня, моложе мамы, а выглядѣла старше ея, сѣдина уже замѣтно пробивалась на гладко причесанныхъ ея волосахъ.

У нея было милое, но мало подвижное, какъ-бы застывшее въ одномъ и томъ-же выраженіи, лицо.

Глядя на нее, можно было подумать, что у нея нѣтъ ни своихъ желаній, ни своихъ капризовъ.

Мама иногда, бывало, вспылитъ, раздражиться; случалось, что она очень энергично кого-нибудь ,,отчитаетъ", если найдетъ чей-нибудь поступокъ нехорошимъ; рѣзко останавливала и сестру и меня, когда ей не нравилось наше поведеніе, — а тетя Соня

была какъ-то всегда внѣ подобныхъ настроеній, какъ будто ее ничто не трогало и не интерессовало. То, что творилось вокругъ, какъ-бы проходило мимо нея, хотя при этомъ она не выглядѣла ни задумчивой, ни разсѣянной.

Трудно было не замѣтить, что Николай Андреевичъ проявлялъ къ ней на каждомъ шагу, и по малѣйшему поводу, какую-то, какъ-бы влюбленную, заботливость. Онъ даже нерѣдко ласкалъ и цѣловалъ ее на глазахъ у всѣхъ, что, повидимому, не трогало и не безпокоило ее.

Когда мальчики ее не слушали, она только, иногда, однотонно говорила: „вотъ, я скажу Николаю Андреевичу", но никогда не говорила и покрывала всѣ ихъ шалости.

Я никогда не слышалъ, чтобы она звала Николая Андреевича какимъ-нибудь уменьшительнымъ именемъ, или называла его мужемъ. Даже когда она говорила о немъ дѣтямъ, она не говорила: „вотъ я скажу отцу", а всегда — „Николаю Андреевичу".

Когда мы съ Колей и Костей играли „въ папу и маму", я всегда былъ „Николай Андреевичъ", а не „папа", Коля-же былъ просто „мама", а не „Софья Петровна". Костя, въ лицѣ котораго были всѣ дѣти, такъ это и разумѣлъ.

Къ чувству задушевной и нѣжной привязанности къ тетѣ Сонѣ у меня безсознательно примѣшивалось что-то похожее на жалость. За что и почему надо было жалѣть ее, я не могъ отдать себѣ тогда отчета, но, я положительно утверждаю, что это чувство по отношенію къ ней, нашедшее, — увы! — впослѣдствіи, въ далекомъ будущемъ, вполнѣ логическое основаніе, предшествовало малѣйшему къ тому фактическому поводу.

Жизнь ея, казалось, складывалась такъ счастливо, какъ можно было только желать: счастливая семья, боготворящій ея мужъ, положеніе, богатство.

Я не разъ слышалъ изъ устъ моихъ взрослыхъ кузинъ восклицанія: „вотъ кому можно позавидовать, счастливая тетя Соня! Только она не умѣетъ пользоваться, вотъ если бы на ея мѣстѣ была тетя Люба (т. е. наша мама)!"

Николай Андреевичъ бодрилъ грусть разставанія увѣреніями, что теперь уже не надолго.

Онъ твердо вѣрилъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ совсѣмъ перекочуетъ въ Николаевъ, чтобы быть поближе къ пріобрѣтаемой имъ окончательно „Богдановкѣ" и „къ своимъ", и больше уже никуда не двинется.

Всѣ въ домѣ знали, что завѣтной мечтой Николая Андреевича Аркаса было стать главнымъ командиромъ Черноморскаго

флота и военнымъ губернаторомъ города Николаева, города, гдѣ онъ родился въ очень скромныхъ условіяхъ и гдѣ хотѣлъ умереть, достигнувъ возможной высоты, на виду у всѣхъ.

Мечтѣ этой суждено было осуществиться, конечно съ поправками и оговорками, какія судьба любить вплетать, въ видѣ терніевъ, въ наши самыя сокровенныя замыслы.

Провожать отъѣзжающихъ мы всѣ поѣхали „за мостъ".

И дядя Всеволодъ и Аполлонъ Дмитріевичъ, съ Тосей, пріѣхавшіе для этого нарочно изъ Богдановки, были съ нами.

Переѣхавъ мостъ, остановили лошадей, вышли изъ экипажей и началось прощаніе.

Тетя Соня съ мамою долго стояли обнявшись и обѣ плакали.

Тося и я завидовали мальчикамъ, которые съ мѣста забрались въ „кэбъ", откуда было такъ все хорошо видно кругомъ и откуда мы, играя, не разъ отстрѣливались мячами отъ воображаемыхъ разбойниковъ.

Николай Андреевичъ торопилъ отъѣздъ и почти на рукахъ внесъ тетю Соню въ карету.

Ямщикъ свистнулъ форейторамъ; восьмерикъ вытянулся и громоздкій экипажъ двинулся.

Большое облако пыли встало между нами и отъѣзжавшими.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Переѣхавъ изъ Кирьяковки въ городъ, всю осень и зиму хворала бабушка.

Временами она бывала еще на ногахъ, но къ веснѣ окончательно слегла и больше уже не вставала. Говорили, что у нея „водянка"; по временамъ она распухала и ей дѣлали проколы, чтобы выпустить воду.

Насъ, иногда, водили къ ней.

Лицомъ она очень исхудала и большой вытянувшійся носъ и сѣдые жидкіе волосики на запрокинутой на подушкахъ головѣ, только и видны были изъ подъ бѣлой покрывавшей ее простыни.

Въ началѣ болѣзни она еще гладила наши головы своею слабою, исхудавшею до прозрачности, рукой, а потомъ, бывало,

только откретъ глаза, поглядитъ ни строго, ни ласково, точно не видитъ насъ, и опять закроетъ ихъ.

За день до ея кончины насъ опять привели въ ея спальню, но къ постели уже не подводили. Сестра еще продвинулась впередъ, чтобы поглядѣть поближе на нее, я-же остановился упрямо у косяка двери и дальше не двинулся.

У постели умирающей были и мама, и старая тетя Лиза съ дочерьми, и дядя Всеволодъ, и Аполлонъ Дмитріевичъ, прискакавшій изъ Херсона.

Надежда Павловна, которая была тутъ-же, отъ времени до времени еще оправляла подушки бабушкиной постели.

Бабушка лежала навзничь; бѣлая простыня какъ-то плоско опала на ней, казалось, что подъ простыней тѣла ея уже не было; какіе-то звуки, какъ свистящіе вздохи, шумно вырывались изъ ея открытаго рта.

Были-ли открыты, или закрыты ея глаза, я не разглядѣлъ. Помню только темныя пятна на мѣстѣ глазъ.

Мнѣ да и сестрѣ стало жутко и mademoiselle Clotilde поспѣшила насъ увести.

Ночью мама осталась при бабушкѣ и не возвращалась въ свою спальню.

Я трусилъ оставаться одинъ рядомъ съ пустовавшей комнатой и mademoiselle Clotilde устроила меня на диванчикѣ въ своей комнатѣ, гдѣ спала съ сестрой.

Я долго не могъ уснуть и все къ чему-то прислушивался: мнѣ чудилось не то легкое шуршаніе шаговъ, не то едва слышное постукиваніе чьей-то руки въ оконное наружное стекло за запертой плотно ставней.

При этомъ, по временамъ, я слышалъ протяжный вой цѣпного „Караима“ на заднемъ дворѣ, отчетливо доносимый порывами вѣтра.

Утромъ пришла мама съ опухшими глазами и сказала, что бабушка, подъ утро, скончалась.

Передъ смертью она очень мучилась, хотя уже не приходила въ сознаніе.

Уроки наши отмѣнили.

Мама одѣлась въ глубокій трауръ, Надежда Павловна тоже. У сестры появилось черное платьице съ бѣлыми „горошинками“. Mademoiselle Clotilde и всегда ходила въ темномъ, а тутъ надѣла черную юбку и бѣлую блузу, отороченную черными ленточками. Я тоже настаивалъ, чтобы меня обрядили по траурному и, какъ у дяди Всевы, нашили черную повязку на рукавѣ новой курточки.

Когда насъ въ первый разъ привели къ столу умершей въ пустынную залу съ завѣшенными простынями зеркалами, первый, кого я увидѣлъ, былъ дядя Всеволодъ.

Онъ стоялъ на колѣняхъ и горячо молился, глаза его были полны слезъ.

Послѣ, когда онъ проговорился мнѣ о томъ, какъ бабушка собственноручно сѣкла его въ дѣтствѣ, я часто вспоминалъ его набожно молящимся и плачущимъ у ея похолодѣвшаго тѣла. Какъ онъ долженъ былъ плакать и страдать, когда въ моемъ возрастѣ терпѣлъ отъ нея тяжкія муки! . . . И онъ, какъ никто, оплакивалъ ея кончину.

Время до бабушкиныхъ похоронъ тянулось для меня какъ-то нескончаемо долго и томительно. Я почти не видѣлъ мамы, не могъ ни играть, ни бѣгать по саду.

Казалось, что какіе-то невидимые призраки завладѣли домомъ и неуловимо шныряютъ среди живыхъ людей.

Я все чего-то боялся. По ночамъ вой „Караима“ положительно не давалъ мнѣ покоя.

Какъ-то днемъ улучилъ я минуту, чтобы, всетаки, пройти въ конюшню, и увидѣлъ Николая, присѣвшаго на корточкахъ около его будки. Онъ снималъ съ „Караима“ ошейникъ, на которомъ висѣла тяжелая цѣпь.

Несчастный песъ лежалъ смирно, распростертый на одномъ боку, съ отвалившимися назадъ задними лапами. Жалкими, слезящимися глазами онъ винмательно слѣдилъ за движеніями рукъ Николая.

Наконецъ, ошейникъ былъ снятъ, цѣпь, отброшенная въ сторону, съ лязгомъ звякнула.

Оказалось, что именно въ послѣднюю ночь, когда особенно жалобно вылъ „Караимъ“, его разбилъ параличъ, у него совершенно отнялись заднія лапы, онѣ отказывались держать его.

Переднія были въ порядкѣ и, еще лежа на боку, онъ довольно энергично пробовалъ двигать ими.

Николай мнѣ сказалъ, что это у него „отъ старости“, что придется завести для конюшни новую цѣпную, а что „Караима“, впредь до распоряженія, онъ беретъ къ себѣ въ сѣнцы, въ тепло, „можетъ и отлежится“.

Несмотря на то, что въ домѣ стала царить большая суматоха, такъ какъ по два раза въ день наѣзжали священники, приходили пѣвчіе и съѣзжалось много народа на каждую панихиду, я, всетаки, успѣлъ шепнуть Надеждѣ Павловнѣ про несчастье, случившееся съ Караимомъ.

Она живо приняла къ сердцу это извѣстіе и сказала, что забѣжитъ къ Николаю и отдастъ распоряженіе, чтобы Марина поила Караима молокомъ и вообще имѣла за нимъ уходъ.

На всѣ панихиды по бабушкѣ я и сестра являлись аккуратно, но тамъ было тѣсно и душно и mademoiselle Clotilde уводила насъ въ садъ, куда была слышна служба и пѣніе пѣвчихъ.

Мама все время оставалась въ большомъ домѣ и была очень озабочена.

Бабушка лежала уже въ гробу, укрытая золотой парчой, когда дядя Всеволодъ приподнялъ меня подъ руки, чтобы я могъ „проститься“ съ бабушкой т. е. поцѣловать ея крошечную, слегка уже посинѣвшую и, какъ ледъ холодную, руку.

Во время похоронъ мы ѣхали съ mademoiselle Clotilde въ маминой каретѣ. Все время то играла музыка, то пѣли пѣвчіе. За гробомъ шло много народа, позади нашей кареты вытянулась длинная линія всевозможныхъ экипажей. Впереди высокаго катафалка несли хоругви и шло духовенство, кажется, со всѣхъ церквей, а по бокамъ ѣхали конные жандармы.

Я замѣтилъ Григорія Яковлевича Денисевича, который шелъ какъ-то въ сторонѣ, но на кладбищѣ подошелъ къ мамѣ, что-то ей сказалъ и поцѣловалъ ей руку.

Среди провожавшихъ, шедшихъ за гробомъ, сейчасъ позади мамы, дяди Всеволода, Надежды Павловны и Аполлона Дмитріевича, нельзя было не замѣтить неожиданнаго сочетанія, очень меня обезпокоившаго.

Шелъ нашъ докторъ Миштольдъ („Доминикичъ“) бокъ о бокъ съ адмираломъ Александромъ Дмитріевичемъ и послѣдній, шедшій всю дорогу безъ шапки, пѣшкомъ, не моргнулъ на него даже глазомъ, ни на шагъ отъ него не отстраняясь.

Кладбище и дорога къ нему мнѣ понравились.

Раньше я не бывалъ въ этихъ краяхъ.

Пришлось проѣзжать широчайшими улицами дальней слободки, гдѣ изъ каждаго домика высыпала масса дѣтворы. Домики, словно деревенскіе, чистенькіе, уютные, съ акаціями въ палисадникахъ.

Въ этой пригородной части въ большинствѣ жили рабочіе адмиралтейства, которые, по словамъ дяди Всеволода, жили зажиточно.

Кладбище, которое я видѣлъ въ первый разъ, мнѣ не показалось страшнымъ, хотя я зналъ, что тамъ лежатъ мертвецы. Тамъ было много зелени и открывался далекій, живописный видъ

на рѣку. Мраморные памятники, кресты и плиты были либо убраны цвѣтами, либо обросли зеленѣющей травкой.

Бабушку похоронили за чугунной оградой, рядомъ съ памятникомъ надъ могилой дѣдушки Петра Григорьевича Богдановича. Неподалеку, въ той-же оградѣ, былъ и памятникъ надъ могилой перваго бабушкинаго мужа, Дмитрія Петровича Кузнецова.

Въ той-же оградѣ былъ памятникъ спящаго ребенка; подъ нимъ была надпись золотыми буквами „младенецъ Софья Карабчевская“ и дата рожденія и смерти.

Только этотъ памятникъ и эта надпись, почему-то, вызвали во мнѣ странную тревогу, что-то вродѣ страха за самого себя: неужели вотъ такъ могу лежать и я гдѣ-то подъ землей и будетъ надо мной такой же тяжелый, не по моимъ силамъ, холодный памятникъ!

Только надпись будетъ другая.....

Мы вернулись съ кладбища съ mademoiselle Clotilde раньше другихъ и намъ подали обѣдъ у насъ въ столовой. Я проголодался и хотѣлось ѣсть, но всетаки ѣлось какъ-то неохотно.

Остальные наши возвратились позднѣе, со всѣми родственниками, бывшими на похоронахъ. Ихъ обѣдъ длился долго въ „большомъ домѣ“, откуда утромъ вынесли бабушку.

Когда кончился этотъ обѣдъ и приглашенные стали разъѣзжаться, Надежда Павловна сама принесла намъ кутью и сказала, что этого надо съѣсть по ложечкѣ, „за упокой бабушкиной души“.

Къ вечеру вернулась мама, утомленная и разстроенная; съ нею зашелъ къ намъ и дядя Всеволодъ и просидѣлъ у насъ весь вечеръ.

Изъ разговора его съ мамой я узналъ, что скоро онъ будетъ жить, съ Нелли и Марфой Мартемьяновной, тутъ, гдѣ мы до сихъ поръ жили, а мама съ нами переберется въ большой т. е. бабушкинъ домъ.

Я очень любилъ дядю Всеволода и, заранѣе, съ восторгомъ, смаковалъ въ своемъ воображеніи подобную комбинацію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Вскорѣ все такъ и устроилось.

Мы заняли весь большой бабушкинъ домъ и Надежда Павловна осталась съ нами, въ прежней своей комнатѣ.

Дядя Всеволодъ переселился въ бывшее наше жилое помѣщеніе, приказавъ заколотить парадный входъ и запереть зало и столовую, которыя оказались для него лишними.

Нелли, когда была здорова (а къ этому времени она очень окрѣпла), всегда была у насъ и дядя Всеволодъ и она обѣдали и ужинали съ нами въ большомъ домѣ.

Надежда Павловна очень грустила по бабушкѣ и я часто заставалъ ее, въ ея комнатѣ, тихонько плачущей.

Впрочемъ, кромѣ смерти бабушки, было еще одно обстоятельство, которое, очевидно, ее разстроило и надолго огорчило.

У нея былъ единственный братъ, офицеръ какого-то армейскаго пѣхотнаго полка, немногимъ моложе ея, котораго она не видѣла многіе годы, такъ какъ полкъ его стоялъ на Кавказѣ.

Вскорѣ послѣ смерти бабушки онъ „упалъ ей, какъ снѣгъ на голову", очутившись совершенно неожиданно въ Николаевѣ, добившись перевода въ расположенный здѣсь на многіе годы полкъ.

Вначалѣ встрѣча брата и сестры была радостная; мама также привѣтливо встрѣтила его и гостепріимно отвела ему двѣ комнаты въ отдаленномъ флигелькѣ, примыкавшемъ къ службамъ.

Тутъ онъ и помѣстился со своимъ деньщикомъ, польскимъ уроженцемъ, Войтикомъ (такъ, по крайней мѣрѣ, кликалъ его „панъ поручикъ").

Вскорѣ, однако, братъ нашей милѣйшей, очаровательной по своей добротѣ, Надежды Павловны, Константинъ Павловичъ Кирьязи, оказался вполнѣ нетерпимымъ жильцомъ въ нашемъ домѣ.

Прежде всего обнаружилось, что онъ пьетъ много водки и каждый вечеръ бываетъ пьянъ. Мама перстала его приглашать къ столу и Войтикъ носилъ ему обѣдъ и ужинъ прямо изъ кухни.

Потомъ, вообразивъ почему-то, что бабушка должна была завѣщать Надеждѣ Павловнѣ золотыя горы, онъ безпрестанно, иногда грубо и настойчиво, приставалъ къ сестрѣ съ требованіями денегъ. Та давала ему, сколько могла, но онъ быстро проматывалъ ихъ и приставалъ заново.

Но самое важное, что рѣшило его участь, было грубое, подчасъ даже жестокое, его обращеніе со своимъ безотвѣтнымъ деньщикомъ.

Я самъ видѣлъ, какъ разъ онъ поддалъ ему сапогомъ въ зубы, когда тотъ наклонился, чтобы съ него, пьянаго, стащить

сапоги. У бѣднаго Войтика полилась кровь изъ разсѣченной губы. Видѣлъ я также, какъ наказанный Войтикъ долженъ былъ „во всей аммуниціи“ съ ружьемъ и ранцемъ, до верху набитымъ мокрымъ пескомъ, „стоять смирно“, по приказанію своего мучителя, подъ палящимъ солнцемъ втеченіе двухъ часовъ.

Этого я уже не выдержалъ и побѣжалъ сообщить объ этомъ мамѣ. Узнала она и отъ другихъ въ домѣ о всѣхъ его безобразныхъ выходкахъ.

Степень возмущенія мамы не имѣла предѣловъ. Блѣдная, дрожащая, она, казалось, готова была собственноручно расправиться съ нимъ.

Все тутъ было: и упреки, и рѣзкія слова, и угрозы. Она приказала немедленно освободить Войтика изъ подъ ранца и, ссылаясь на свое знакомство съ полковымъ командиромъ, обѣщала совершенно опѣшившему воину освободить несчастнаго деньщика изъ рукъ его мучителя.

Поручикъ, хотя и былъ въ эту минуту не совсѣмъ трезвъ, сразу отрезвѣлъ. Онъ жалобно началъ оправдываться, его стало трясти, какъ въ лихорадкѣ. Мама не унималась и рѣзко вычитывала ему, говоря, что своимъ поведеніемъ онъ позоритъ всю русскую армію и недостоинъ носить офицерскіе погоны.

Какъ это потомъ вышло въ точности—не знаю, только вскорѣ Константинъ Кирьязи попалъ въ госпиталь, а затѣмъ получилъ гдѣ-то какое-то мѣсто по интендантству и навсегда исчезъ изъ Николаева.

Нѣсколько лѣтъ спустя, помнится, Надежда Павловна носила по немъ трауръ. По догадкамъ мамы, его сгубила водка.

Мама, послѣ смерти бабушки, нерѣдко бывала разстроена. Это случалось съ ней каждый разъ, когда къ ней пріѣзжалъ Тонасеенко, которому было поручено дѣло о бабушкиномъ наслѣдствѣ.

Матерьяльное положеніе мамы оказалось наименѣе обезпеченнымъ, такъ какъ Богдановка оказалась уже проданной Н. А. Аркасу, съ выплатою мамѣ довольно незначительной суммы. Крюковка досталась роду Кузнецовыхъ, а Кирьяковка перешла по наслѣдству двумъ сыновьямъ покойной — дядѣ Всеволоду и Аполлону Дмитріевичу, съ выплатою мамѣ и тетѣ Сонѣ ихъ четырнадцатыхъ частей. Городской домъ, въ которомъ умерла бабушка, оказался принадлежащимъ мамѣ уже по дарственной покойнаго дѣда, Григорія Петровича Богдановича.

Кромѣ того дядя Всеволодъ не разъ говорилъ мамѣ, что покойная на словахъ ему всегда „приказывала“ быть защитни-

комъ и покровителемъ ея и ея семьи, такъ какъ она остается „безъ мужчины“ въ домѣ.

Былъ-ли такой предсмертный наказъ ему отъ бабушки, — не знаю, знаю только, что дядя Всеволодъ, не за страхъ, а за совѣсть, всегда былъ преданъ интересамъ нашей мамы и сестру и меня любилъ и баловалъ не менѣе собственной Нелли.

Я лично, въ особенности, всѣми радостями моей юности почти всецѣло обязанъ ему.

Въ первые мѣсяцы по смерти бабушки, кромѣ чернаго цвѣта, въ который въ домѣ всѣ были одѣты, печальное настроеніе еще больше оттѣнялось видомъ несчастнаго „бывшаго цѣпного“ Караима, судьбою котораго до конца его дней были озабочены и мама и Надежда Павловна.

Караимъ, чуть-чуть оправившійся, бродилъ на свободѣ на двухъ своихъ переднихъ, пока еще крѣпкихъ, лапахъ, старательно волоча за собою заднія и свой пушистый хвостъ.

Онъ повадился и особенно любилъ тащиться по прямой и гладкой садовой дорожкѣ къ крыльцу, куда выходила комната Надежды Павловны, оставляя за собою, точно отъ метлы, слѣдъ на пескѣ.

Разъ добравшись сюда, онъ, обыкновенно, клалъ свою пеструю, обмохнатившуюся морду на край крыльца, словно на подушку и, распластавшись неподвижно — только глазами поводилъ въ сторону окна, гдѣ нерѣдко показывалась Надежда Павловна.

И такъ лежалъ онъ часами смирнехонько, кротко провожая глазами каждаго проходящаго мимо него, посылающаго ему то или другое привѣтствіе. А когда къ нему подходила Надежда Павловна и ласкала его голову, онъ, насколько могъ, еще вытягивалъ свою морду впередъ и плотно прижимался ею къ своей каменной подушкѣ, точно замирая отъ неслыханнаго блаженства,

Неподвижная радость застывала въ его слезящихся глазахъ.

Никто-бы не узналъ въ немъ тогда свирѣпаго пса, всю свою долгую жизнь злобно метавшагося на желѣзной цѣпи.

Протянулъ онъ еще довольно долго.

Потомъ, какъ-то весь опухъ и шерсть на немъ защетинилась.

Послѣдній свой вздохъ онъ испустилъ тутъ-же, у крыльца, съ помутившимися глазами, устремленными на Надежду Павловну.

Вечеромъ Николай принесъ сколоченный имъ деревянный ящикъ, Караима положили туда и похоронили въ концѣ сада, гдѣ вырыли глубокую яму.

Я, съ Надеждой Павловной, были при этомъ; да и мама подошла, когда его уже зарывали.

А на заднемъ дворѣ въ это время метался, бѣгая по блоку и лязгая цѣпью, новый ,,цѣпной" молодой песъ, смѣнившій Караима, и неистово лаялъ звонкимъ, нетерпѣливымъ лаемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Бабушка умерла во время.

Она, все равно, не пережила-бы, момента когда окончательно вырѣшился вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права.

А это послѣдовало вскорѣ. Сперва о бывшихъ дворовыхъ, а сейчасъ-же и о крѣпостныхъ деревенскихъ людяхъ.

Въ имѣнья стали наѣзжать мировые посредники; и у насъ былъ знакомый мировой посредникъ, бывшій морякъ, съ длинными, опущенными внизъ, рыжими усами, который долженъ былъ ѣздить въ Кирьяковку. Онъ часто о чемъ-то совѣщался съ дядею Всеволодомъ, иногда въ присутствіи мамы.

По словамъ Григорія Яковлевича Денисевича, съ которымъ наши занятія возобновились, ,,по части освобожденія" все шло гладко и мирно и никакихъ бунтовъ и пожаровъ, которыхъ такъ боялась покойная бабушка, не случилось.

Относительно-же нашихъ дворовыхъ людей почти никакой перемѣны замѣтно не было.

Николай съ Мариной остались служить по прежнему, поваръ Василій съ женою Авдотьей тоже, Матреша выросла и расцвѣла, но осталась на прежней должности горничной; даже долговязый, съ плоскимъ носомъ, дворникъ Степанъ продолжалъ все также ѣздить каждое утро ,,по воду" въ Спасскъ на волахъ, со своею сорокаведерной бочкой.

Много лѣтъ спустя, бесѣдуя съ мамой объ этомъ времени, я интересовался знать, на какихъ-же условіяхъ согласились по прежнему служить эти, тогда уже ,,вольные", люди.

Мама, смѣясь, сказала мнѣ: ,,ты не повѣришь. Сами просили не гнать ихъ, а оставить на прежнихъ условіяхъ, т. е. на всемъ готовомъ, включая одежду и нѣсколько рублей въ мѣсяцъ, мужчинамъ—,,на табакъ", а женщинамъ—,,на чай и сахаръ". Николай

съ Мариной, Василій съ Авдотьей получали отъ меня по пяти рублей въ мѣсяцъ, правда, уже серебромъ, а не ассигнаціями. И всѣ въ такомъ родѣ".

Степана (Степку-словесника) пришлось очень скоро, однако-же, отпустить за дерзко проявленное озорство.

Адмиралъ Александръ Дмитріевичъ и послѣ смерти бабушки оставался жить по прежнему въ своемъ флигелѣ. Только онъ уже ни за что не хотѣлъ жить ,,даромъ", а просилъ назначить ему цѣну за квартиру. Мама прдоставила ему самому опредѣлить ея размѣръ. И вотъ онъ, число въ число, каждое двадцатое мѣсяца аккуратно сталъ приносить мамѣ бѣленькій конвертикъ, съ всегда новенькими въ немъ трехрублевыми бумажками. Ихъ было всегда двѣ, такимъ образомъ цѣна опредѣлилась въ шесть рублей въ мѣсяцъ. Онъ не оставлялъ привычки вести свои разсчеты на ассигнаціи и, платя серебромъ, разумѣется, считалъ плату подходящей.

Такъ вотъ, именно у него-то и вышло грандіозное столкновеніе съ озорникомъ Степкой.

Его, почему-то, всегда терпѣть не могъ адмиралъ Александръ Дмитріевичъ, хотя тотъ, пока былъ крѣпостнымъ и пока жива была бабушка, боялся адмирала, какъ огня, и старался вовсе не попадаться ему на глаза.

Накопилась-ли у ,,Степки" затаенная злоба противъ адмирала, или, просто, злая муха его укусила, но, едва ставъ вольнымъ, онъ не только пересталъ съ адмираломъ считаться и здороваться при встрѣчахъ, но пронося мимо ,,адмиральскаго" флигеля, по его крылечку, блюда съ кушаніями, или грязную посуду, шелъ подъ самыми его окнами, мурлыча притомъ еще, какъ-бы про себя, пѣсню.

У Александра Дмитріевича, какъ уже было отмѣчено, была своего рода спортивная страсть, — безпощадное избіеніе мухъ. Онъ не терпѣлъ у себя ни одной мухи въ комнатахъ. Даже въ разгарѣ лѣта онѣ миновали его аппартаменты и, если какая-нибудь шальная туда случайно залетала, она немедленно предавалась казни.

Въ видахъ вящаго охраненія своего жилища отъ мухъ, адмиралъ не терпѣлъ, чтобы изъ кухни ,,шныряли" съ блюдами и провизіей мимо его оконъ.

Этотъ приказъ строго соблюдался всей дворней. Флигель адмирала приходился попутно, но его тщательно обходили, дѣлая для этого значительный крюкъ.

Степанъ и началъ донимать теперь „его превосходительство“ тѣмъ, что проходилъ съ блюдами и посудой подъ самыми его окнами, когда они бывали распахнуты настежъ.

Долго крѣпился адмиралъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ степкиныхъ козней, но однажды не выдержалъ, выскочилъ на крыльцо съ толстою палкой въ рукахъ и, со всего маха, пустилъ ее въ ноги озорника.

Степанъ выронилъ изъ рукъ посуду, хотѣлъ поднять палку, но адмиралъ во время подоспѣлъ и, ударомъ кулака по загривку, отшвырнулъ его въ сторону. Видя, что дѣло плохо, такъ какъ палка вновь очутилась въ рукахъ адмирала, Степанъ пустился въ утекъ, а адмиралъ ринулся за нимъ.

Я самъ видѣлъ всю эту сцену и дивился только, откуда у Александра Дмитріевича набралось столько прыти.

Степанъ кинулся на задній дворъ, — адмиралъ за нимъ.

Спасаясь отъ преслѣдованія, Степанъ кинулся къ отлогой наружной лѣстницѣ, ведущей на сѣновалъ.

Тутъ адмиралу удалось было ухватить бѣглеца за штанину, часть которой осталась, въ видѣ побѣднаго трофея, въ его рукахъ, но самъ Степка достигъ всетаки вершины лѣстницы, на которую не рѣшился устремиться адмиралъ, и скрылся въ глубинѣ сѣновала.

Видимо удовлетворенный позорнымъ бѣгствомъ врага, адмиралъ, весь малиновый, запыхавшійся, прослѣдовалъ къ себѣ обратно.

Степка, однако, не унялся; у него, видимо, тоже „сердце разгорѣлось“.

Держа въ рукахъ кусокъ своей оборванной штанины, онъ снова появился во дворѣ и, на почтительномъ разстояніи отъ адмиральскихъ оконъ, сталъ демонстративно потрясать въ воздухѣ люстриновой тряпицей и требовать возмѣщенія убытка.

Богъ знаетъ, чѣмъ-бы кончилась вся эта трагикомедія, еслибы ей не положила конецъ мама, которая, узнавъ о происшедшемъ, тотчасъ-же властно уняла расходившагося Степана.

Призвавъ его въ комнаты, она долго стыдила его, сказала, что онъ получитъ новые штаны, но что держать его долѣе у себя она не желаетъ.

Степанъ очень разстроился, пытался цѣловать мамѣ руку и просилъ простить его, а когда она, всетаки, не согласилась оставить его, просилъ рекомендовать его въ Морское Сораніе, гдѣ, по его словамъ, очищалось мѣсто.

Мама пообѣщала.

И, дѣйствительно, когда въ то же лѣто мы, съ дядей Всеволодомъ, послѣ купанья въ Спасской купальнѣ, заходили въ лѣтнее помѣщеніе Морского Собранія напиться чаю, Степанъ уже прислуживалъ намъ, одѣтый въ тужурку съ мѣдными пуговицами, какъ одѣвалась прислуга Собранія.

Каждый разъ онъ наказывалъ мнѣ поцѣловать за него ,,маменькѣ ручку".

Съ Иваномъ вышло иначе.

Едва успѣли похоронить бабушку, какъ онъ, просто, исчезъ, неизвѣстно куда дѣвался, точно ,,въ воду канулъ".

Гадали всяко: онъ былъ хорошій пловецъ и ходилъ купаться на Ингулъ, гдѣ были ,,водовороты" и гдѣ, нерѣдко, люди тонули; не прочь онъ былъ также принимать участіе въ ,,кулачныхъ бояхъ", которые бывали по воскресеньямъ на слободской базарной площади.

Впослѣдствіи я видѣлъ эти ,,,бои"; на нихъ изъ города многіе пріѣзжали посмотрѣть.

Двѣ ,,стѣны" людей выстраивались другъ противъ друга. Сперва съ той и другой стороны ,,задирали" мальчики-подростки и барахтались между собой; потомъ выступали взрослые и дрались въ одиночку, или парами, но, затѣмъ, страсти разгорались, и уже ,,стѣна" шла на ,,стѣну".

Та и другая то подавалась впередъ, то отступала, и, иногда, ни одна, ни другая не бывала побѣдительницей.

Но случалось, что, вдругъ, одна ,,стѣна" прорывалась и люди разсыпались въ разныя стороны, точно камни разрушаемой настоящей стѣны.

Случалось это, обыкновенно, когда свѣжая партія бойцовъ неожиданно примыкала къ той или другой сторонѣ.

Стѣны слагались изъ разновидныхъ элементовъ, однако-же съ преобладаніемъ всегда какого-либо основного состава, который и давалъ ,,стѣнѣ" свое названіе.

Бывали стѣны ,,мясниковъ", ,,слободскихъ", ,,вольныхъ", ,,жидовъ", ,,адмиралтейскихъ", ,,крючниковъ" и т. п.

Среди евреевъ чернорабочихъ, крючниковъ и мясниковъ выдавались замѣчательные бойцы.

Иванъ, когда ему удавалось урваться, примыкалъ къ стѣнѣ ,,вольныхъ" и нерѣдко синяки или царапины на его лицѣ свидѣтельствовали о томъ, что онъ побывалъ на боевой аренѣ.

Часто исходъ боя рѣшала кучка матросовъ, случайно забредшихъ поглазѣть. Они, вдругъ, неожиданно, выходили изъ

своего нейтралитета и кидались на помощь тѣснимой сторонѣ. Тогда картина быстро мѣнялась.

Но чаще всего, обѣ стороны считали себя побѣдителями.

Исковерканныхъ въ кровь физіономій бывало, при этомъ, не мало, но никто это за обиду не принималъ.

Разъ или два пришлось услышать, что бывали смертные случаи на мѣстѣ боя. Угодитъ кто-нибудь неосторожно въ високъ, — и готово.

Мы гадали, не погибъ-ли такъ, или иначе, нашъ Иванъ, но тѣла его нигдѣ не нашли, несмотря на всѣ розыски.

Только позднѣе пошелъ слухъ, будто-бы онъ, не дождавшись „вольной", примкнулъ къ бродячему венгерскому цирку, гдѣ, наряду съ другими номерами, ставились „военныя пантомимы", съ участіемъ многихъ статистовъ.

Впослѣдствіи, читая у Некрасова „гдѣ ты, эй, Иванъ"? невольно сближалъ пророческое ясновидѣніе поэта съ реальною судьбою нашего Ивана, съ тою, однако, разницею, что, къ чести бывшихъ его владѣльцевъ, не только скула, но и зубы его были цѣлы.

Вмѣсто двухъ прежнихъ лакеевъ у насъ появился одинъ, — степенный Петръ, бывшій буфетчикъ офицерской каютъ-компаніи дядинаго экипажа, который, къ тому времени, получилъ отставку.

Самъ дядя Всеволодъ, получивъ чинъ генералъ- маіора (а не адмирала, такъ какъ все время занималъ береговыя мѣста),вышелъ также въ отставку.

Мундиръ, расшитый золотомъ и брюки съ золотыми лампасами, онъ себѣ сшилъ, но сталъ одѣваться въ статское платье, что болѣе шло къ его мирной фигурѣ.

Мундиръ онъ сталъ одѣвать только въ церковь, по высокоторжественнымъ праздникамъ и въ царскіе дни.

Въ качествѣ мужской прислуги у дяди Всеволода появился „Васька", мальчикъ лѣтъ четырнадцати, который очень скоро сталъ большимъ моимъ пріятелемъ и игралъ значительную роль въ моей юной жизни.

Въ первый разъ я увидѣлъ Ваську, въ отведенной ему каморкѣ, покрытымъ двумя не то лошадиными попонами, не то одѣялами; онъ лежалъ, его трясла лихорадка, онъ былъ очень худъ и блѣденъ.

Исторія его была такова.

Онъ былъ кирьяковскій, круглый сирота, былъ раньше во дворѣ „на побѣгушкахъ" и, когда объявили „волю", не имѣлъ

куда дѣться. Къ тому-же онъ подхватилъ гдѣ-то малярію и аккуратно, каждый день, его, по часамъ, трясла жестокая лихорадка.

Дядя Всеволодъ рѣшилъ взять его къ себѣ въ городъ. Его начали лѣчить и, довольно скоро, поставили на ноги.

Вся служба Васьки, при дядѣ, состояла въ томъ, что онъ чистилъ ему сапоги и платье и набивалъ ему трубку жуковымъ табакомъ, а когда дядя бралъ трубку, чтобы курить, чиркалъ „сѣрникъ“ (спичку) и подносилъ его къ трубкѣ, набитой табакомъ.

Остальная прислуга вся была женская, она и убирала комнаты.

Васька оказался очень живымъ и сообразительнымъ малымъ.

Замѣтивъ, что я много читаю, забирая съ собою книжку въ садъ, гдѣ онъ, почти всегда, былъ моимъ спутникомъ, онъ выразилъ желаніе научиться грамотѣ. Я тотчасъ-же, съ гордостью, принялся за его обученіе.

Каждый день являлся онъ ко мнѣ съ азбукой въ рукахъ и ученической тетрадкой и очень скоро достигъ прекрасныхъ результатовъ.

Менѣе чѣмъ въ полгода онъ сталъ недурно читать по печатному и преуспѣлъ четко и довольно красиво вывести на своихъ тетрадкахъ и книжкахъ, которыя я ему подарилъ: „Василія Шевченко“.

Фамилія его была подлинно „Шевченко“ и, познакомившись впослѣдствіи съ именемъ и судьбою знаменитаго поэта Шевченко, я не прочь былъ горделиво допустить, что и другъ моего дѣтства, Васька, одного рода съ бывшимъ также крѣпостнымъ Тарасомъ Шевченко.

Склонности къ поэзіи „мой Шевченко“, однако не обнаруживалъ никакой, если не считать поэтическимъ занятіемъ ловлю щегловъ и чижей, чему онъ меня научилъ, и еще страсти къ голубиному спорту, которому, подъ его руководствомъ, я одно время, съ увлеченіемъ, предался.

Дядя Всеволодъ накупилъ мнѣ голубей, въ томъ числѣ великолѣпнаго „краснаго турмана“, которыхъ мы (съ Васькой) помѣстили въ пустовавшую ранѣе голубятню, надъ конюшней, и гоняли подъ вечеръ на диво всей дворнѣ.

Смастерилъ онъ мнѣ также великолѣпнаго бумажнаго змія, почти одного со мною роста, который мы „запускали“ на длиннѣйшемъ шнурѣ такъ высоко, что, на своей высотѣ, онъ казался не больше почтоваго конверта.

Лазили мы съ нимъ и на деревья ѣсть шелковицу. Въ саду было два роскошныхъ дерева, одно бѣлой, другое красной шелковицы. Деревья были на самой границѣ сада, у „жидовской стѣны".

Взобравшись на любое изъ нихъ, передъ нами открывался весь „жидовскій дворъ", гдѣ на кучѣ слежавшейся золы черноглазыя „жидовочки" и „жиденята" всегда сторожили наше появленіе на деревѣ, такъ какъ мы забавлялись тѣмъ, что бросали имъ пригоршни спѣлой шелковицы.

По зимамъ Васька мастерилъ въ глубинѣ сада снѣжную горку и мы съ нимъ на узкихъ санкахъ, а не то и просто кубаремъ скатывались съ нея. Но зимы въ Николаевѣ стояли недолго и снѣгъ довольно быстро таялъ.

Но, на ряду съ массой пріятныхъ минутъ и часовъ, прожитыхъ мною, благодаря предпріимчивой изобрѣтательности Васьки, именно его предпріимчивая непосѣдливость бывала источникомъ и большихъ моихъ безпокойствъ и, даже, страданій.

Хотя у Васьки, — я отлично это зналъ, — не было въ городѣ ни знакомыхъ, ни родственниковъ, куда-бы онъ могъ ходить, онъ отпрашивался каждое воскресенье и въ праздники „погулять". Дядя Всеволодъ всегда отпускалъ его, но только строго наказывалъ, чтобы къ четыремъ часамъ (время пробужденія дяди отъ послѣобѣденнаго сна) Васька съ готовой для него трубкой былъ на мѣстѣ.

Для меня не было секретомъ, куда именно устремляется Васька каждый праздникъ въ опредѣленный часъ. Онъ спѣшилъ на слободскую площадь, гдѣ происходили кулачные бои.

Глядѣлъ-ли онъ только, или его тянуло принять въ нихъ участіе, не знаю, но нерѣдко онъ возвращался съ опозданіемъ.

Это приводило меня въ отчаяніе, такъ какъ дядя Всеволодъ просыпался, обыкновенно, минута въ минуту и тотчасъ-же изъ спальни раздавался его голосъ: „Васька, трубку"!

Я по часамъ слѣдилъ за временемъ, выбѣгалъ на улицу поглядѣть, не идетъ-ли наконецъ Васька, и безпокойству моему не было предѣла. Мысленно я, даже, молился Богу, чтобы Васька поспѣлъ во время.

Чего я, собственно, боялся, не даю себѣ отчета.

Я могъ-бы, путемъ уморазсужденій, легко прійти къ заключенію, что особенной бѣды не воспослѣдуетъ.

Но уже одна мысль, что милый дядюха долженъ будетъ сердиться и покричать на Ваську, была для меня непріятна. Чаще всего случалось, что я по пустому волновался.

Въ большинствѣ случаевъ, Васька умудрялся поспѣть какъ разъ во время, когда уже изъ дядиной спальни раздавался его голосъ: „Васька, трубку“!

Но раза три въ зиму (кулачные бои бывали только поздней осенью и зимой) Васька, всетаки, значительно опоздалъ.

Тогда я спѣшно подавалъ дядюхѣ трубку съ такимъ видомъ, будто отбиваю у Васьки эту честь.

Дядя, однако, скоро прозрѣвалъ истину, и когда Васька, наконецъ, появлялся, прикрикивалъ на него.

Разъ за слишкомъ долгое опозданіе дядя, бывшимъ у него въ рукахъ чубукомъ, даже поддалъ ему по заду, когда тотъ нагнулся, чтобы поднести зажженую спичку къ трубкѣ.

Васька не моргнулъ глазомъ и спичка у него не погасла.

Я послѣ участливо допрашивалъ его: „больно досталось“?

— Какое больно, мазнулъ только! — обнадежилъ онъ меня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Въ Николаевъ начали, постепенно, съѣзжаться учителя будущихъ гимназій.

Пріѣхалъ также директоръ мужской гимназіи Паруновъ, человѣкъ не старый, съ обрюзгшимъ, круглымъ лицомъ, безъ усовъ, но съ бакенбардами.

Онъ сдѣлалъ мамѣ визитъ, пожелалъ видѣть меня и посовѣтовалъ мамѣ „сдать“ меня „въ рекруты“ при самомъ открытіи гимназіи. Это онъ шутилъ такъ въ моемъ присутствіи, но и его шутки, и самъ онъ, съ растопыренными толстыми волосатыми пальцами на рукахъ, мнѣ совсѣмъ не понравились.

На этомъ знакомство съ нимъ у мамы и окончилось.

Онъ не былъ женатъ, а при немъ жила какая-то дальняя родственница.

Изъ наѣхавшихъ учителей Григорій Яковлевичъ особенно рекомендовалъ мамѣ учителя естественныхъ наукъ Бобровскаго. Мама пригласила его давать намъ уроки и онъ преподавалъ намъ естествовѣденіе.

Помню одинъ урокъ, на которомъ шла рѣчь о строеніи млекопитающихъ и самаго человѣка.

Онъ демонстрировалъ это на только-что зарѣзанномъ поросенкѣ, котораго доставили изъ кухни, на большомъ блюдѣ, въ сыромъ видѣ.

Онъ „вскрылъ“ его и показывалъ намъ сердце, легкія, мозгъ и объяснялъ расположеніе и функціи желудка, печени, селезенки и кишокъ.

Всѣ домашніе сошлись глядѣть на эту „умственность“.

Мнѣ она не пришлась по вкусу.

Я не могъ никогда видѣть крови безъ ощущенія тошноты; притомъ-же розовый, оголенный отъ шерсти поросенокъ очень походилъ на крошечнаго ребенка.

Въ другіе разы нашъ естествовѣдъ показывалъ намъ нѣкоторые физическіе и химическіе опыты; между прочими, опытъ горѣнія кусочка угля въ кислородѣ. Это было куда интереснѣе.

Относительно математики я всегда самъ считалъ себя очень отсталымъ. Она была мнѣ всегда нестерпимо скучна, пока впослѣдствіи дѣло не дошло до геометріи и тригонометріи, которыя давались гораздо легче. Но алгебра.... Мнѣ до сихъ поръ противно о ней вспоминать.

Можетъ быть это объясняется отчасти тѣмъ, что съ учителями математики мнѣ съ самаго начала и до конца не повезло.

Для гимназіи былъ намѣченъ пріѣхавшій изъ Одессы маленькій, худой человѣчекъ, по фамиліи Гертнеръ. Говорили, что онъ „чахоточный“ и что потому изъ подъ кочковатой растительности на его лицѣ такъ рѣзко выступаютъ его красныя щеки.

Изъ всѣхъ учителей, прибывшихъ въ Николаевъ, онъ одинъ не сдѣлалъ мамѣ визита.

Это объяснялось тѣмъ (мама такъ объясняла), что онъ считался женихомъ вдовствующей госпожи Тремеръ, которая имѣла въ Николаевѣ женскій пансіонъ, извѣстный, почему-то, подъ названіемъ „пансіонъ madame Mimi“.

Въ этотъ пансіонъ родители, которые не могли справиться съ лѣностью или дурнымъ характеромъ своихъ дѣвицъ, отдавали ихъ для исправленія.

Госпожа Тремеръ (или madame Mimi) очень хотѣла залучить къ себѣ въ качествѣ учительницы нашу mademoiselle Clotilde, но та на отрѣзъ отказалась отъ подобной чести. „Madame Mimi“ пріѣзжала по этому поводу переговорить и съ нашей мамой, но послѣдняя ее сухо приняла.

Этого было достаточно, чтобы возникла съ обѣихъ сторонъ глухая, скрытая, но, повидимому, непримиримая вражда.

О самомъ Гертнерѣ, притомъ, ходили слухи, что онъ крайне раздражительный, упрямый и придирчивый педагогъ.

Что онъ былъ подлинно женихомъ бездѣтной вдовыТремеръ,— ясно было уже изъ того, что въ лунные вечера ихъ можно было видѣть всегда вмѣстѣ гуляющими взадъ и впередъ по бульварчику, протянувшемуся вдоль всего квартала, гдѣ былъ пансіонъ „madame Mimi“.

Издали эта пара представлялась отчасти комичной: она высокая, полная, величаво выступающая, онъ тощій, маленькій, суетливо семенящій худыми ножками, чтобы поспѣвать за нею. Озаренные луннымъ сіяніемъ, они вызвали чье-то вдохновеніе и всѣ въ городѣ знали четверостишіе:

Гертнеръ съ Тремершей гуляютъ
Отъ угла и до угла,
И, при этомъ, разсуждаютъ:
Отчего земля кругла?

Такъ какъ въ это время долго дебатировался, а затѣмъ, повидимому, окончательно вырѣшился вопросъ о моемъ поступленіи въ гимназію, меня сталъ очень тревожить вопросъ о степени моей подготовленности по математикѣ и я даже пробовалъ внушать мамѣ мысль, что я непремѣнно провалюсь на вступительномъ экзаменѣ, и что не лучше-ли переждать еще годъ.

Но Григорій Яковлевичъ Денисевичъ и mademoiselle Clotilde очень настаивали на томъ, что мои страхи напрасны, и находили, что я слишкомъ женственно поведенъ и что только общеніе со школьными товарищами вырабатываетъ характеръ и закаляетъ его.

Мама временами колебалась. Она опасалась нежелательныхъ примѣровъ и дурного вліянія.

Гимназія образовывалась изъ прежняго штурманскаго училища, которое пользовалось дурной славой.

Воспитанники старшихъ классовъ, очень распущенные, считались, до извѣстной степени, бичемъ города.

Особенно безобразно было ихъ поведеніе въ еврейскихъ кварталахъ, гдѣ ютились семьи ремесленниковъ, которымъ разрѣшалось жить въ городѣ. Тутъ они уже совсѣмъ не стѣснялись: направо и налѣво давали зуботычины, приставали къ молодымъ дѣвушкамъ и обрывали уши босоногимъ жиденятамъ, игравшимъ въ бабки на площадкѣ синагоги.

Но и независимо отъ этихъ специфическихъ развлеченій, они, вообще, были крайне дурно воспитаны и даже публично появлялись иногда не трезвыми.

Штурмана во флотѣ вообще считались паріями и изъ „хорошихъ семей“ никто не отдавалъ своихъ дѣтей въ это училище.

Григорій Яковлевичъ, который былъ хорошо освѣдомленъ относительно имѣющей совершиться переформировки училища, утверждалъ, что ученики всѣхъ старшихъ классовъ будутъ переправлены въ Севастополь для продолженія курса до выпуска ихъ въ штурманы, а въ гимназіи останутся интернами только мальчики двухъ младшихъ классовъ. Въ первый годъ, вообще, будутъ открыты только первые четыре класса, а старшихъ учениковъ пока и вовсе не будетъ.

Относительно сестры мама твердо рѣшила, что она не поступить въ гимназію ранѣе четвертаго, или пятаго, класса, и только въ томъ случаѣ, если гимназія окажется на должной высотѣ.

Когда рѣшались эти вопросы, мнѣ минуло десять лѣтъ, а сестрѣ двѣнадцать.

Григорій Яковлевичъ находилъ, что я вполнѣ подготовленъ для второго класса и было рѣшено, что, когда мнѣ стукнетъ одиннадцать, меня повезутъ держать вступительный экзаменъ именно во второй классъ.

Моему страху передъ математикой въ лицѣ, какъ мнѣ казалось, уже заранѣе невзлюбившаго меня Гертнера, суждено было, повидимому, къ тому времени также разсѣяться.

Позднѣе другихъ прибылъ въ Николаевъ будущій инспекторъ гимназіи (и вмѣстѣ учитель математики для будущихъ старшихъ классовъ, именно съ пятаго) очень „симпатичный хохолъ“, какъ аттестовала его мама послѣ первой встрѣчи, по фамиліи Федорченко.

Мама хотѣла его пригласить для уроковъ, но онъ не находилъ возможнымъ давать частные уроки дѣтямъ, готовящимся въ гимназію, гдѣ въ качествѣ инспектора онъ будетъ главнымъ экзаменаторомъ. Узнавъ же о моихъ страхахъ передъ математикой и объ опасеніяхъ мамы относительно придирчивости Гертнера, онъ сказалъ, что самъ проэкзаменуетъ меня и что далѣе четырехъ правилъ ариѳметики ничего съ меня не спроситъ.

Его близорукіе глаза, мягко глядѣвшіе изъ-за черепаховыхъ круглыхъ очковъ, и самъ онъ, немного ожирѣвшій, но живой и веселый, внушали полное довѣріе и я пересталъ трепетать и думать о коварныхъ противъ меня замыслахъ чахоточнаго Гертнера тѣмъ болѣе, что тотъ-же Федорченко отрицалъ и самую его чахотку, утверждая, что онъ „отродясь такой, и насъ всѣхъ переживетъ“.

Одновременно съ этимъ, при участіи дяди Всеволода, рѣшался и другой вопросъ, который мнѣ улыбался гораздо больше, нежели предстоящее закаливаніе моего характера въ гимназіи общеніемъ съ товарищами.

Состоялось соглашеніе, что одновременно съ моимъ поступленіемъ въ гимназію, я перейду жить къ дядѣ Всеволоду, а Нелли, которой шелъ уже седьмой годъ, станетъ жить у мамы въ большомъ домѣ, чтобы заниматься съ M-lle Clotilde и брать нѣкоторые уроки у приходящихъ къ сестрѣ Ольгѣ учителей.

Я, „какъ мужчина“ долженъ жить съ мужчиной, т. е. съ милѣйшимъ моимъ дядюхой.

И я и онъ какъ-то смѣшно возликовали по поводу такого рѣшенія, хотя, и безъ того, мы видѣлись съ нимъ нѣсколько разъ въ день и забѣгалъ я къ нему, когда вздумается.

Мнѣ почудилось даже, что онъ возгордился тѣмъ, что мама, авторитетъ которой онъ ставилъ очень высоко, оказала ему столько довѣрія, поручая ближайшее попеченіе о ея родномъ, и при томъ единственномъ, сынѣ.

Онъ удвоилъ (если только было возможно) свою ласку и вниманіе ко мнѣ и мы почти не разставались.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Въ ожиданіи моего поступленія въ гимназію всѣ домашніе какъ то особенно ласкали и баловали меня, точно, и впрямь, готовились „сдать въ рекруты“, или разстаться на долго.

Большимъ „баловствомъ“ считала мама, когда согласилась отпустить меня съ дядей Всеволодомъ „прокатиться въ Херсонъ“, куда среди зимы онъ долженъ былъ съѣздить на нѣсколько дней по дѣламъ наслѣдства.

Я возликовалъ, когда Надежда Павловна и mademoiselle Clotilde стали снаряжать меня въ „дальнюю дорогу“.

Мнѣ купили валенки и широкій баранiй тулупчикъ, который можно было надѣть поверхъ теплаго пальто. Кромѣ мѣховой шапки обмотали голову еще башлыкомъ и дали мѣховыя рукавицы. Вся фигура моя точно распухла и выросла.

Ко дню нашего отъѣзда выпалъ хорошій снѣгъ. Стояла чудная погода, морозъ былъ не сильный, но снѣгъ держался крѣпко.

Дядя Всеволодъ, одѣтый, какъ и я, совсѣмъ по дорожному, предсказывалъ, что „по первопутку“ въ саняхъ мы пролетимъ всѣ шестьдесятъ верстъ, не оглянувшись.

Это мое первое на почтовыхъ лошадяхъ путешествіе, представлялось мнѣ огромнымъ событіемъ.

Намъ подали широкія, до верху сплошь устланныя сѣномъ, сани-розвальни, въ которыхъ можно было, при желаніи, не только удобно сидѣть, но и лежать во всю длину.

Ямщикъ, съ блестящими мѣдными бляхами на рукавъ и на ямской шляпѣ, четверка сытыхъ лошадей, съ бубенцами и колокольчикомъ, подвязаннымъ къ дышлу, все это казалось мнѣ чреватымъ несказанными радостями.

И дѣйствительно, быстрая ѣзда по гладкой санной дорогѣ, съ пушистымъ снѣгомъ, кидаемымъ на ходу задними копытами пристяжныхъ и съ неумолкающими переливами звякающаго колокольчика, наполняли грудь какою-то захватывающею радостью.

Ногамъ, тонувшимъ въ мягкомъ сѣнѣ, и всему тѣлу было тепло и только щеки какъ-то весело щекотало, когда на нихъ попадали пылинки холоднаго снѣга.

Ямщикъ, съ запорошенной снѣжнымъ налетомъ бородой, иногда привставалъ у своего облучка, встряхивалъ возжами, или взмахивалъ въ воздухѣ кнутомъ и вскрикивалъ: „эхъ, вы, милые“! Тогда вся четверка пускалась вскачь и неслась такъ, что духъ захватывало. Потомъ лошади переходили постепенно опять на рысь и, фыркая и поматывая головами, отмѣривали версту за верстою.

На двухъ станціяхъ намъ спѣшно смѣняли лошадей и давали опять сытыхъ, хорошихъ.

Дядя Всеволодъ, посмѣиваясь, сказалъ: „сообразили, что везутъ брата губернскаго почтмейстера, стараются. Когда я ѣхалъ на перекладныхъ въ Петербургъ держать экзаменъ на мичмана, мнѣ такихъ лошадей нигдѣ не давали.“

На предпослѣдней станціи намъ подали кипящій самоваръ и мы пили чай. Жена смотрителя принесла намъ яицъ, масла, и теплый крендель, обсыпанный макомъ.

Ничего вкуснѣе я не пилъ и не ѣдалъ во всю мою жизнь.

Въ Херсонъ мы въѣхали еще засвѣтло.

Улицы были не такія широкія, какъ въ Николаевѣ. Сани легко закатывались на поворотахъ, такъ какъ мостовыя шли покато къ краямъ.

Дома были выше и лучше николаевскихъ, попадались двухъэтажные.

Мы подъѣхали, какъ разъ, къ большому двухъэтажному дому, выкрашенному въ желтый цвѣтъ, съ бѣлыми отводами.

Надъ первымъ этажемъ было что-то вродѣ вывѣски, съ двуглавымъ орломъ посрединѣ.

Дядя мнѣ объяснилъ, что внизу была почтовая контора, а квартира Аполлона Дмитріевича, почтмейстера, была во второмъ этажѣ, откуда выступалъ балконъ на улицу.

Дверь параднаго подъѣзда выходила на улицу и вела въ квартиру. Почтовая контора имѣла свой отдѣльный входъ по другой сторонѣ дома.

Аполлонъ Дмитріевичъ и Тося, очень мнѣ обрадовавшійся, встрѣтили насъ на верхней площадкѣ лѣстницы и оживленно насъ привѣтствовали.

Въ кваритрѣ было уютно и тепло и она показалась мнѣ довольно обширной и хорошо обставленной.

Грацію Петровну и Маню мы увидѣли только значительно позднѣе; онѣ уѣхали на загородный пикникъ, организованный ими по случаю „первопутка".

Женя и Саша были дома и скоро примкнули къ нашей компаніи.

На этотъ разъ Женя была менѣе недотрога. Она очень сдружилась съ Тосей потому, что Маня, въ качествѣ взрослой, (ей минуло шестнадцать лѣтъ) стала много „выѣзжать", а она, оставаясь дома, скучала.

Старой, чопорной нѣмки при ней уже не было, а была цвѣтущая, вся въ веснушкахъ, рыжеватая швейцарка, съ массою взбитыхъ волосъ на головѣ.

Она смѣнила нѣмку для практики дѣтей во французскомъ языкѣ, но выговоръ ея былъ не такой чистый, какъ у нашей Клотильды.

Женя ее третировала свысока, называя просто „Бертой", и говорила съ нею не иначе, какъ капризнымъ тономъ.

Вмѣстѣ съ Граціей Петровной и Маней пріѣхали съ пикника и ихъ кавалеры. Во время обѣда, который здѣсь былъ въ тотъ часъ, когда у насъ былъ ужинъ, я ихъ хорошо разглядѣлъ.

Ихъ было трое.

Тотъ, который былъ постарше, былъ домашнимъ врачемъ Граціи Петровны, лѣчившимъ ее отъ нервовъ и мигреней. Это онъ посылалъ ее ежегодно на воды въ Эмсъ. Какой онъ былъ національности, — не знаю, но фамилія его была не русская. Онъ

не былъ красивъ, но у него были удивительно бѣлыя, холеныя руки и на его лѣвой рукѣ игралъ при свѣтѣ брилліантъ его кольца. Онъ былъ молчаливъ и сдержанъ, но кушалъ съ большимъ аппетитомъ.

Грація Петровна, знакомя его съ дядей Всеволодомъ, не преминула очень расхвалить своего доктора и даже совѣтовала дядѣ вызвать его въ Николаевъ для консультаціи по поводу частыхъ недомоганій Нелли.

Дядя очень благодарилъ ее, но поспѣшилъ замѣтить, что, слава Богу, его Нелли теперь окрѣпла и съ каждымъ днемъ набирается новыхъ силъ.

Двое другихъ кавалеровъ были молодые люди. Одинъ — высокаго роста, нѣсколько сутуловатый брюнетъ, въ золотыхъ очкахъ на близорукихъ глазахъ, былъ довольно застѣнчивъ и говорилъ какъ-то неувѣренно, точно оглядываясь, или прислушиваясь по сторонамъ.

Что-то мягкое и симпатичное было въ его лицѣ и въ его манерахъ и онъ мнѣ сразу понравился.

Его часто перебивалъ на полусловѣ другой, самоувѣренный и говорливый блондинъ, съ красивой окладистой бородой и низко отпущенными волосами.

Перваго звали Иваномъ Дмитріевичемъ Ревуцкимъ, второго Александромъ Александровичемъ Енкуватовымъ.

Ихъ характеристику, въ тотъ же вечеръ, когда всѣ разошлись, Аполлонъ Дмитріевичъ, съ большимъ оживленіемъ, дѣлалъ дядѣ Всеволоду, не стѣсняясь моимъ и Тосинымъ присутствіемъ.

И. Д. Ревуцкій былъ окончившій курсъ лицеистъ, старшій сынъ одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Екатеринославской губерніи. Въ Херсонѣ онъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ и ждалъ судебной реформы, чтобы перейти въ судебное вѣдомство.

Въ послѣднее время онъ бывалъ очень часто въ домѣ Аполлона Дмитріевича и послѣдній весьма прозрачно давалъ понять, что молодой человѣкъ бываетъ у нихъ и всюду слѣдуетъ за Маней не съ проста и что лучшей партіи онъ, какъ отецъ, не могъ-бы желать.

Объ А. А. Енкуватовѣ былъ менѣе восторженный отзывъ, не безъ оттѣнка нѣкотораго раздраженія.

По словамъ Аполлона Дмитріевича, это былъ прежде всего „большой насмѣшникъ“. Въ городѣ его считали умникомъ и острякомъ, побаивались его пера и языка и потому всюду гостепріимно принимали. Онъ пописывалъ въ одесскихъ жур-

налахъ, немного рисовалъ и каррикатуры его ходили по рукамъ. Въ прошломъ году онъ такъ высмѣялъ въ журнальной корреспонденціи устроительницъ благотворительнаго базара, что мѣстныя дамы долго не могли ему этого простить.

Онъ былъ членомъ многочисленной семьи совершенно разорившагося помѣщика, бывшаго гусара, доживающаго гдѣ-то въ глуши свой вѣкъ.

Одесскаго лицея молодой человѣкъ, вслѣдствіе какой-то „студенческой исторіи", не кончилъ, но, благодаря старымъ связямъ отца, занимаетъ какую-то, и притомъ довольно значительную, хотя и временную, должность „по крестьянскимъ дѣламъ".

Онъ также весьма неравнодушенъ къ Манѣ, но о чемъ-либо серьезномъ тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Уже до этой характеристики, пока мы сидѣли долго за столомъ во время обѣда, я сталъ догадываться, что оба молодыхъ человѣка, сидѣвшіе съ двухъ сторонъ Мани, расцвѣтшей въ настоящую красавицу, были влюблены въ нее.

Они пикировались другъ съ другомъ по всякому поводу и даже безъ всякаго повода, причемъ Маню это, повидимому, очень забавляло, такъ какъ она одинаково кокетливо-равнодушно взглядывала то на одного, то на другого. Было что-то спокойное и властное въ красотѣ этой едва сформировавшейся дѣвушки.

На меня, — я ощущалъ это отчетливо, Маня уже не обращала ровно никакого вниманія. И, къ моему собственному удивленію, это меня не слишкомъ огорчало.

Я какъ-то удивительно быстро порѣшилъ мысленно, что она занята только своей собственной красотой и не способна вовсе на сколько-нибудь глубокое чувство.

Это меня разомъ примирило съ нею и я безъ малѣйшей тревоги могъ теперь разглядывать ее, сколько хотѣлъ.

Александръ Александровичъ Енкуватовъ никого не оставлялъ въ покоѣ. Втеченіе всего вечера онъ шутилъ, острилъ, подсмѣиваясь и надъ самой Маней, но она этого не замѣчала.

Нѣсколько разъ поминалъ онъ и про Эмсъ Граціи Петровны, кстати и некстати. Разъ сталъ увѣрять, что Эмсовыя лепешки, которыя она привезла съ собою и всегда имѣла при себѣ, за поясъ заткнутъ всякій „жизненный элексиръ", даруя вѣчную молодость. Другой разъ сказалъ, что она скоро обнаружитъ дивный голосъ и запоетъ, а онъ сочинитъ для нея романсъ, который посвятитъ „милѣйшему doctore".

Даже меня онъ не оставилъ въ покоѣ.

Разсказывая что-то Тосѣ, думая, что кромѣ него никто меня не слушаетъ, я, между прочимъ, нескладно обмолвился: ,,я читалъ про это, знаешь, въ той сѣренькой книжкѣ и т. д.“ Александръ Александровичъ тотчасъ-же подхватилъ мою ,,сѣренькую книжку“ и, глядя на меня въ упоръ, сталъ дразнить: ,,ахъ, молодой человѣкъ, хорошо, что она была сѣренькая, еслибъ она была зелененькая, вы-бы прочли въ ней другое“.

Я спекъ рака, ничего не отвѣтилъ, но про себя пожелалъ ему провалиться въ глазахъ лучезарной Мани и почувствовалъ живѣйшую симпатію къ его сопернику, незлобивому и неувѣренному въ себѣ претенденту на ея руку и сердце,

Мысленно я уже благославлялъ ихъ.

Втеченіе нашего съ дядей пребыванія въ Херсонѣ, а это пребываніе длилось нѣсколько дней, я очень мало видѣлъ и Маню и Грацію Петровну. Обѣ онѣ вставали поздно и выходили изъ своихъ комнатъ только къ завтраку.

Днемъ онѣ дѣлали или принимали визиты, а вечеромъ — или были въ гостяхъ, или у нихъ были гости.

Аполлонъ Дмитріевичъ, съ дядей Всеволодомъ, также рѣдко оставались по вечерамъ дома. Они отправлялись въ клубъ играть въ преферансъ.

Мы, съ Женей и Тосей, пользовались полнѣйшей свободой.

Швейцарка уводила Сашу рано спать и больше не появлялась.

Мы втроемъ засиживались долго и не скучали.

Женѣ особенно нравилось играть ,,въ визиты“.

Она кокетливо вытягивалась на ,,chaise longue“, дѣлала видъ, что страдаетъ мигренью, нюхала флакончикъ духовъ и давала цѣловать свою руку, когда мы, съ Тосей, поочередно, расшаркивались передъ нею и спрашивали о ея здоровьи.

Она отлично изображала ,,свѣтскую даму“, которую мы должны были занимать.

Въ этотъ разъ Женя мнѣ положительно начинала нравиться, тѣмъ болѣе, что въ отсутствіе Мани, я какъ-то совсѣмъ о ней не вспоминалъ.

Когда игра ,,въ визиты“ пріѣдалась, мы затѣвали игру въ ,,прятки“.

Женя всегда пряталась, а я большею частью искалъ, не зная хорошо ихъ похоронокъ.

Найдя ее гдѣ-нибудь въ темномъ углу, я не отказывалъ себѣ въ удовольствіи крѣпко обхватить ее и разцѣловать. Она принимала это какъ должное, точно это между нами было условлено.

Расходились мы по своимъ комнатамъ, только заслышавъ подъѣзжающій къ подъѣзду экипажъ.

Херсонъ мнѣ нравился и времяпрепровожденіе наше я находилъ пріятнымъ.

Никто изъ взрослыхъ насъ не стѣснялъ, не обращая на насъ ровно никакого вниманія.

У Тоси оказалась еще для меня приманка, о которой я и не мечталъ. Я остолбенѣлъ, когда онъ мнѣ только сообщилъ о ней, а когда увидѣлъ своими глазами, не могъ прійти въ себя отъ изумленія.

На другой-же день нашего пріѣзда Тося повелъ меня во дворъ, гдѣ подъ длиннѣйшимъ навѣсомъ стояло много разныхъ экипажей и саней и, въ ихъ числѣ, очень изящный, не высокій, двухколесный шарабанчикъ, кузовъ котораго былъ красиво раскрашенъ „подъ плетенку".

Въ конюшнѣ-же, среди другихъ лошадей, въ отдѣльной загородкѣ, стоялъ небольшой гнѣденькій конекъ, аккуратный и красивой масти.

Была у Тоси и соотвѣтствующая росту конька „англійская сбруя" и сѣдло, тоже „англійское", желтой кожи, чтобѣ ѣздить на немъ верхомъ.

Все это очень недавно онъ получилъ въ подарокъ (отъ кого именно, — онъ не пояснялъ), и не успѣлъ мнѣ еще объ этомъ написать.

Когда Тося запрягъ въ первый разъ при мнѣ своего „Гнѣдыша", причемъ колеса въ шарабанѣ были замѣнены, въ виду снѣжной дороги, полуколесами, въ видѣ полозьевъ, туго закрѣпленныхъ у оси, я просто диву дался, такъ все вмѣстѣ было игрушечно красиво и, одновременно, прочно и удобно.

Тося уже разъѣзжалъ одинъ по городу и самъ отлично правилъ Гнѣдышемъ. Теперь мы съ нимъ ѣздили вдвоемъ, при чемъ онъ былъ такъ милъ, что давалъ мнѣ охотно править. У меня оказалась къ этому прирожденная сноровка. Правда, я достаточно насмотрѣлся на Николая и Игната и старался подражать имъ.

Гѣндышъ былъ чудная, очень ходкая лошадка.

Многихъ большихъ лошадей онъ обходилъ легко. Тося, по праву, гордился имъ и я, — долженъ сознаться, — безъ заглушенной зависти не могъ не только говорить, но даже думать о немъ.

Дядя Всеволодъ, полюбопытствовавшій подробно оглядѣть всю фееріческую упряжку, точно чутьемъ угадалъ мои затаенныя

душевныя муки и тотчасъ-же объявилъ, что и у меня будетъ тоже и лошадка, и шарабанчикъ, и сѣдло.

Онъ даже взялъ у каретника, который сооружалъ Тосѣ шарабанчикъ, какой-то чертежъ, по которому рѣшилъ заказать подобный же въ Николаевѣ, гдѣ очень славился „вѣнскій каретникъ".

Относительно же лошади дядя Всеволодъ просилъ Аполлона Дмитріевича не упустить случая, если подвернется подходящая, пріобрѣсти и доставить въ Николаевъ.

Когда мы возвращались съ милымъ дядюхой обратно, на этотъ разъ уже не въ саняхъ, а въ крытомъ рессорномъ тарантасѣ, я чувствовалъ къ нему такую нѣжность и такую любовь, сильнѣе и глубже которыхъ, мнѣ казалось, уже не можетъ быть.

Весь онъ мнѣ представлялся воплощеніемъ какой-то неизсякаемой доброты, которая, словно вода широкой рѣки, разлилась-бы повсюду и ее хватило бы на всѣхъ, если-бы ее не замыкали берега.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

По возвращеніи нашемъ изъ Херсона, уроки возобновились и ихъ еще прибавилось.

Былъ приглашенъ новый учитель математики, также морякъ съ серебрянными погонами (кажется штурманъ), но толковѣе прежняго нашего „туруруколы".

Я бывалъ разсѣянъ и было иногда скучновато.

Слишкомъ много было впереди ожиданій: гимназія, переходъ на житье къ дядѣ Всеволоду и — видѣніе далекаго миража — конекъ, шарабанчикъ и сѣдло.....

Мама находила, что это „затѣя" лишняя и слишкомъ ранняя, но дядя Всеволодъ успокаивалъ ея, говоря, что первое время я могу ѣздить въ шарабанѣ съ кучеромъ, а верхомъ буду ѣздить съ нимъ, или съ Григоріемъ Яковлевичемъ Денисевичемъ, который окончательно привился у насъ въ домѣ.

Мама все еще ходила въ глубокомъ траурѣ и бывала нерѣдко разстроена, даже, раздражена.

Сколько понимаю теперь, она таила какія-то личныя переживанія.

Заказанный дядею шарабанчикъ, въ концѣ концовъ, удался на славу, но, Боже мой, сколько времени тянулось его сооруженіе. Мы, съ милымъ дядей, ѣздили смотрѣть его, когда онъ былъ еще „въ чернѣ“. Потомъ его грунтовали, потомъ красили, потомъ онъ еще „выстаивался“ у каретника — и длилось это безъ конца.

Съ лошадью вышло и того хуже, — полное разочарованіе.

Изъ Херсона привели довольно видную, повыше Гнѣдыша. Но она оказалась и злою и норовистою. Въ стойлѣ она разъ ухватила меня за плечо зубами до синяка, а верхомъ два раза сбросила, поддавъ на ходу задними ногами.

Эти „злоключенія“ пришлось скрыть отъ мамы, но дядя Всеволодъ зналъ о нихъ и очень сердился на Аполлона Дмитріевича и, даже, написалъ ему по этому поводу письмо.

Пришлось сбыть эту лошадь и искать другую. Временно ее смѣнила небольшая рыженькая, но неказистая на видъ. Ей я обязанъ тѣмъ, что совершенно освоился съ сѣдломъ и сталъ хорошо ѣздить верхомъ. Но въ шарабанчикѣ я почти на ней не ѣздилъ, рыси у ней хорошей не было и смѣшно было-бы пускать галопомъ.

Только значительно позднѣе, когда я уже былъ почти годъ въ гимназіи, счастливый случай меня выручилъ и вознаградилъ за все.

Николай присмотрѣлъ вороненькаго конька, вполнѣ подходящаго, съ чудеснымъ ходомъ. Его владѣлецъ, юный офицеръ вновь прибывшаго въ Николаевъ пѣхотнаго полка, часто рысилъ на немъ верхомъ мимо нашихъ оконъ.

Но онъ его не продавалъ, несмотря на всѣ подходы Николая, желавшаго мнѣ угодить.

Однако, какъ-то офицеръ самъ явился съ предложеніемъ „промѣняться лошадьми“, желая получить придачу.

Дядюха, видя какъ я весь загорѣлся отъ ожиданія, совсѣмъ не торговался и съ приплатою „тридцати серебрянниковъ“, потребованныхъ офицеромъ, „Арабчикъ“ сталъ навсегда моимъ достояніемъ.

— Должно быть проигрался въ карты, вотъ и приспичило, пусть отыгрывается, — сообразилъ дядя Всеволодъ относительно внезапной рѣшимости бывшаго владѣльца Арабчика.

Арабчикъ оказался чудной лошадкой, нисколько не уступающей Гнѣдышу, даже постатнѣе его.

Сколько неизгладимыхъ минутъ счастья онъ доставилъ всей моей дальнѣйшей юности, — невозможно и перечислить.

Я разстался съ нимъ только, когда уже уѣзжалъ въ Петербургъ въ университетъ, на семнадцатомъ году моей жизни.

Но какъ я забѣжалъ впередъ.....

Пока его у меня еще не было и образъ Гнѣдыша и тогдашнія мои неудачи съ лошадьми были источникомъ немалыхъ страданій.

До лѣта въ этотъ годъ время для меня тянулось и медленно, и какъ-то тревожно.

Подходящихъ сверстниковъ въ Николаевѣ у меня теперь не было.

Вася и Платонъ (дѣти Владиміра Михайловича Карабчевскаго отъ перваго брака), съ которыми я раньше довольно часто по настойчивому желанію „моей милой тети Лизы" видѣлся и игралъ, теперь были уже въ кадетскомъ корпусѣ въ Полтавѣ. Родившійся-же у самой тети Лизы, Сережа былъ еще на рукахъ у няни и у меня не было больше повода бывать въ домѣ Владиміра Михайловича.

Сама, такъ нѣкогда плѣнившая меня, черноокая, смуглая, стройная дѣвушка теперь ждала уже второго ребенка.

Она почти никуда не выѣзжала, но разъ я засталъ ее у мамы и сразу даже не узналъ.

Лицо ея мнѣ показалось опухшимъ, сама она какъ-то виновато все опускала потускнѣвшіе глаза.

Я, какъ всегда, поцѣловалъ ее, но уже безъ прежняго волненія и восторженности.

Мнѣ почудилось, что т а уже похоронена, а э т у мнѣ только жалко.

Самымъ любопытнымъ, и потому памятнымъ, событіемъ, совпавшимъ съ ея визитомъ къ мамѣ, было ея сообщеніе о томъ, что у нихъ сейчасъ гоститъ, неизвѣстно откуда взявшійся, старшій братъ ея мужа и покойнаго моего отца, Андрей Михайловичъ Карабчевскій, о которомъ давно въ Николаевѣ ничего не было слышно и котораго склонны были даже считать умершимъ.

По ея словамъ это былъ уже сѣдой старикъ, похожій „не то на художника, не то на монаха", немного странный, но довольно симпатичный.

Маму это извѣстіе оставило какъ-то странно равнодушной, она только промолвила: „покойный Платонъ знать его не хотѣлъ, это позоръ для рода Карабчевскихъ"!

Потомъ пріѣзжалъ еще Владиміръ Михайловичъ и очень убѣждалъ маму „принять брата", который хотѣлъ-бы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе.

Онъ и въ Николаевъ попалъ проѣздомъ именно затѣмъ, чтобы, ,,побывать въ святыхъ мѣстахъ", помириться ,,по христіански" со своими близкими.

Разрѣшеніе, въ концѣ концовъ, было дано.

Его появленію у насъ предшествовало не мало частью странныхъ, частью смѣшныхъ, частью непонятныхъ для меня разговоровъ.

Насколько я понялъ, выходило такъ.

Когда-то лихой гусарь, красавецъ, кутила и картежникъ, потомъ временно актеръ, потомъ неизвѣстно что, но вѣчно живой и предпріимчивый, онъ умудрился быть ,,троеженцемъ" т. е. одновременно мужемъ трехъ ,,настоящихъ" (т. е. обвѣнчанныхъ съ нимъ) женъ.

Дядя Всеволодъ и мама оба это согласно утверждали, расходясь лишь въ незначительныхъ подробностяхъ относительно дальнѣйшаго.

Три жены Андрея Михайловича Карабчевскаго, не раздѣленныя временемъ (,,одновременныя"), были за то основательно раздѣлены пространствомъ: одна жила въ Курскѣ, другая въ Симферополѣ, третья въ Тифлисѣ.

Долгое время онѣ ничего не подозрѣвали и онъ умудрялся жить съ ними въ ладу, наѣзжая періодически къ каждой поочереди.

Всѣ три были въ него влюблены и боготворили его.

Перавя, самая законная, что жила въ Симферополѣ, такъ и умерла въ счастливомъ невѣдѣніи, полагая, что оставляетъ его безутѣшнымъ вдовцомъ.

Двѣ другія какъ-то провѣдали истину, но, списавшись, или свидѣвшись, рѣшили скрывать ложность своего положенія.

Умерла затѣмъ та, что жила въ Тифлисѣ. Осталась только курская, не то помѣщица, не то богатая купчиха.

У этой была дочь взрослая и она рѣшила прибрать безпутнаго родителя, сдѣлать его домосѣдомъ и доподлиннымъ супругомъ и отцомъ.

Она желала, чтобы онъ, прежде всего, ,,очистился отъ грѣха", и стала его посылать замаливать свои грѣхи по святымъ мѣстамъ

Онъ побывалъ уже ,,на Валаамѣ"; теперь, черезъ Одессу, возвращался изъ-за границы, побывавъ ,,на Аѳонѣ".

Рѣшилъ заглянуть и въ Николаевъ, повидать родственниковъ.

Всѣ эти толки объ Андреѣ Михайловичѣ происходили между мамой, дядей Всеволодомъ и, нерѣдко, Григоріемъ Яковлевичемъ

Денисевичемъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Да и отдѣлаться отъ моего „присутствія“ было мудрено, я „совалъ свой носъ“ рѣшительно во все, что творилось въ домѣ.

Меня тогда поразило разнообразіе и даже противуположность сужденій и впечатлѣній, вызванныхъ личностью Андрея Михайловича и его похожденіями.

Я лично, про себя, довольно долго не могъ взять въ толкъ: почему нельзя имѣть трехъ женъ, если ихъ любишь?....

Дядя Всеволодъ по этому поводу только потѣшался, замѣчая: „молодецъ, турецкая кровь въ немъ сказалась“!

Григорій Яковлевичъ очень настаивалъ на „свободѣ чувствъ“ и склоненъ былъ прославлять „святость“ двухъ женщинъ, рѣшившихъ, изъ-за общей любви, нести до конца свой крестъ.

Мама сплошь возмущалась. Для Андрея Михайловича она не допускала никакихъ оправданій. Относительно двухъ, по мнѣнію Григорія Яковлевича, „святыхъ женщинъ“, запальчиво возражала: „хороши святыя... просто дуры несчастныя. Не спросясь броду, сунулись въ воду. Обрадовались первому встрѣчному заѣзжему искателю приключеній, чтобы кинуться ему въ объятія“.

Григорій Яковлевичъ, повидимому, близко принималъ къ сердцу затронутую тему, потому что не хотѣлъ уступить мамѣ.

Онъ очень настаивалъ на томъ, что истинное чувство оправдываетъ многое, если даже не все.

Помнится, мама даже разсердилась.

— Умный человѣкъ, а говоритъ глупости, — кипятилась она. Ровно ничего не оправдываетъ, а доказываетъ только распущенность. Этимъ обыкновенно прикрываются.....

Григорій Яковлевичъ, какъ-то смѣшно, насупился и только сказалъ:

— Ужъ очень вы строгая!.....

Мама сказала: „я одинаково строга и къ другимъ, и къ себѣ“.

Когда зашла рѣчь о замаливаніи грѣховъ и покаяніи Андрея Михайловича, опять вышло разногласіе.

Дядя Всеволодъ примирительно объявилъ: „кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ“, но Григорій Яковлевичъ сталъ развивать ту же мысль дальше и, на возраженія мамы, чуть-ли не со злостью промолвилъ:

— Строгость, строгость!... Преждевременное самобичеваніе, отрѣшеніе отъ лучшихъ радостей жизни..... А вдругъ

наступитъ раскаяніе на счетъ собственной строгости, выйдетъ тоже покаяніе... Какъ по вашему?!

— Зато безъ чувства брезгливости къ самой себѣ.... Сожалѣніе можетъ быть.... Когда совѣсть чиста — и грусть не угнетаетъ....

Григорій Яковлевичъ, точно качая въ тактъ головою, промолвилъ:

— Я вамъ завидую. право, завидую....

— Какая есть, — какъ-то неувѣренно, — промолвила мама.

Самое появленіе Андрея Михайловича имѣло гораздо менѣе эффекта, нежели всѣ предшествовавшіе толки о немъ.

Я его совсѣмъ не видѣлъ. Мы, съ сестрой и M-lle Clotilde какъ разъ уѣхали въ это время въ Лѣски, гдѣ замелькали уже подснѣжники. Мама отозвалась только о немъ: „не понимаю, съ чего взяла Лиза (она такъ интимно называла вторую жену Владиміра Михайловича, „мою“ тетю Лизу), что онъ похожъ не то на художника, не то на монаха. Сейчасъ видно, что былъ пропойца, просто слезливый старичишка, съ растрепанными волосами“.

Дядя Всеволодъ съ этимъ не вполнѣ соглашался, внося поправку: „однако и сейчасъ видно, что былъ красавецъ“.

Григорій Яковлевичъ вовсе его не видѣлъ и о немъ больше не заговаривалъ.

Когда совсѣмъ надвинулась весна, онъ вдругъ завелъ рѣчь о своемъ отъѣздѣ изъ Николаева навсегда.

Это было такъ неожиданно, что я даже ахнулъ: „а какъ-же моя гимназія“?

Мама мнѣ почти строго сказала: „а чѣмъ-же это можетъ помѣшать тебѣ? Григорій Яковлевичъ давно тяготится своимъ учительствомъ, рано или поздно пришлось-бы разстаться“ . .

Тутъ я замѣтилъ, что Григорій Яковлевичъ, внѣ своихъ уроковъ, вовсе, вдругъ, пересталъ приходить и по долгу засиживаться, какъ прежде, у насъ, бесѣдуя съ мамой. Затѣмъ съ недѣлю опять вдругъ зачастилъ и, наконецъ, пришелъ проститься: отъѣздъ его былъ рѣшенъ окончательно.

Мнѣ казалось, что я, сестра Ольга, дядя Всеволодъ и mademoiselle Clotilde были гораздо болѣе огорчены разставаніемъ съ нимъ, нежели мама. Мы его разцѣловали всѣ. Мамѣ онъ безъ конца цѣловалъ руки, а она только одинъ разъ поцѣловала его въ лобъ.

Пароходъ, съ которымъ онъ уѣзжалъ черезъ Одессу въ Крымъ, отходилъ рано утромъ и мама сказала, что провожать

его мы не поѣдемъ. Дядя Всеволодъ по этому поводу замѣтилъ: „дальнія проводы, лишнія слезы".

Отъѣздъ его на первыхъ порахъ сказался какъ-бы пустотою какою-то въ домѣ и я искренно огорчался.

Мама-же наоборотъ, какъ-то вся пріободрилась, точно повеселѣла. Она снова стала охотно играть на роялѣ, который было забросила, и все больше и больше была съ нами, почти неразлучно.

Mademoiselle Clotilde нѣжно, почти любовно, съ затаеннымъ восторгомъ, взглядывала на нее.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Новые владѣльцы Кирьяковки, Аполлонъ Дмитріевичъ и дядя Всеволодъ, очень звали маму на лѣто туда, но она почему-то заупрямилась и не поѣхала.

Она сослалась на то, что теперь туда наѣзжаютъ гости, а она еще въ траурѣ.

Но меня, съ дядей Всеволодомъ, и сестру Ольгу съ mademoiselle Clotilde погостить отпустила.

Грація Петровна занимала теперь аппартаменты бабушки, тамъ-же былъ и кабинетъ Аполлона Дмитріевича. У кузины Мани тоже была внизу очень изящно обставленная комната, по розовому, вся въ кружевахъ. Женя, съ швейцаркой своей, занимала прежнюю комнату Надежды Павловны, которая оставалась съ мамой въ городѣ.

Мы съ дядей Всеволодомъ расположились всѣ на верху, Тося пожелалъ быть неразлучнымъ со мною.

Въ Кирьяковкѣ почти каждое воскресенье появлялись гости, съѣзжавшіеся еще наканунѣ; для нихъ былъ отдѣланъ заново флигель въ старомъ домѣ.

Чаще всего это были все тѣ же трое, которыхъ я видѣлъ и съ которыми познакомился въ Херсонѣ: докторъ Граціи Петровны, суженый кузины Мани И. Д. Ревуцкій и насмѣшникъ А. А. Енкуватовъ.

Тутъ обстояло все по прежнему: доктору Грація Петровна жаловалась на мигрени и собиралась въ Эмсъ, двое другихъ, болѣе чѣмъ когда либо, были влюблены въ Маню, всюду слѣдо-

вали за нею и пикировались между собою при всякомъ удобномъ случаѣ.

Общія симпатіи какъ-то незримо окрыляли теперь застѣнчиваго И. Д. Ревуцкаго и онъ, нѣтъ, нѣтъ, ухитрялся ловко парировать язвительныя шпильки противника. Тогда всѣ хоромъ охотно кричали по адресу неугомоннаго А. А. Енкуватова: „выдохлись, выдохлись, довольно“!

У Жени завелась подруга, Наташа Л.

Она была почти такая-же красавица, какъ „кузица Маня“, но только совсѣмъ въ другомъ родѣ, и ей было четырнадцать лѣтъ.

Маня была блондинка, съ чертами Мадонны, которую я видѣлъ на гравюрѣ у мамы въ альбомѣ, у Наташи-же, которую всѣ звали „Талочкой“, были каштановые волосы и каріе, а не синіе какъ у Мани, глаза и на щекахъ чудныя ямочки; вся-же она походила на нарядную фарфоровую статуэтку французскаго стиля.

Она была „наша“, Николаевская, но воспитывалась въ Одесскомъ Институтѣ и только на каникулы бралась домой.

Но дома отецъ ея, военный инженеръ, нелюдимый вдовецъ, рѣшительно не зналъ, что дѣлать со своими двумя дочерьми, изъ которыхъ старшая, „Шета“ (Александра), была уже въ выпускномъ классѣ.

Онѣ вѣчно гостили у кого нибудь изъ знакомыхъ, такъ какъ скучали дома.

Старшая гостила теперь у кого-то въ Екатеринославской губерніи и чуть-ли не была уже невѣстой. „Талочка“ случайно подружилась съ Женей на пароходѣ, везшемъ ихъ изъ Одессы, куда изъ Николаева и Херсона модницы, весною и осенью, ѣздили за нарядами.

Эта „Талочка“ меня сразу очаровала. Она затмила въ моихъ глазахъ не только „мою тетю Лизу“, образъ которой самъ собою какъ-то затуманился, но и самое „кузину Маню“, къ которой меня не влекло больше.

„Талочка“ была большая кокетка.

Ей нравилось, что я и Тося, на перебой, старались ей услужить, ловя на лету малѣйшее ея желаніе.. Ей не было съ нами скучно.

Неизбалованная ухаживаніями взрослыхъ, она охотно принимала наше рыцарское преклоненіе предъ ея красотой.

Тося ужасно досадовалъ, что „какъ разъ, когда надо“, не могъ привести въ деревню своего Гнѣдыша съ шарабанчикомъ.

Гнѣдышъ его захромалъ; ветеринаръ нашелъ, что онъ ,,сплечился", и предписалъ продолжительный покой и лѣченіе.

Я-же втайнѣ благословлялъ судьбу, что она меня пощадила: какое преимущество имѣлъ-бы Тося въ глазахъ Талочки съ своимъ шарабанчикомъ, на которомъ онъ навѣрное возилъ-бы ее на всѣ наши экскурсіи и прогулки на своемъ великолѣпномъ Гнѣдышѣ.

Теперь мы ѣздили всѣ вмѣстѣ на разныхъ лошадяхъ и въ разныхъ экипажахъ, причемъ я и Тося имѣли одинаковые шансы быть съ нею въ одной компаніи, такъ какъ Маня со своими кавалерами держалась, въ качествѣ взрослой, особнякомъ.

Скоро я ,,окончательно влюбился" въ Талочку и испытывалъ всѣ муки ревности, когда подъ часъ мнѣ казалось, что она удѣляетъ Тосѣ больше вниманія, нежели мнѣ.

Я хотѣлъ бы быть одинъ на вѣки съ нею.

Въ минуты малодушнаго отчаянія, я даже пробовалъ ,,сочинять стихи"....

Помню только жалкій акростихъ на ея сокращенное имя ,,Тала".

Тебя люблю и обожаю,
А все что было забываю,
Люблю тебя, какъ никого
А ты за это — ничего!

По счастью, рѣшимости не хватило поднести его предмету моей страсти. Я даже поспѣшилъ изорвать начертанное, боясь, чтобы оно какъ-нибудь случайно, не попало въ руки А. А. Енкуватова. То-то было-бы потѣхи, не чета ,,сѣренькой книжкѣ", которую я еще ему не простилъ.

Богъ вѣсть какимъ чудомъ эти четыре глупыхъ стишка, однако, застряли въ моей памяти.

Къ концу нашего пребыванія въ Кирьяковкѣ, передъ отъѣздомъ Граціи Петровны и Мани въ ихъ неизбѣжный Эмсъ, было большое, не вполнѣ понятное мнѣ тогда, торжество.

Наѣхали какія-то власти изъ Херсона, былъ на лицо мировой посредникъ съ отвисшими усами, были и гости, сосѣдніе помѣщики.

Утромъ были собраны крестьяне на молебствіе, которое причтъ сосѣдняго села Солонихи служилъ съ болшою торжественностью на открытомъ воздухѣ.

Потомъ для крестьянъ-домохозяевъ были накрыты въ саду столы и ихъ угощали сытнымъ обѣдомъ, причемъ въ стакан-

чикахъ разносили водку, а на столахъ были кувшины съ пивомъ и медомъ.

Аполлонъ Дмитріевичъ, со стаканомъ въ рукѣ, говорилъ, стоя въ серединѣ столовъ, рѣчь и выпилъ за здоровье своихъ „будущихъ добрыхъ сосѣдей", обѣщая жить съ ними мирно и ладно.

Въ отвѣтъ обѣдавшіе крестьяне благодарили и Аполлона Дмитріевича и дядю Всеволода, который былъ тутъ-же, называя. ихъ своими новыми владѣльцами.

Вечеромъ для деревенской молодежи было устроено водворѣ особое празднество. Тутъ были и парни, и дѣвушки; старики, со старухами и малолѣтками, тоже пришли поглядѣть.

Всѣхъ угощали сластями, орѣхами и медовыми пряниками.

Дѣвушки водили хороводъ и пѣли. Порою въ ихъ кругъ врывались парни, иные изъ нихъ ловко и „фигуристо" отплясывали „казачка".

Кирьяковскіе крестьяне почти сплошь были „хохлы", все народъ видный и рослый. Дѣвушки, какъ на подборъ, были красивыя, статныя, въ своихъ яркихъ, пестрыхъ нарядахъ. Пѣнье было складное, безъ выкриковъ и подъ сводомъ звѣзднаго, точно смоль, чернаго неба, казалось, поднималось въ высь легкимъ дымкомъ.

Грація Петровна, пышно разряженная, стоя на террасѣ, окруженная гостями, величественно, словно царица, благодарила дѣвушекъ и парней за доставленное удовольствіе.

Все шло великолѣпно. Аполлонъ Дмитріевичъ, какъ всегда, нѣсколько суетливый, не скрывалъ своего восторга. Дядя Всеволодъ, болѣе спокойный, имѣлъ также довольный видъ.

Но, къ концу празднества непредвиденное несчастье всѣхъ повергло въ разстройство и уныніе.

У Тоси этимъ лѣтомъ былъ учитель, готовившій его въ гимназію, дюжій студентъ Дерптскаго университета, сынъ пастора въ Николаевѣ, Киберъ.

Онъ считался силачемъ и спортсмэномъ и часто затѣвалъ всевозможныя игры въ воздухѣ: въ гуси-лебеди, въ горѣлки и такъ далѣе.

И тутъ онъ не преминулъ наладить серію такихъ игръ, въ которыхъ приняли участіе не только мы, но кое-кто изъ деревенскихъ парней и дѣвушекъ, побойчѣе.

Вокругъ скучилась деревенская дѣтвора и жадно глазѣла на разыгравшихся „пановъ".

Во время одного изъ своихъ разбѣговъ, когда ему пришлось быстро попятиться задомъ, чтобы уклониться отъ настигавшаго его парня, злополучный Киберъ, со всего маха сшибъ пятилѣтнюю крестьянскую дѣвочку, зазѣвавшуюся на играющихъ.

Несчастный ребенокъ повалился замертво навзничь на землю и кровь фонтаномъ хлынула изъ горла.

Черезъ нѣсколько секундъ всѣ уже знали, что она мертва.

Ее бережно снесли въ ближайшую людскую и скоро отсюда. понеслись душу раздирающіе плачъ и вой ея родителей и многочисленныхъ родственниковъ.

Поднялось общее смятеніе.

Въ толпѣ начался ропотъ, послышались даже угрозы по адресу Кибера.

Несчастный схватилъ себя за голову и бѣгомъ пустился куда-то.

Съ Граціей Петровной сдѣлалась истерика и докторъ увлекъ ее въ ея аппартаменты. Аполлонъ Дмитріевичъ обратился къ толпѣ съ рѣчью, желая успокоить ее, а дядя Всеволодъ ходилъ въ людскую къ родителямъ убитой дѣвочки и дѣлалъ распоряженія относительно панихиды на завтрашнее утро. Всѣ искренно жалѣли и оплакивали несчастнаго ребенка.

Всю ночь изъ людской неслись жалобныя причитанія и женскія голосистыя завыванія.

Гости мигомъ разъѣхались, а домашніе, кто куда, забились по своимъ угламъ.

Кибера напрасно искали, — его нигдѣ не могли найти.

Въ полутемномъ корридорѣ я наткнулся на рыдавшую Талочку. Упершись локтями въ подоконникъ и закрывъ лицо руками, она вздрагивала, ея плечики подергивало, какъ въ лихорадкѣ.

Затаивъ дыханіе, я приблизился къ ней, испытывая болѣзненно-острое наслажденіе при одной мысли, что именно я, одинъ я, съ нею, пока она такъ страдаетъ.

Жгучій толчекъ меня приблизилъ къ ней и какая-то дикая смѣлость овладѣла мной. Я ухватилъ ея голову своими руками и сталъ безъ конца осыпать беззвучными поцѣлуями ея волосы, шею и обнаженныя плечики.

Она не сопротивлялась и не мѣняла положенія.

Но, вдругъ, послышались голоса сестры и Жени. Онѣ кликали Талочку. Я встряхнулъ ее, она откинулась и безпомощно положила руку на мое плечо. Это прикосновеніе обожгло меня.

Я держалъ ее еще въ своихъ объятіяхъ, когда Женя и сестра приняли ее отъ меня и увезли съ собою.....

Такъ улетѣло мое сновидѣніе.

Я долго не могъ заснуть въ своей постели, прислушиваясь, какъ ровно сопитъ и дышетъ Тося. Со двора все еще неслись какіе-то заглушенные вскрики. Чуялась тревога, близость гдѣто притаившейся смерти. Она подстерегала каждаго . . . и Талочку.

Какъ бы я укрылъ ее здѣсь въ теплой постели, крѣпко обхвативъ ея дорогое тѣльце.....

На другой день всѣ разъѣхались.

Кибера нашли подъ утро спящимъ въ отдаленной бесѣдкѣ сада.

Съ разсвѣтомъ его съ предосторожностями переправили въ городъ.

Талочку я видѣлъ только мелькомъ, когда она съ Граціей Петровной, Маней и Женей, отъѣзжала въ коляскѣ отъ крыльца.

Для насъ съ mademoiselle Clotilde подали отдѣльный экипажъ.

Тося и Саша еще раньше уѣхали съ Кибером.

Дядя Всеволодъ и Аполлонъ Дмитріевичъ остались въ Кирьяковкѣ, чтобы уладить дѣло съ родителями убитой дѣвочки и почтить своимъ присутствіемъ первую панихиду по умершей.

Когда, наканунѣ, ее, уже мертвую, отнесли въ людскую, я не утерпѣлъ и, вслѣдъ за дядей Всеволодомъ, проникъ туда и разглядѣлъ ее.

У нея было милое, загорѣлое, чистое личико.

Большіе сѣрые глазки, оттѣненные темными рѣсницами, еще были широко открыты.

Ласково-дѣтское любопытство, съ которымъ она довѣрчиво впилась въ игры взрослыхъ, такъ и застыло въ нихъ навсегда.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Когда, въ началѣ осени, я нервно и тревожно уже готовился къ вступительному экзамену въ гимназію, мы, съ сестрой, почти одновременно, заболѣли корью.

Начиная съ сознательнаго возраста, я не помнилъ никакой, болѣе или менѣе длительной, или серьезной своей болѣзни.

Еще при Марфѣ Мартемьяновнѣ, когда мы не обѣдали за общимъ столомъ, мнѣ случалось „обкушиваться“ и не рѣдко.

Тогда, по дорогѣ изъ Морского Госпиталя, заѣзжалъ къ намъ престарѣлый Никита Никитичъ Мазюкевичъ, женатый на родной сестрѣ покойнаго моего отца, Александрѣ Михайловнѣ.

Съ сестрой, мы прозвали ее „черной тетей Сашей“ потому, что ея округлое, все еще красивое лицо, было точно бронзировано, до того она была смугла.

Любила-же она одѣваться, при своихъ сѣдыхъ волосахъ, во все бѣлое, или свѣтлолиловое такъ, что контрастъ ея „черноты“ былъ разительный.

„Une mouche dans du lait“*) — сказала про нее mademoiselle Clotilde, когда съѣздила къ ней съ нами впервые знакомиться.

Подъ конецъ, я уже зналъ заранѣе, что именно пропишетъ добрѣйшій Никита Никитичъ послѣ того, какъ постукаетъ мой животъ и я высуну и покажу ему свой языкъ: очень противную сладковатую, бураго цвѣта, микстуру, — „бурду“, какъ окрестила ее сестра Ольга.

Послѣ трехдневной діэты на молочной кашкѣ, или бульонѣ, наступалъ блаженный мигъ, когда сама мама приносила спеціально для меня, „выздоравливающаго“, изготовленную собственноручно милѣйшею Надеждою Павловною, пухленькую котлетку, вкуса изумительнаго.

Это всегда знаменовало полное мое выздоровленіе и на слѣдующій день я уже бѣгалъ, „какъ встрепанный“.

Когда умеръ Никита Никитичъ Мазюкевичъ, его смѣнилъ, въ качествѣ домашняго врача, Антонъ Доминиковичъ Миштольдъ и мои заболѣванія стали еще болѣе рѣдки, хотя разъ, помнится, мнѣ почему-то ставили за ушами піявки, для чего приходилъ „армянскій человѣкъ“, Иванъ Федоровичъ, нѣкогда ой безпощадный „стригунъ-цирюльникъ“.

Когда мы съ сестрой только-что заболѣли корью, мама очень встревожилась, боясь осложненій.

Но „Доминикичъ“ ее успокоилъ.

Болѣзнь протекла правильно безъ малѣйшихъ осложненій и у меня объ этомъ времени, какъ и вообще о всѣхъ моихъ заболѣваніяхъ, сохранилось самое отрадное, а на этотъ разъ, почему-то, и очень яркое воспоминаніе.

„Сидѣть въ карантинѣ“, т. е. никуда не выходить изъ комнатъ, намъ пришлось долго, но это не только не было для насъ лишеніемъ, но, наоборотъ, казалось самымъ свѣтлымъ оазисомъ и безъ того счастливаго дѣтства.

Мама и mademoiselle Clotilde, оставившая на это время свои уроки въ городѣ, были неотступно съ нами, ставъ буквально нашими плѣнницами.

---

*) Муха въ молокѣ.

Никто изъ родственниковъ и знакомыхъ, боясь заразы, къ намъ не ходилъ, мама тоже никуда не выѣзжала.

Дядю Всеволода мама также въ домъ не впускала, опасаясь, чтобы не заболѣла Нелли.

Онъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что раза два въ день видѣлъ насъ ,,черезъ окно", подходя къ окнамъ нашихъ спаленъ, которыя выходили въ садъ.

Всякое ученіе было отмѣнено и никакихъ учителей мы не видѣли втеченіе шести недѣль.

Никто изъ сверстниковъ и ,,кузинъ" къ намъ не приходилъ, такъ что играть, бѣгать съ нами и вообще всячески развлекать насъ лежало на исключительной обязанности мамы и mademoiselle Clotilde, а иногда къ намъ присоединялась Матреша, по прежнему, состоявшая нашей горничной.

Въ сумерки игра въ прятки возобновлялась ежедневно и, хотя мы, съ сестрой и Матрешей, прятались почти все въ тѣ-же мѣста, насъ находили не сразу, приходилось ,,аукать".

Прятали также мамино кольцо, или наперстокъ, а спрятавшій говорилъ: ,,горячо, холодно, горячо, холодно" и спрятанную вещь, наконецъ, находили.

Когда-же зажигали огни, наступало полное блаженство.

Мама усаживалась въ кресло и вышивала ,,à l'anglaise", или ,,en Richelieu", а mademoiselle Clotilde садилась посрединѣ дивана, подъ лампу, раскрывала книжку и громко читала намъ.

Такъ мы прослушали ,,Athala", ,,Paul et Virginie" и многое другое.

Сестра обыкновенно зарисовывала что-нибудь въ альбомъ, который себѣ завела, а я ничего не дѣлалъ, если не считать за дѣло вообще непосѣдливость мою.

То я стремительно, и для нея вполнѣ неожиданно, кидался къ мамѣ и тискалъ ее въ своихъ объятіяхъ, не давая ей вышивать; то забирался съ ногами на диванъ и, стоя на колѣняхъ, раздувалъ вьющіеся волосики на затылкѣ mademoiselle Clotilde, не смѣя поцѣловать ея затылокъ, такъ какъ она не допускала никакихъ моихъ нѣжностей, то приставалъ и къ сестрѣ: растопыривалъ всѣ пять пальцевъ, клалъ руку ей на альбомъ и говорилъ: ,,рисуй"!

Ни первая, ни вторая не сердились, хотя подчасъ соглашались, что я бываю ,,insupportable"*), но я зналъ, что это говорится ,,любя".

*) Несносенъ.

Третья-же, т. е. сестра, обыкновенно реагировала энергичнѣе: она норовила побольнѣе хлопнуть меня по рукѣ, что, однако, ей не всегда удавалось.....

О, счастливое дѣтство мое!

Какъ я благославляю тебя въ эти, скорбные для моей родины, дни, переживаемые мною вдали отъ нея, противъ воли отрѣзаннымъ отъ нея!

Какая жгучая скорбь въ безсиліи дать ей хоть частицу того счастья, покоя, любви и ласки, которыми она вскормила мое дѣтство.

Неужели суждено мнѣ навсегда закрыть глаза при кровавомъ заревѣ неудержимо пожирающей ее вражды и злобы и не увидѣть ее никогда счастливой?

О, если такъ, заранѣе шлю свое загробное проклятіе всѣмъ, нагло обманувшимъ, истерзавшимъ, опозорившимъ ее!..

Пусть тяготѣетъ это проклятіе надъ ними до тѣхъ поръ, пока Россія не станетъ такой-же дѣтски-незлобливо-счастливой, какъ было счастливо мое дѣтство.

Кишиневъ
1918 г.

DK 254 K24A3 t.1
Karabvhevskiĭ, Nikolaĭ Platonovich
Chto glaza moi vidieli. t.1

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 10 13 04 013 4